

Предисловие к русскому изданию

Современный читатель не искушен в религиозной литературе. До последнего времени даже Библия была ему практически недоступна, поскольку издавалась Патриархией мизерными тиражами. Что же тогда говорить о жанре жизнеописаний Основателя христианства? Наш читатель совершенно незнаком с литературой этого рода.

Между тем попытки литературно-художественных интерпретаций евангельских сюжетов начались очень рано. Это и апокрифы, возникшие уже на рубеже I и II веков, и стихотворные переложения Евангелий, и различные сказания на новозаветные сюжеты.

Но собственно жизнеописаниям Иисуса Христа положил начало Э. Ренан своей книгой «Жизнь Иисуса» (французское издание 1863 г., русский перевод 1906 г.). Ренан поставил перед собой задачу обрисовать личность Христа на фоне событий и обстоятельств той эпохи. Еще в юности Ренан стал перед ложным выбором между наукой и религией. Ошибочно считая, что они противоречат друг другу, он предпочел науку и отверг веру.

Стоя на позиции рационализма, он создал образ фальшивый и далекий от Евангелий. Сначала Христос предстает как проповедник радости, но под воздействием неудач слащавый «чарующий Учитель» превращается в сумрачного Гиганта с несколько болезненными притязаниями. Христос в изображении Ренана оказывается сентиментальной и слабой личностью.

Вслед за Ренаном и другие авторы брались за жизнеописание Иисуса. Так, в 1921 г. итальянский писатель Джованни Папини издал беллетризованную «Историю Христа».

В 1923 г. в Белграде вышла книга Дм. Мережковского «Иисус Неизвестный». В ней есть историко-экзегетические страницы, блистающие эрудицией, проникнутые живой верой и любовью ко Христу, и наряду с этим многие главы написаны вяло, а богословие их весьма спорно с точки зрения Церкви.

На Западе большой популярностью пользуются работы К. Адама «Иисус Христос» (1961 г.), Ч. Додда «Основатель христианства» (1971 г.), беллетризованная евангельская история «Иисус Назарянин» (1972 г.) польского поэта Р. Брандстетера.

Особое место в этом ряду занимает замечательная книга «Сын Человеческий», написанная нашим соотечественником — трагически погибшим в 1990 г. протоиереем Александром Менем. Первый вариант этого труда создан в 1958, второй — в 1977 г.

В этом произведении сочетается серьезное историческое исследование и богословская выверенность с художественной силой и собственным глубоким опытом автора жизни во Христе. «Сын Человеческий» выдержал три издания за рубежом и сейчас впервые готовится к печати в нашей стране.

И вот перед нами первое жизнеописание Иисуса Христа, выходящее в России (если не считать дореволюционные издания Ренана).

Творчество Франсуа Мориака (1885–1970 гг.), «бессмертного», то есть члена Французской академии, лауреата Нобелевской премии (1952 г.), прижизненного классика, — широко известно в нашей стране. Его романы, эссе, мемуары переводились и неоднократно издавались большими тиражами.

В статьях и книгах о нем обычно упоминалось, что Ф. Мориак, наряду с Бернаносом, Клоделем, Пеги — католический писатель. Впрочем, он и сам так себя называл. Но что же это означает? А то, что вера в Бога позволяет Мориаку рассматривать жизнь с религиозных позиций, сопоставляя ее с христианскими критериями. Это отнюдь не значит, что Мориак присваивает себе роль морализирующего учителя нравов — просто он смотрит на окружающее как бы из вечности, оставаясь при этом большим художником-реалистом.

Эта важнейшая сторона его творчества у нас стыдливо замалчивалась. Никогда не издавали его исповедальный очерк «Во что я верю» (1962), а ведь это «символ веры» писателя, его духовное завещание. Не публиковались и его религиозные труды «Бог и Маммона» (1929), «Страдания и счастье христианина» (1931).

Только сейчас наш читатель сможет прочитать «Жизнь Иисуса» (1936), выходящую через 54 года после французского издания.

Прежде всего обращает на себя внимание совпадение ее названия с книгой Э. Ренана. Возможно, не бросая открытого вызова рационалистическому сочинению Ренана, Мориак все же имел в виду наперекор ему показать Иисуса Христа, увиденного глазами веры.

Иисус для Мориака Бог, умалившийся до облика бедного Назаретского Плотника ради того, чтобы принести людям Благою весть о спасающей любви Отца. Иисус предстает здесь, как и в Евангелиях, вполне Богом и вполне Человеком.

Образ этот написан с огромной реалистической силой. Более того, Мориак невольно выдает собственный опыт Богопознания — Иисус для него не просто Учитель веры, но истинный Господь и Бог. Тайна Богочеловека не может быть познана одними научными рациональными средствами, ее постижение неотделимо от акта личной, веры и свободного принятия кредо Церкви. Но вместе с тем вера эта ориентируется на событие, совершившееся в истории.

Мориак точно следует евангельскому тексту. Когда воображение художника дорисовывает живыми подробностями скупые штрихи евангелистов, писатель обычно оговаривает свой домысел, предупреждая о том читателей словами вроде «наверно», «может быть», «вероятно» и тому подобными.

И все же, несмотря на всю щепетильность автора, книга может смутить не подготовленного к этой теме читателя. Точно следуя Четвероевангелию, Мориак расставляет свои акценты. Он безжалостно сдирает зацелованную за два тысячелетия позолоту с облика Христа, безбоязненно обнажает те острые углы, которые вольно или невольно предпочитает обходить современное христианское сознание.

Возникает неистовый, резкий, неудобный в обращении Христос, похожий на почти натуралистические угловатые изображения Страстей, свойственные мастерам Средневековья и Раннего Возрождения. От рубахи Плотника пахнет потом, а не ладаном. Лицо Его после побоев превращается в маску из плевков, крови и гноя. Образ жестокий, трагичный, порой невыносимый. Чтение не из легких.

Мориак практически обрывает повествование на страшной сцене Распятия. В книге почти отсутствует утешительная пасхальная радость Воскресения, так свойственная православному сознанию.

Автор ставит читателя лицом к лицу с Богочеловеком, тщетно пытающимся под суровым обликом скрыть переполняющую Его любовь. Вместе с тем это страдающий,

одиноким, непонятый Сын Божий, которого распинают Его же создания, те, кому Он пришел отдать Себя без остатка.

Конечно же, ни одна интерпретация Евангелий не сравнится по силе и подлинности с оригиналом. Но «Жизнь Иисуса» Франсуа Мориака может послужить хорошим мостом, подводющим к самостоятельному чтению Священного Писания читателя, который семьдесят лет был насильственно лишен духовной пищи.

«Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4,4).

Зоя Масленикова

Предисловие автора к новому изданию

Едва книга вышла в свет, как автору захотелось немедленно вернуть ее обратно, потому что Лицо, о котором в ней идет речь, уникально и изобразить Его, не исказив, невозможно. Но поздно! Тысячи людей читают ее и выражают неудовольствие; со всех сторон доходят до него одни и те же упреки. Тогда автор начинает тревожиться: «Возможно, действительно Иисус был гораздо нежнее с Матерью, чем это следует из моей книги? И потом, описывая Его внешность, имел ли я право пренебречь обликом, запечатленным на Туринской плащанице? Имел ли я право заменить этот отпечаток портретом, родившимся у меня из Его внутреннего образа: не хилый, неказистый ремесленник, а Галилеянин, похожий на других соотечественников, и, наконец, такой, каким увидел Его Рембрандт? А может быть, человек, которого бичевали и распяли, человек с пронзенным сердцем, запечатленный на Туринской реликвии, действительно был велик, и именно его лицо предстанет однажды сквозь отверстые небеса в необычайном величии и славе... И почему я сделал столь неопределенным образ Марии Магдалины?»

В связи с этими и некоторыми другими замечаниями я внес ряд исправлений, насколько это можно было сделать, не переделывая полностью все произведение.

Мне остается извиниться перед экзегетами, если я огорчил их или вызвал их раздражение; однако в мои намерения не входило критическое исследование текстов. Новый Завет, каким он предстает перед нами сегодня — это история совершенно определенного Человека, психологический образ которого может попытаться создать каждый из нас. Я хотел показать, что «этот документ живет», как сказал Клодель, и ни в какой другой «истории» мы так не чувствуем дыхание героя.

Сказанное не значит, что я не признаю исторической критики или она мне совсем чужда. Я окончил коллеж в разгар модернистского кризиса общества. В начале нашего века вера молодого католика подвергалась атакам со всех сторон. Нападки на Церковь антиклерикалов-комбистов не шли ни в какое сравнение с ударами, наносившимися ее учению с блеском и «бесовской» страстью изнутри самой Церкви.

Я не пропускал ни одной публикации человека, которого тогда еще называли аббатом Луази, и с жадным интересом читал его статьи. Некоторые его мысли поражали меня: например, когда он говорил, что представление о науке, одобряемое его церковным начальством, не совпадает с его скромными познаниями. Я верил ему на слово и из солидарности с ним тоже отвергал те тексты Св. Писания, которые ученый отец объявил позднейшими вставками. Признаюсь, из-за него и его единомышленников я в течение нескольких лет воздерживался от чтения четвертого Евангелия. И даже из синоптиков я читал только Евангелие от Марка.

Подобно многим католикам тех лет, я долго находился в смятении и из-за трудностей исторического порядка стал вне истории искать основания для веры, приверженцем которой всегда был. Христос, продолжающий жить в Церкви, в ее святых и живущий в каждом из нас, — это Христос исторический. К тому времени я стал ревностным читателем анналов христианской философии. Я верил, что внутреннего откровения достаточно, чтобы, не подменяя им исторического факта Воплощения, пренебречь словопрениями историков. Недавно я обнаружил в моих заметках многочисленные выписки из трудов отца Тиррля и апологетов имманентности.

С тех пор Церковь отделила в этом смысле плевелы от пшеницы. Про себя я могу сказать, что многое для меня прояснилось, и размышления над Христом веры не только не удалили меня от Иисуса из Назарета, но, напротив, привели к Нему. Знание реки избавило меня от беспокойства насчет ее источника; большое цветущее дерево, обжитое птицами, помогло невооруженным взглядом разглядеть горчичное зерно.

Постепенно я привык хладнокровно относиться к некоторым критическим высказываниям. На глазах лопалось то, на чем априори основывались М. Луази и его ученики, и что требовало такой же веры, какой была моя вера в Христа: невозможность признать исторически достоверным то, что говорило о существовании сверхъестественного. Такой нигилизм непрерывно порождает самые немотивированные гипотезы и случайные предположения. Будь я более безразличен к этому предмету, я бы сегодня сказал, что ортодоксальная экзегеза по крайней мере опирается на традицию, тогда как противоречивые суждения ее противников, кроме несущественных моментов, чаще всего являются лишь точкой зрения, которая интересна как контроверза в научном споре.

«Сколь велики усилия тех, — прекрасно сказал Поль Клодель, — кто хочет затемнить божественность Христа, кто пытается набросить покрывало на невыносимый образ, чтобы принизить значение христианства, скрыть его очертания под наслоениями эрудиции и сомнения!»

Евангелие, раздробленное на мелкие части, стало представлять собой кучу невразумительных, сомнительных элементов, где каждый любитель выбирал себе материалы для собственных построений, столь же претенциозных, сколь и преходящих».

Когда мне сегодня случается перечитывать страницы, волновавшие меня раньше, или знакомиться с новыми публикациями, я вижу, что имею дело с людьми, страстно и высокомерно исповедующими свою веру. Они хотят быть уверены, что Иисус был таким же человеком, как и другие, таким же возмутителем спокойствия, каких было много и до и после Него. И было бы намного спокойней и лучше, если бы Он вовсе не родился! Да-да! Было бы гораздо лучше, если бы этот Человек никогда не родился. Тогда предавшие Его спокойно спали бы, повернувшись лицом к пустоте, как к стенке.

Что бы мне еще хотелось сказать? Беспокойство некоторых профессиональных экзегетов, их страстные доводы и суждения, которые они произносят с дрожью в голосе, само это волнение — еще одно свидетельство о Том, Кого они убили из эгоизма, но Кто вопреки всему упрямо продолжает жить и влиять на миллионы судеб.

Вы так же, как и я, не можете говорить о Нем бесстрастно. Вы вовлечены в борьбу. Вы свидетельствуете о Том, Кого пытаетесь уничтожить.

Лик, внезапно показавшийся на негативе фотографии Туринской плащаницы, — всего лишь отпечаток чуда, куда более поразительного: под ожесточенными ударами критики на протяжении века этот образ остается нетронутым; и хотя с ним без передышки борются, неугасимый огонь продолжает тайно гореть в человеческих сердцах. Противники в своем

отрицании дошли до крайности, они отрицают, что этот Человек вообще когда-либо существовал, объявляют Его жизнь мифом, порожденным человеческой надеждой. Они говорят, пишут; но Он всегда здесь, на это указывают также и те удары, которыми Его непрестанно осыпают: «Там, где будет тело, соберутся орлы...» Но не только орлы теснятся вокруг Воскресшего.

Однако я прекрасно знаю слабые стороны моей книги: после стольких статей и писем я убедился, что если и не исказил образ Христа, то во всяком случае произвольно использовал свет и тень, руководствуясь мне самому неясными предпочтениями. Я акцентировал внимание на том, что меня интересует в первую очередь, и прежде всего на неистовстве Богочеловека, о которое мой дух на самом деле преткнется, как бы желая доказать самому себе, что оно не противоречит моей вере. Его резкость, Его ярость я связал, быть может, со слишком человеческим представлением о любви. Я уверен, что во Христе они не противоречат любви, но, напротив, являются ее проявлениями, и затем в том споре, которым пронизана вся книга, в споре о благодати, я, возможно, увлекся, слишком отрицая всякую инициативу за человеком, всю ее передавая Иисусу, целиком доверяясь Его выбору, Его высочайшему предпочтению: «Не вы избрали Меня, но Я избрал вас». Все евангельские противоречия разрешаются, если принять, что Бог, который есть Любовь, уступает только тем доводам сердца, которые неподвластны разуму.

Так же как это бывает с произведениями человеческого гения, каждый из нас создает себе Царство по своей мерке, каждый христианин ищет во Христе своего собственного Спасителя; и как это чудесно, что Он пришел к каждому из нас, что среди Его слов мы находим те, которые относятся лично к нам, — в то время как другие слова трогают иные, более возвышенные души и понятнее тем, чьи трудности не похожи на наши драмы и тайные мучения.

Несмотря на слишком личный образ, который автор придал Христу, он знает, что его книга, по счастью, взволновала и пробудила некоторые сонные души. Нам крайне стыдно говорить о Нем, поскольку наша жизнь полностью погружена в мир, за который Он отказался молиться, поэтому мы должны хорошо проникнуться проверенной на опыте истиной: все происходит так, как будто каждый христианин имеет во владениях Отца свой наперед заданный удел, и он должен быть обработан и засеян. Если мы не справляемся, стоящая перед нами задача по существу все равно исполняется через нас и почти вопреки нам. Благодать использует нас для осуществления замысла, нас превосходящего: как будто Автор драмы нашептывает плохому актеру роль, которую он исполняет одними губами, безо всякого желания. Автор как бы сам без ведома публики в конце концов заменяет актера. Достигнутый успех далек от того результата, который был бы получен, если бы актер не подвел; но сердца зрителей задеты, как и должно было случиться...

Признание книги широкой публикой свидетельствует о некоем феномене, который можно определить одним ужасным выражением: «актуальность Христа». Наше время помогает лучше понять таинственный вопрос, поставленный Иисусом Самому Себе, так и оставшийся без ответа: «Когда Сын Человеческий вернется, найдет ли Он еще веру на земле?» Сегодня мы можем сказать, что именно Он, несомненно, найдет: подготовку к вере при почти полном отсутствии какого-либо положительного верования и необычайную опустошенность человеческой души. Огромные стада изнуренных овец блуждают без пастыря по улицам больших городов и, служа недолговечным идеям, расточают сокровище бескорыстия и любви, за которое могли бы приобрести вечность в тот день, когда Имеющий жизнь придет и скажет: «Не бойтесь, это Я».

Что же побудило меня взяться за описание Его жизни? Прежде всего желание вновь встретиться и даже некоторым образом соприкоснуться с живым и страдающим Человеком, чье место пустует среди людей, с Воплощенным Словом, иначе говоря, Существом во плоти,

подобной нашей плоти. Некоторые мои оппоненты (среди них М. Эдуар Дюжарден) удивляются, что я не стремился избавить Иисуса от унижений человеческой плоти, дабы показать только Его чисто духовную жизнь. Поскольку и Кушу, и Дюжарден — не богохульники и, строго говоря, не атеисты, они отрицают историческое существование Спасителя лишь затем, чтобы наделить Его жизнью, свободной от всего, что ограничивает, умаляет и унижает в Нем Бога.

Я далек от подобных искушений и в этом вопросе всегда подчиняюсь требованию моего разума, для которого наиболее естественно мыслить конкретными реалиями. Признаться ли мне? Если бы я не знал Христа, слово Бог было бы лишено для меня смысла. Только по особой благодати Бесконечное Существо перестает быть для меня невыразимым и невообразимым. Бог философов и ученых не мог бы играть никакой роли в моей нравственной жизни.

Лишь потому, что Бог вторгся в человечество и в определенный момент истории, в известной точке земного шара Человек из плоти и крови произнес некие слова и совершил некие поступки, — я встал на колени. Если бы Христос не сказал: «Отец наш...» — я бы никогда не испытал этого сыновнего чувства; такое обращение никогда бы не родилось в моем сердце и не прозвучало бы из моих уст. Я верю только в то, к чему могу прикоснуться, в то, что вижу, что проникает в мое существо; вот почему я верую во Христа. Старания умалить Его человеческую природу противоречат моему глубочайшему устремлению, отсюда то упорство, с каким я предпочитаю образу Христа-Царя, Мессии-Победителя — того униженного, замученного Человека, которого на постоялом дворе Эммауса путники, изображенные Рембрандтом, узнают в преломлении хлеба, — нашего израненного брата, нашего Бога.

Признаюсь, наконец, что никогда не разделял мыслей (хотя и уважаю их) людей, которые называют себя католиками и, однако, не верят в реального Христа. Если бы я не верил словам конкретного Человека, который родился в правление императора Августа и был распят при Тиберии, если бы вся Церковь основывалась на грезе и лжи (что, на мой взгляд, одно и то же), то в таком случае догматы, иерархия, установления, литургия лишились бы для меня всякого смысла и красоты, потому что красота Церкви — в сиянии истины. Если бы Иисус не был Христом, то, находясь в храме, я ощущал бы одну безмерную пустоту. В случае войны судьба самого неприметного рядового солдата интересовала бы меня куда больше, чем участь витражей Шартрского собора, которая с полным основанием волновала бы поклонников прекрасного.

Неверующий художник видит и изображает лишь великолепный фасад Церкви, который она показывает миру; он восхищается кораблем Петра, незыблемо стоящим в веках. Но он не помнит, сколько закланных жертв, сколько мучеников лежат в его основании: в течение девятнадцати веков из поколения в поколение лучшая часть человечества добровольно восходит на крест и остается там, и никакие насмешки не могут заставить их сойти с него. Никакие моральные, эстетические или общественные причины не вынудили бы меня принять самопожертвование стольких людей, если бы Иисус из Назарета не был Христом, Сыном Божиим, — если бы Он не существовал.

В монастырях и прицерковных домах (если говорить об одних монахах и священниках) царит не только дух радости и утешения. Но несомненно — он изобилует там. Их обитатели наслаждаются внутренним миром, который «не от мира сего». Их радость — это плод постоянных побед над природой, очень трудных побед, а есть еще и другие — те верные, которые поднялись до середины горы, они борются, изнемогают, падают, встают и снова бредут по дороге, помеченной кровью предшественников. Все они, и грешники, и святые, поверили слову, доверились торжественному обещанию: «Небо и земля прейдут, но слова Мои пребудут вовек». И те и другие, и святые и грешники восклицали в минуты сомнения и

тревоги: «К кому нам идти, Господи? Ты один имеешь глаголы жизни вечной». Зачем бы им делать то, что делали люди, умершие задолго до них? Что им до праха тех, кого им не довелось любить? Для них речь идет вовсе не о том, чтобы унаследовать национальное достояние прошлого или притворяться, что они верят в легенды, которые якобы помогают сохранить кое-какие полезные добродетели. Попробуем представить невозможное, допустим, они получили откровение, что Сын Человеческий — не Сын Божий. В таком случае они перестали бы идти за Ним, бросили Его крест, даже если бы речь шла о спасении какой-либо цивилизации или культуры. Люди идут за Ним, потому что Он сказал: «Я — Христос...», и они поверили Ему.

Не говорите мне, что надежда, не имеющая под собой основания, все равно остается надеждой, что если бы вечность не существовала, христиане никогда о том не узнали, и что, наконец, никого не смущает мысль о небытии. Подобные рассуждения годятся лишь для тех, кто давно покинул мир, а мир покинул их, кто приносит Богу никому уже не нужные останки. Для тех, кто наверняка одерживает верх в споре с Паскалем. Но для других? Для стольких молодых существ, посвятивших себя Богу в расцвете юности? Они все-таки отреклись от некоей реальности, ведь жалкое человеческое счастье как-никак существует. Любовь кажется нам непрочной и смешной лишь потому, что она — жалкое подобие Божественного единения.

Но если бы это единение оказалось иллюзией, если бы никогда в мире не прозвучали вечные обетования, наша слабая любовь стала бы бесценной жемчужиной, дороже которой ничего бы не было, и стоило бы отказаться от всего, чтобы ее приобрести. Но Слово стало плотью. Мы поклоняемся Кресту, потому что Оно было распято на нем. Крест без Слова — всего лишь виселица.

И потому каждый верующий, пусть даже чувствующий себя слабым и недостойным, должен ответить на этот вечный вопрос: «А вы за кого почитаете этого Человека?» Моя книга, столь недостойная Того, чью жизнь она описывает, — лишь один из тысяч других ответов, свидетельство христианина, знающего, что то, во что он верует, — истина.

Великое древо Вселенской Церкви кажется нам прекрасным лишь потому, что оно действительно живое, и, несмотря на множество омертвевших веток, оно полно животворных соков, кровь Христа продолжает питать его от корней до мельчайших веточек, до последнего листка. Церковь без Христа была бы причудливо выделанной, но пустой раковиной. Пусть даже ураган снесет все храмы и монастыри, дворцы и статуи — ничто на самом деле не погибнет, потому что останется Агнец Божий, чей образ я так неумело попытался здесь начертать.

Я еще раз заявляю, что никому не хочу навязывать этот образ Иисуса. Если каждый из наших друзей составляет о нас свое собственное представление, которое отличается от представлений других людей, то насколько же это справедливо по отношению к Сыну Божьему! И потому для меня как нежданный дар благодати — признание многих читателей, что это Жизнеописание глубоко тронуло столько человеческих сердец. Я благодарен моим читателям за их признания. Анонимные письма не всегда постыдны, среди них встречаются и прекрасные, например те, которые подписаны так: «Неизвестный бедный священник, имя которого вам ничего не скажет».

Париж

6 августа 1936 г.

Предисловие автора к первому изданию

Из всех историков экзегет наиболее уязвим. Если он отрицает сверхъестественное и не видит в Иисусе Бога, мы считаем, что он ничего не смыслит в предмете своего исследования, и все его познания гроша ломаного не стоят. Но если он — христианин, то мы говорим, что его религиозность нередко заставляет дрожать руку художника и порой затуманивает его взор, а Человек по имени Иисус, которого он изображает, исчезает в сиянии Божественной славы.

Несомненно, сочетание эрудиции и мистического опыта в личности писателя привело к появлению во Франции замечательных работ отца Лагранжа, отцов Гранмэзона, Лебретона, Пинара де Лабулэ, Юби. Но, увы, есть и другие! И мы знаем, почему сегодня многие здравомыслящие люди пришли к отрицанию исторического существования Христа: Иисус евангельский или ставится историками в один ряд с обыкновенными людьми, или от любви и почитания возносится слишком высоко над землей, на которой Он жил и умер, и теряет в глазах и верующих и неверующих реальные черты, так что от живой личности ничего уже не остается.

Итак, перед вами всего лишь католический писатель, пусть совсем несведущий, романист, который не раз узнавал себя в выдуманных им героях, — но и он, я думаю, имеет право принести свое свидетельство. Несомненно, «Жизнь Иисуса» надо было бы писать стоя на коленях с таким чувством собственного недостойнства, которое заставило бы выронить перо из рук. Грешный человек должен покрыться краской стыда от того, что осмелился завершить это произведение.

Но, возможно, мне удастся убедить читателей в том, что евангельский Иисус совершенно не похож на выдуманный, сочиненный образ.

Перед нами величайшая из фигур Истории, из всех исторических лиц она менее всего поддается логическому осмыслению, потому что самая живая. Нам надо уловить то, что есть в Иисусе особенного и неповторимого.

Прежде чем мы узнали, что Он — Бог, в определенную эпоху, достаточно близкую к нам по времени, явился Некто, некий Человек, который имел родину и принадлежал к определенному племени; Человек — один из многих, столь похожий на окружавших Его одиннадцать бедняков, что понадобился поцелуй Иуды, чтобы узнать Его, отличить от них. Этот Плотник говорит и действует как Бог. Этот простолюдин из Галилеи — выходец из очень бедной семьи, которая к тому же смеется над Ним и считает Его безумцем, — обладает такой властью над материей, над телами и душами людей, что вдохновляет их, вселяет в них мессианскую надежду; и священники, желая расправиться с обманщиком, прибегают к помощи своих злейших врагов — римлян.

Да, в их глазах обманщик, которому служат демоны, по-обезьяньи «подражающий» Богу, прикидывается отпускаящим грехи и богохульствует так, как не богохульствовал никто до Него. Таким показался им Иисус, к которому с трепетом относились близкие, видя в Нем смиренного и одновременно могущественного друга: один и тот же Человек, но так по-разному воспринимаемый, один и тот же, но совсем не похожий, в зависимости от того, в каком сердце отражается Его облик. Ему поклонялись простые люди, и Его ненавидели гордецы, и все потому, что видели в Нем проявления Божественного, и потому Он был одинаково не понят ни теми, ни другими — вот объект моего изображения, Тот, чей портрет, я так опрометчиво попытался набросать.

Непонятый и потому раздражающийся, временами нетерпеливый, гневающийся — Он таков, какую всегда являет себя любовь. Но под этой внешней неистовостью в глубине Его существа царит мир, который не похож ни на какой другой, «Мой мир», как Он Сам говорит,

— мир единения с Отцом, тихая любовь, которая заранее знает Свой час и то, что ждет ее в конце пути: агония, надругательства и виселица.

Внешняя горячность и глубинная тишина равно проявляются в Его словах. Их следовало бы брать по одному, очистить от ржавчины времени, от шлака, созданного привычкой, снять пласты прилизывающих комментариев, которые наслаивались в течение стольких лет — и тогда мы бы по-новому услышали голос, который невозможно спутать ни с каким другим: он вибрирует в каждом слове, дошедшем до нас, он звучит, не переставая вызывать не только любовь, но, как говорит отец Лакордер, «добродетели, приносящие плоды любви».

И эта дерзновенная книжка не зря была бы написана, если б хоть один читатель, закрыв ее, внезапно понял смысл слов, которыми оправдывались воины в ответ на упреки первосвященника, объясняя, почему они не решились схватить Иисуса: «Никогда человек не говорил так, как этот Человек».

1. Назаретская ночь

В правление кесаря Тиберия в Назарете жил плотник Иешуа, сын Иосифа и Марии. История молчит об этом местечке, и в Священном Писании оно тоже не упоминается: несколько домишек, выдолбленных в скале на склоне холма, смотрят на Ездrelонскую равнину. Сохранились остатки тех пещер, одна из них давала кров этому Младенцу, Юноше, Мужчине вместе с плотником Иосифом и Девой. Там Он прожил около тридцати лет — не в тишине благоговейного поклонения и любви, а в гуще соплеменников, среди сплетен, зависти, мелких ссор многочисленной родни, набожных галилеян, которые ненавидели римлян и Ирода и в ожидании победы Израиля ходили на праздники в Иерусалим.

Итак, они были там с самого начала Его безвестной жизни — те, кто при первых же чудесах объявит Его безумцем и захочет схватить Его. Евангелие сообщает нам их имена: Иаков, Иосий, Симон, Иуда... Возмущение назарян, когда Он произнес Свою первую проповедь в их синагоге, показывает, сколь Он был похож на других мальчишек — Своих сверстников. Ему не провести их. «Не плотник ли Он? — говорили они, — сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами и Его сестры?» Так говорили люди, на чьих глазах Он рос и чьи заказы выполнял еще совсем недавно. Он был плотник, один из двух или трех плотников этого местечка.

Однако и в этой мастерской, как и во всех мастерских мира, наступал час сумерек. Дверь и окно на улицу запирались. В комнате, за столом, на который клали хлеб, оставались трое: мужчина по имени Иосиф, женщина по имени Мария и мальчик по имени Иешуа. Позже, когда Иосиф покинул этот мир, Сын и Мать остались одни в ожидании грядущих событий.

О чем они говорили? «А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем». Этот текст из Евангелия Луки, а также другое место из того же Евангелия: «И Матерь Его сохраняла все слова в сердце Своем» — говорят не только о том, что евангелист узнал от Марии все, что он рассказывает о детстве Христа. Эти строки, подобно вспышке света, вырывают из мрака безвестную жизнь втроем, а затем и вдвоем в домишке плотника. Конечно, Женщина эта не могла забыть о тайне, которая совершилась в Ее плоти. Но шли годы, а обещания ангела-пророка не сбывались, и другая на Ее месте, возможно, перестала бы думать об этом, ибо пророчества были темны и внушали страх.

Архангел Гавриил сказал: «И вот, зачнешь во чреве и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог

престол Давида, отца Его, и будет царствовать над домом Иакова во веки веков, и Царству Его не будет конца».

Тем временем Младенец становился Отроком, Юношей и, наконец, Мужчиной, галилейским Плотником, склоняющимся над Своим верстаком. Он не был велик, Его не называли Сыном Всевышнего, и у Него не было престола, а всего лишь скамеечка у очага бедной кухни. Мать могла бы усомниться. Но вот свидетельство Луки: Мария ничего не забывала. Она неустанно перебирала все это в памяти.

Она берегла происшедшее в Своем сердце, хранила как тайну — даже, быть может, от самого Сына... Никакой беседы между ними об этом невозможно представить. Они говорили по-арамейски обычными для бедняков словами, называли ими обиходные предметы, орудия труда, пищу, и не было слов для того, что совершилось в этой Женщине. Безмолвное созерцание тайны началось в тиши Назарета — там, где ощущалось дыхание Троицы.

У колодца или там, где женщины стирают белье, кто бы поверил Марии, что, оставаясь Девой, Она родила Мессию? Но среди повседневных забот Она не переставала думать о сокровище Своего сердца: о приветствии ангела и словах, прозвучавших тогда в первый раз: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» — эти слова будут без конца повторяться из века в век, и смиренная Мария знала это. Однажды Она сама, исполнившись Духа Святого, произнесла перед своей родственницей Елисаветой пророчество: «Отныне будут ублажать Меня все роды».

Спустя двадцать, тридцать лет верила ли еще Мать Плотника, что Ее будут ублажать все роды? Она вспоминала, как, будучи беременной, отправилась в нагорную страну, в город Иудин. Она вошла в дом потерявшего речь священника Захарии и жены его Елисаветы. И взыграл младенец во чреве старой женщины, и Елисавета воскликнула: «Благословенна Ты между женами...»

Спустя двадцать, тридцать лет верила ли все еще Мария, что благословенна Она между женами? Ничего не происходило, да и что могло случиться особенного с усталым Плотником, уже не очень молодым иудеем, который только и умел, что строгать доски, размышлять над Писанием, повиноваться и молиться?

Оставался ли в живых хоть один свидетель Богоявления в ту благословенную ночь Рождества? Где те пастухи? Где волхвы-звездочеты, пришедшие откуда-то из-за Мертвого моря поклониться Младенцу? Казалось, вся история мира подчинилась тогда замыслу Всевышнего. Если кесарь Август и повелел сделать перепись по всей империи во всех покоренных землях, в том числе и в Палестине, во времена Ирода — то лишь для того, чтобы некая супружеская чета отправилась по дороге, ведущей из Назарета в Иерусалим и Вифлеем, и еще потому, что Михей изрек в свое время пророчество: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных: ибо из тебя произойдет Вождь, Который спасет народ Мой Израиля».

Постаревшая Мать Плотника пыталась разглядеть в глубоком мраке ангелов, которые после дня Благовещения постоянно являлись Ей. Это они в святую ночь показали пастухам путь к пещере и из глубины того же мрака, где Любовь дрожала в яслях от холода, обещали мир на земле людям доброй воли. И опять-таки ангел, явившись Иосифу во сне, велел ему взять Младенца и Матерь Его и бежать в Египет от гнева Ирода... Но с возвращением в Назарет Небо закрылось, ангелы исчезли.

Сыну Божиему нужно было время, чтобы глубоко погрузиться в человеческую плоть. Шли годы, и Матери Плотника могло бы показаться, что все это приснилось, если бы Она не

пребывала постоянно с Отцом и Сыном, вновь и вновь перебирая все свершившееся в Своем сердце.

Старец Симеон

Только об одном из прошедших событий Она, наверно, старалась пореже думать. В храме были произнесены слова, которые Ей, может быть, иногда хотелось забыть. На сороковой день после рождения Мальчика они вернулись в Иерусалим, чтобы Мария могла очиститься и посвятить Господу Младенца, ибо всякий первенец мужского пола принадлежал Господу: надо было выкупить Его за пять сиклей. И вот старец по имени Симеон взял Младенца на руки и вдруг, исполнившись Духа Святого, радостно воскликнул: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовил пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля». Но почему старец вдруг обернулся к Марии? Почему он предсказал: «И Тебе самой оружие пройдет душу...»?

И с той поры она никогда не забывала этих слов про оружие. В то мгновение оно вошло в Нее и осталось в Ней. Ибо Она хорошо знала, что поразить Ее можно только в Сыне и для Нее любое горе, как и любая радость, исходят от Него одного. Вот почему все, что было в Марии человечески слабого, радовалось, возможно, тому, что годы шли, а их скромный дом и бедная жизнь оставались безвестными. Быть может, Она думала, что для спасения мира довольно этого неведомого миру присутствия, тайного воплощения Бога — и Ей не нужно бояться иного оружия, кроме муки быть единственной на свете свидетельницей этой огромной любви.

2. Отрок среди учителей

Жизнь Марии и Сына была настолько обычной, настолько похожей на все другие, что Лука, который с гордостью отмечал во вступлении к своему рассказу, что написан он «по тщательном исследовании всего сначала», тем не менее ничего не может сообщить об отрочестве Христа, кроме одного случая, произошедшего во время паломничества в Иерусалим, когда двенадцатилетний Иисус вместе с родителями ходил на праздник Пасхи. Мария и Иосиф уже возвращались в Назарет, как вдруг Ребенок исчез. Сперва они думали, что Он идет с их соседями и знакомыми, и прошли без Него целый день. Затем их охватило беспокойство. Не найдя Его среди возвращавшихся, они в безумной тревоге вернулись назад и три дня блуждали по Иерусалиму, потеряв всякую надежду.

Когда же, наконец, родители нашли Его в Храме сидящим среди учителей, которые удивлялись Его речам, они и не подумали разделить их восторги, — напротив, Мать впервые, быть может, упрекнула Его: «Чадо, что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя».

И впервые Иешуа ответил не так, как ответил бы любой другой ребенок, отнюдь не тоном послушного ученика. Без дерзости, но так, будто Он не имел возраста, был вне всякого возраста, Он в свою очередь спросил их: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»

Они знали это и не знали... Свидетельство Луки определено: родители «не поняли сказанных Им слов». Мария была похожа на всех матерей, поглощена заботами и тревогами — а какой матери легко проникнуть в тайну призвания сына? Какую мать не ставит однажды в тупик повзрослевшее дитя, которое знает, чего хочет? Но избранница, какой была Она, знавшая эту тайну с самого начала, слагала в сердце Своем то, чего бедная женщина не понимала. И все же речь Ребенка могла показаться Ей жестокой. Говорил ли Ей Ее Иешуа когда-нибудь ласковые слова, кроме тех последних, что Она услышала с высоты креста?

Лука утверждает, что Иисус слушался родителей, но ни слова не говорит о том, что когда-нибудь Он бывал с ними ласков. В каждом обращении Христа к Матери, о котором сообщают евангелисты (кроме самого последнего), неуклонно проявляется Его независимость по отношению к Ней: как если б Он лишь воспользовался Ею для Своего воплощения. Он вышел из этой плоти, и словно не было больше ничего общего между Ними. Тем, кто как-то сказал Ему: «Вот Матерь Твоя и братья Твои стоят снаружи, желая говорить с Тобою...» — Он ответил: «Кто Матерь Моя? и кто братья Мои?» Затем обвел взглядом сидящих вокруг и сказал: «Вот Матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать...»

Ясно, по крайней мере, одно: двенадцатилетний Мальчик уже разговаривает с Ней твердо, словно хочет установить дистанцию, ведет себя с Ней тут как чужой. Мария знает, что так и должно быть. К тому же любой матери достаточно пожатия руки или одного взгляда, чтобы почувствовать себя любимой. Она каждое мгновение обретала Сына в Себе: Она не могла потерять Его, поскольку не расставалась с Ним в Своем сердце. У Христа впереди вечность, чтобы прославить Свою Мать по плоти. Возможно, здесь, на земле, Он иногда обращался с Ней так, как и теперь поступает со Своими невестами-монахинями, от которых хочет святости: им тоже знакома видимая оставленность и покинутость, но за монастырской решеткой, в келье или в гуще мира они хранят внутреннюю уверенность в том, что избраны и любимы.

Двенадцатилетний Иисус, который возрастал в премудрости, летах и в благодати и о котором Мария, возвращавшаяся из Иерусалима, думала, что Он находится среди родственников и соседей, жил в гуще людей — ремесленников, подобных Ему, пахарей, виноградарей, рыбаков с озера. Эти люди толковали о семенах и овцах, о сетях, лодках и рыбе, следили за закатом солнца, чтобы предугадать ветер или дождь.

Уже с той поры Он знает, что будет понятен простым людям, если станет говорить с ними словами, обозначающими вещи, которыми они каждый день пользуются, говорить о том, что они собирают, сеют и жнут в поте лица своего. А все то, что выходит за пределы обихода, может быть понято бедными людьми лишь через сравнение со знакомым, по аналогии: вода из колодца, вино, горчичное зерно, смоковница, овца, закваска, мера муки, — и этого достаточно, чтобы самые простые люди поняли Истину.

Иисус-юноша

Двенадцатилетний иудей считается уже вышедшим из детского возраста. Иисус, удивлявший учителей, в глазах назарян, должно быть, выглядел очень набожным мальчиком, хорошо знающим Тору. Но между этим происшествием, случившимся во время посещения Иерусалима, и Его вступлением на широкое поприще служения людям проходят наиболее загадочные восемнадцать лет. Ребенка Иисуса можно представить, ибо детство бывает столь чистым... Но Иисус-юноша? Иисус-мужчина? Как проникнуть в эту тайну?

Он был всецело человеком и, кроме греха, облек Себя всеми нашими слабостями — и нашей молодостью тоже, но, конечно, без ее смут, бесплодной безудержности и сердечных тревог. В тридцать лет Ему достаточно будет сказать: «Оставь все и следуй за Мной», чтобы человек встал и пошел за Ним. Женщины будут оставлять безрассудства, чтобы поклоняться Ему. Враги станут ненавидеть в Нем человека, который очаровывает и соблазняет. Ведь люди, которых не любят, считают других обольстителями. Возможно, власть над сердцами еще не проявлялась в Юноше, строгавшем доски и размышлявшем над Торой среди близких Ему ремесленников, земледельцев и рыбаков... Но что мы знаем об этом? Как бы ни укрывал Иисус огонь, который пришел зажечь на земле, не пробивался ли он в Его взгляде, в Его голосе? Может быть, тогда Он приказывал какому-нибудь юноше: «Нет, не вставай! Не следуй за Мной».

Что говорили о Нем? Почему Сын плотника не брал Себе жены? Несомненно, набожность охраняла Его от пересудов. Непрерывная молитва, хотя и не выражается словами, создает вокруг святых атмосферу сосредоточенности и богопочитания. Мы все встречали людей, которые, занимаясь повседневными делами, непрерывно находятся в присутствии Бога — и даже самые порочные чтят их, смутно ощущая это Присутствие.

И действительно, Тот, кому будут повиноваться и ветер и море, обладал властью воцарять в сердцах великий покой. Он обладал силой, запрещавшей женщинам испытывать волнение при Его виде. Он умирал начинающиеся сердечные бури, ибо тогда в Нем поклонялись бы не Сыну Божию, а человеку среди людей.

3. Последние дни безвестной жизни

Молва о проповеди Иоанна Крестителя достигла Назарета. Если в пятнадцатый год правления Тиберия существовал на земле такой уголок, где люди знали, что единый Бог ждет и требует от каждого из нас не жертвы всеожжаний, а внутренней чистоты, сердечного покаяния, смирения, любви к бедным, — то это была Галилея, находившаяся под властью тетрарха Ирода Антипы, и ее народ, презираемый римлянами и греками. Афины и Рим не знали себе равных ни в могуществе, ни в философии, ни в наслаждениях. Здесь же небольшой народец развивался в противоположном направлении, отказываясь от погони за властью, насыщением, удовлетворением плотских желаний. На берегах Мертвого моря в посте и воздержании жили ессеи, заботившиеся только о душе.

Можно представить себе мастерскую в Назарете и в ней Человека, ожидающего приближения Своего часа. Возможно, Мария рассказывала Ему об Иоанне, сыне Ее родственницы Елисаветы и о его таинственном рождении. О том, как священник Захария и его бесплодная жена Елисавета достигли старости; как Захарии, когда он остался один в Храме для каждения, пока народ ждал снаружи, открылось, что родится у него младенец мужского пола, который будет исполнен Духа Святого. Но Захария на мгновение усомнился в чуде и за то был лишен дара речи, пока пророчество не свершилось и Елисавета не родила сына. Тогда, вопреки советам соседей, отец написал на табличке: «Иоанн имя его». И тотчас разрешился язык его. Мария помнила, как шесть месяцев спустя посетила родственницу. Но прошло столько лет, и Ей уже не вспоминалось славословие, которое Она произнесла у порога: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей; ибо отныне будут ублажать Меня все роды» Нет, тишина последних часов их безвестной жизни не могла быть нарушена гимном радости. Мария понимала, что час настал: Она уже чувствовала, как в Ее сердце шевельнулось то оружие.

Ибо Предтеча, о котором рассказывали, что носит он кожаный пояс на чреслах своих и одежды его сделаны из верблюжьего волоса, а питается он акридами и диким медом, не только проповедовал с угрозами покаяние и крестил в воде; он возвещал неминуемый приход какого-то неведомого Человека: «Я не достоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его. Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым... Стоит среди вас Некто, которого вы не знаете».

Мытари, воины, простолюдины вопрошали его: «Что нам делать?» Мытарям он отвечал: «Ничего не требуйте более определенного вам», воинам: «Никого не обижайте». И, несомненно, их ревностные сердца не были удовлетворены. Сами того не ведая, они ждали неслыханного ответа, который вскоре даст им Другой: «Если хотите быть совершенны, оставьте все и следуйте за Мной».

Иоанн говорил об этом Незнакомце прямо: «Идущий за мною сильнее меня: лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, а солому сожжет огнем неугасимым».

Последние дни укромной жизни. Работник уже более не работник. Он отказывается от всех заказов, в мастерской веет запустением. Молился Он всегда — но сейчас днем и ночью Мария застаёт Его повергнутым ниц. Возможно, Им уже владело нетерпение — скорее бы все свершилось, — нетерпение, которое нередко еще будет проявляться за время Его трехлетнего восхождения на Голгофу. О, как не терпелось услышать Ему потрескивание первых лучинок того пламени, которое предстояло Ему разжечь! До этого часа Господь настолько умалился в человеке, что даже Мать Его, хоть и посвященная в тайну, забывала о ней, отдыхая от тяжкого бремени знания. Это было Дитя, такое же, как все дети, и Она целовала Его, смотрела, как Он спит. Это был Юноша, которому Она чинила хитон; Он зарабатывал на хлеб, садился за стол, чтобы поесть, разговаривал с соседями; были и другие, похожие на Него набожные ремесленники, хорошо знавшие Писание. И, конечно, в эти последние дни это все тот же Человек; Он по-прежнему подходит к двери, молча, с отрешенным взглядом слушает разговоры соседей, внимательно прислушиваясь к доходящей со всех сторон молве об Иоанне. Но вот уже проявляется в Нем сила, и Мать Его единственная тому свидетельница. Да, человек, как человек, но вместе с тем и Тот, кого будут называть таинственными словами «Сын Человеческий».

Сейчас Он уже далек отсюда, полностью отдан тому, что любит, тому человечеству, которое надо будет отвоевать, — и у какого врага! Думая о Своих врагах, Иисус представляет Себе не фарисеев, первосвященников или воинов, которые будут бить Его по лицу. Взглянем правде в глаза: Он знает Своего противника — у того много имен на всех языках. Иисус есть свет, пришедший в мир, который отдан во власть тьмы. В этот пятнадцатый год правления Тиберия сатана открыто правит миром. Для кесаря, живущего на Капри, он изобретает гнусные игрища, о которых рассказывает Светоний. Он пользуется богами, чтобы развращать людей, он подменяет собою богов, обожествляет злодеяние, он — владыка мира.

Иисус знает его, но он еще не знает Иисуса: он не вводил бы Его в искушение, если б знал Его. Просто он ходит вокруг самой чистой и самой святой души, к какой когда-либо осмеливался приблизиться. Но какой святой непогрешим? Именно это всегда и ободряет сатану. Гордость, погубившая его самого, как язва обезображивает столько лиц, считающих себя ангельскими!

Сейчас Сын Человеческий подобен гладиатору, еще скрытому где-то во мраке, но уже готовому выйти на залитую ярким светом арену, где Его в страхе ждет зверь. «Я видел, — воскликнет Христос в один радостный день, — Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию!» Быть может, это падение Он увидел внутренним взором в последние часы Своей безвестной жизни. Видел ли Он (а как Он мог не видеть?), что побежденный ангел увлечет за собой миллионы душ, которых будет больше, чем хлопьев в снежной буре?

И Он взял плащ, завязал сандалии и сказал Своей Матери прощальные слова, которых никто никогда не узнает.

4. Крещение Иисуса

Иисус спешит в Иудею, Он идет в ту область Иордании, близ Вифании, где Его ждут первые друзья. Но это не та Вифания, в которой незадолго до смертного часа будут поклоняться Ему последние Его друзья.

Идет ли Он один или, быть может, с Ним идут и другие назаряне, прослышавшие об Иоанновом крещении? Сердцем Он уже знает учеников Крестителя, которые пришли из Вифсаиды в Вифанию и, едва завидя Иисуса, оставят Предтечу. А среди них самый любимый: сын Зеведеев...

Но Иоанн был один, когда Иисус приблизился к нему — он Его еще не знал. Позднее Иоанн воскликнет: «Вот Агнец Божий, который берет на Себя грехи мира».

Вместе с другими набожными иудеями Иисус идет совершить покаянное омовение, будто и у Него есть грехи, от которых требуется очиститься. Сыну Человеческому надо было сделать первый шаг, выделиться из той человеческой массы, в которую вот уже тридцать лет Он был погружен более, чем зерно в землю, где был сокрыт более, чем сегодня в Евхаристии. Но Ему не подобало выходить на подмости и кричать: «Я Христос, Сын Божий». Он снимает одежду, входит в воду и, несмотря на отказ Иоанна, требует крещения. И Тогда Дух Святой явственно осеняет Его крыльями, тень которых тридцать лет назад трепетала на Деве, чтобы Она зачала. Иоанн Креститель (а может быть, и другие) слышит голос: «Ты есть Сын Мой возлюбленный И сын Человеческий уходит в пустыню, где рыщет дьявол, неотступно преследуя этого опасного Незнакомца».

Первый зов

После сорока дней поста и созерцания Иисус вернулся на место крещения. Он заранее знал, ради какой встречи. «Агнец Божий!» — воскликнул пророк (конечно, вполголоса), увидев Его. На этот раз рядом с Иоанном были двое его учеников: они взглянули на Иисуса, и взгляда этого было достаточно. Они пошли за Ним туда, где Он жил. Один из них был Андрей, брат Симона, другой — Иоанн, сын Зеведеев. «Иисус, взглянув на него, полюбил его...». Это сказано о богатом юноше, который отошел опечаленным, здесь же эти слова подразумеваются. Что делал Иисус, чтобы удержать их? — Увидев, как они последовали за Ним, Он спросил: «Что ищете вы?» Они ответили: «Равви, где живешь?» Иисус сказал им: «Пойдите и увидите». Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа.

Эти слова так же волнуют, как и любая прямая речь Христа. Где Он живет? В пустыне, полной камней, которые сатана подстрекает превратить в хлеба. При этой первой встрече, предвещающей будущую Вифанию, свершается тайное чудо, чудо вспыхнувшей между ними сверхчеловеческой, невыразимой любви. Зажженный огонь уже разгорается, перебрасываясь с дерева на дерево, от души к душе: Андрей сообщает брату, что нашел Христа, и приводит в пустыню Симона, которого Иисус с того дня нарекает Кифой — «камнем».

На следующий день пламя распространяется дальше и охватывает еще и Филиппа, тоже жителя Вифсаиды, как Андрей и Петр. Каким словом и поступком привлекает его Христос — нам неизвестно. Но огонь от Филиппа перебрасывается к Нафанаилу. Это новое дерево не сразу загорается; Нафанаил знает Писание и потому возражает: ничего доброго не может прийти из Назарета. Его друзья отвечают ему просто: «Пойди и посмотри».

Достаточно ли было избранной душе увидеть Иисуса, чтобы признать Его? Нет, Иисус подавал ей знак. И знак, который позже убедит самарянку, был дан и Нафанаилу. «Почему Ты знаешь меня?» — недоверчиво спросил тот. «Прежде, нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя». Нафанаил тут же отвечал: «Ты — Сын Божий».

Неважно, что о самом деле, совершавшемся в большой тайне под смоковницей, ничего не было сказано. Но Нафанаил вдруг обнаружил, что всей душой предан этому Человеку, весь открыт перед Ним, как это случается и теперь с самым грешным из нас, когда он падает ниц, каясь в грехах, или протягивает лицо к Святым Дарам. Кому только ни подавал Христос во время земной Своей жизни этот знак, повергающий простых бесхитростных людей лицом на землю! Он ответит вслух и на самые тайные мысли книжников и фарисеев; но они отнюдь не ударят себя в грудь, а увидят здесь лишь коварство Веельзевула. Их неверие не так удивляет Христа, как вера смиренного Нафанаила, и легко представить себе Его улыбку, с

которой Он говорит: «Ты веришь, потому что Я тебе сказал: „Я видел тебя под смоковницею“, но увидишь больше этого».

Возможно, когда произошла встреча с Нафанаилом, Иисус уже покинул пустыню, где сорок дней постился и подвергался натиску князя тьмы. Поднявшись вверх по течению Иордана, через Архелаиду и Скифополь, Он достиг Тивериадского озера и Вифсаиды, родины учеников, которых недавно похитил у Иоанна. Еще не настал окончательно тот час, когда они оставят все: они ненадолго возвращаются к своим сетям и лодкам, ибо это только первый зов.

Мы ничего не знаем о чувствах покинутого Предтечи, кроме того, что вскоре в его окружении возникнет некоторая враждебность по отношению к Иисусовым ученикам. Но Сын Человеческий приходит, как вор, и, похитив возлюбленную душу, не оглядывается на оставшихся в одиночестве. Его благодать действует в глубине тех сердец, которых Он лишил сына или дочери; Его утешение приходит к ним неведомыми нам путями. Ничто Ему так не чуждо, как протесты, оправдания, слезы. Долгие столетия приглаживался и тускнел Его образ. Но сквозь многовековую патину нам нужно пробиться к тому кроткому и непреклонному Иудею, который, пришел, как Он сам говорит, разделить людей и с самого начала проявил в этом безжалостное упорство, с кажущимся равнодушием Бога отняв у Провозвестника покаяния и крещения ближайших друзей. Вскоре Он объявит во всеуслышание: Он принес не мир, но меч, Он требует, чтобы Его предпочли самым близким, родным людям и даже такому учителю, как Иоанн, и, оставив их, следовали за Ним.

5. Кана

Иисус, еще бледный от поста и борьбы с сатаной, пройдя вдоль Иордана, достиг Тивериадского озера со Своими новыми друзьями. Это были Иоанн: сын Зеведея, уже самый из всех любимый, затем Андрей, Симон-Петр, Нафанаил, называемый также Варфоломеем. Каждый из них впервые переживал ту драму, которую Христос принес в мир и которая еще сегодня разыгрывается повсюду, где прославляется Его имя: призвание, зов, возражения бедняков, с головой погруженных в житейские заботы. Их удерживает множество разных помех, особенно кровные узы, опутывающие сердце, и в то же время они предназначены для дивной чистоты. Но сейчас на берегу озера эти люди счастливы наедине с Христом. Ничто не мешает ни им, ни привлечшему их Учителю жить тут под действием благодати.

Иисус не торопит. Он позволяет им на некоторое время вернуться к своим семьям, к их привычному ремеслу. Сам Он возвращается в Назарет, в дом Матери. Все они встретятся в Кане Галилейской, куда приглашены на свадьбу. Евангелист Иоанн отмечает, что Христос приходит туда вместе с учениками. Во время трапезы Иисус говорит Марии: «Еще не пришел час Мой», — следовательно, праздник происходит после их возвращения в Галилею, незадолго до того, как апостолы оставят все, чтобы последовать за Ним.

Первое чудо Иисус совершает на брачном пире, во время такой веселой свадьбы, что не хватило вина и Ему пришлось превратить в вино предназначенную для омовения воду из шести каменных водоносов!

«Он явил славу Свою, — пишет Иоанн, — и уверовали в Него ученики Его». Ради них совершил Он это чудо, готовя их с полной самоотдачей откликнуться на второй зов. К тому же Мария просила Его: «Вина нет у них». И Он, несмотря на Свой довольно суровый ответ, обнаружил удивительную уступчивость перед просьбой Матери.

Решение уже принято: Он будет переступать через любой порог и садиться за любой стол, потому что пришел Он для заблудших, для грешников.

Соблазн начинается с Каны и будет продолжаться до Вифании, до последнего миропомзания. Этот Человек, называющий Себя Сыном Человеческим, будет что ни день компрометировать Себя общением с мытарями, блудницами, распутниками и отверженными. В Кане это были развеселившиеся гости, не упускавшие случая пошутить и посмеяться. Распорядитель пира кричит жениху: «Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, Тогда худшее, а ты хорошее вино сберег напоследок!» Можно не сомневаться — шесть каменных водоносов подбавили веселья на уже разгулявшейся свадьбе. Наверно какие-нибудь трезвенники задавали Христу ханжеский вопрос, который часто будут повторять фарисеи: «Почему ученики Иоанна постятся, а Твои нет?» Но Он улыбается и молчит, ибо не пришел час Его.

Так Нафанаил, как и предвещал ему Христос, становится свидетелем более удивительного чуда, чем то, которым он восхитился в Вифании. Отныне чего не может совершить Сын Человеческий? И в тот день, когда Он скажет, что вино есть кровь Его, а хлеб — тело Его, тем, кто был Тогда в Кане, не трудно будет поверить. Они сами еще не знают, что это первое чудо, казалось бы, наименее «духовное» из всех, готовит их к непостижимому таинству.

Последний зов

Иисус отправился с учениками в Капернаум, к озеру, где Симон, Андрей, Иаков и Иоанн вновь вернулись к сетям и лодкам. Он оставил их лишь ненадолго; теперь они от Него не уйдут. Проходя у озера и увидев друзей, закидывающих сети, Иисус говорит только: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков», — и они, не оглядываясь, оставляют все и следуют за Ним. Мы так часто читали об этом, что все кажется очень просто. На деле же Он и на этот раз подает им новый знак Своего могущества, выбрав то, что наверняка могло поразить этих бесхитростных людей. Сперва Он попросил у них лодку, чтобы уйти от слишком теснившей Его толпы. Когда Симон немного отплыл, Иисус, сидя на корме, заговорил с народом, собравшимся на берегу и, конечно, возбужденным, так как из-за Него уже начинались раздоры. В Назарете, в синагоге (где, как и любой благочестивый еврей, Он имел право говорить) Его толкования пророков раздражали людей, на чьих глазах Он вырос. Плотник Иешуа не внушал им никакого доверия, несмотря на Его исцеления, о которых начали поговаривать. И до крайнего раздражения Он довел их, дав понять, что не им, а язычникам будет оказано предпочтение. Лишь чудом избежал Он расправы.

Но на этот раз Он уже не один перед толпой. Рядом в лодке Симон и сыновья Зеведеевы. Еще в Вифании рыбаки убедились, что Ему известна тайная жизнь каждого, своими глазами видели они чудо, совершенное в Кане, и исцеление тещи Симона от горячки. Ему остается лишь поразить их тем, что в их глазах важнее всего: наловить вдоволь рыбы, — тут уж они поймут, что дело это сверхъестественное! Как раз прошлую ночь они трудились до утра и ничего не поймали — а тут Симон зовет на помощь Иакова и Иоанна, чтобы вытянуть сети! Обе лодки так переполнены рыбой, что глубоко оседают в воду. Тогда Кифа падает на колени. И поныне осознание нашей скверны во всей ее неприглядности — знак Божественного Присутствия. «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный». Ответ Иисуса, как и многие Его слова, содержит пророчество, которое и ныне сбывается на наших глазах: «Отныне будешь ловить человеков».

По крайней мере один из них — Симон — был женат. И когда прозвучал решающий призыв, Иаков и Иоанн бросают не только лодку, но и своего отца Зеведея. Они покидают его, оставив с наемными работниками, — уточняет евангелист, чтобы подчеркнуть всю неблагоприятность этого поступка. «Если кто приходит ко Мне, — пришлось как-то повторить Иисусу с особой силой, — и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Никогда раньше Сын Человеческий не настаивал так решительно на необходимости преодолеть свою природу. Однако это неслыханное требование — не конечная цель, но

начало всякого освящения. Нет, недаром Христа так любили и так яростно ненавидели. Какая наивность смущаться тем, что многие видевшие Христа во плоти не сумели полюбить Его! Многие смягчают значение самых суровых Его слов, усматривая в них преувеличения, свойственные восточным языкам. И однако евреи возмущались: «Какие странные слова! Кто может это слушать?» Значит, раздражали они даже привыкших к гиперболам семитов. Слова эти и теперь кажутся жестокими и отталкивающими. Абсолютная любовь возмущает посредственность, шокирует воображающих себя избранниками, отвращает утонченных. И, несомненно, враги (и даже мнимые друзья) ненавидели бы Его еще сильнее, если б не подменяли образом слащавого, приторного раввина того Человека, который на самом деле жил и проявил «цельный», в метафизическом смысле этого слова, характер, характер действительно непреклонный. Сегодня многим мешает ненавидеть Христа собственное невежество. Настоящего — они бы Его не вынесли. Иисус настолько учитывает значение Своих слов, что призывает нас рассчитать силы, прежде чем броситься Ему вслед: «Ибо, — говорит Он, — кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы когда положит основание и не сможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: „этот человек начал строить и не мог окончить“». Тут история всех ложных порывов к Богу. Так сладостно обратиться, получить прощение! Но Сам Христос предлагает нам вначале оценить наши силы, зная, во что Он нас вовлекает и что полюбил Он нас не шулки ради.

6. Изгнание торговцев из храма

После недолгого пребывания в Капернауме, где сатана перед всеми обвинял Христа устами одержимых, где теребили Его больные, Он пришел в Иерусалим, ибо была Пасха, время больших жертвоприношений. Одни торговцы привели на паперть Храма стада волов и овец для богачей, другие продавали голубей, которых приносили в жертву бедняки. Менялы всем предлагали свои услуги. Что может быть проще? Что тут дурного? «Раз это для Бога...». Вечное оправданье.

И вдруг появляется какой-то взбешенный Человек с бичом в руке — не с детским кнутиком, а с бичом, сплетенным из веревок. Ошарашенные ученики не решаются последовать Его примеру. А Он выгоняет скот, опрокидывает столы и кричит: «Возьмите это отсюда! И дома Отца Моего не делайте домом торговли!» Какой скандал! Все эти трусы убегают вслед за своим скотом. И даже Его друзья не знают, что Он весь — любовь. Как им распознать в этой вспышке гнева любовь Сына к Отцу?

Должно быть, Он остановился, задыхаясь, со взмокшим лицом. Евреи возмущались: «Каким знамением докажешь нам, что имеешь власть так поступать?» Иисус смотрел на них. Он мог бы у них на глазах совершить все, что они бы ни потребовали: исцелить всех больных, какие только там были — они шли к Нему отовсюду и вились вокруг Него, как мухи. Конечно, Он сделал бы это, если б хоть один калека вышел из толпы и набрался смелости попросить Его; но все трепетали перед учителями Закона — возможно, и перед Ним, еще не остывшим от гнева, сжимающим в кулаке бич.

И тогда, обернувшись к Своим противникам — фарисеям, книжникам и священникам, Он говорит, чуть улыбаясь: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его». Наконец-то! Вот Он и пойман с поличным — это кощунство! Им кажется, что этот Человек просто издевается над ними. А Иисус говорил о храме тела Своего. Но даже если бы все это были истинно верующие люди (а большинство, несомненно, такими и были), кто из услышавших это мог понять Его? Не нарочно ли Христос сбивает их с толку? Не может же Он хотеть того, чтобы, слушая — они не слышали, смотря — не видели? Он лишает их зрения, потому что они заслужили слепоту. Заслужили потому, что могли бы быть зрячими.

«Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его!» Книжники, фарисеи, законники радостно переглядываются. Двое из них хорошенько запоминают эти ужасные слова — они

припомнят их через три года, в день суда, когда Сын Человеческий будет, наконец, предан им, когда, толпясь вокруг первосвященника, они будут искать улики против обманщика. Возможно, в эту минуту Иисус, еще держащий в руке веревочный бич, провидел уже тот час, когда эти двое обвинят Его: «Этот Человек говорил, что может разрушить Храм Божий и в три дня воздвигнуть его». И, быть может, в душе Он уже слышал вопрос первосвященника: «Что же Ты ничего не отвечаешь, что они против Тебя свидетельствуют?»

Никодим

Но тот страшный час еще не пробил. Среди фарисеев, окружающих Сына Человеческого, лукавы не все. Не каждый фарисей Ему ненавистен. Одного из них, члена Синедриона, учителя Израиля, взволновало увиденное и услышанное. Он хотел бы поговорить с этим Незнакомцем. Только как быть с братьями, с карьерой?... Конечно, этот Никодим честный человек, но он из другого сословия, нежели галилейские рыбаки. Когда они пошли за Учителем — что им было терять, кроме старых лодок, да чиненых сетей? Конечно же, учитель Израиля вынужден проявлять большую осмотрительность, чем эти бедняки. Осмотрительность — это добродетель, и нехорошо сеять соблазн, если занимаешь видное положение.

И все же Никодим не может устоять перед этим искушением, перед этим влечением.

Иисус совершает не малое чудо: трогает сердце преуспевающего человека. Глубокой ночью (подобно тем, кто через три года будет собираться на Тайную Вечерю) знатный человек приходит к Иисусу, и Тот его не отталкивает. Никодим — учитель Израиля? Прекрасно, значит, истина будет преподана ему во всей глубине.

И здесь обнаруживается особая непонятливость многих профессиональных философов: Сын Человеческий запросто общается с рыбаками, мытарями, блудницами... Но ученый Никодим удивляет Его своей примитивной логикой: как можно родиться во второй раз? Нужно опять войти в утробу своей матери? — возражает этот ученый муж Тому, Кто открывает ему тайну всякой духовной жизни: надо умереть во плоти, чтобы возродиться в Духе.

Из предосторожности Никодим уходит до зари. Но уходит он к свету. Хотя он робок и труслив по природе и хочет сохранить положение в обществе, тем не менее он глубоко взволнован. Благодать будет действовать в нем все эти годы вплоть до того дня, когда он несмело попытается защитить Назарянина перед членами Синедриона, до того страшного часа, когда он, наконец, выдаст себя. И подобно тому как Мария-Магдалина возлила благовония на ноги живого Господа, он, уже не боясь иудеев, возольет их на истерзанный труп своего Бога. И уже тогда, когда Никодим был у Него, Иисус вдыхал под покровом ночи аромат той мирры и алоэ.

7. Самарянка

В те дни между учениками Иоанна и Иисуса возникли разногласия. Иоанн крестил близ Салима. Иисус Сам не крестил, но не препятствовал делать это Своим ученикам, которые привлекали к себе больше народа, чем Предтеча. Иоанн попытался успокоить своих учеников замечательными словами: «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий Ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне уменьшаться».

Однако Сын Человеческий возвращается в Галилею, предоставляя Иоанну свободу действий. Он мог бы, как в прошлый раз, пойти вдоль Иордана — так обычно поступают иудеи, желая обойти Самарию, ибо земля была та презираема и проклята с той поры, как ассирийские поселенцы поставили там идолов. Более того, самаряне приняли мятежного священника, изгнанного из Иерусалима, и он воздвиг жертвенник на горе Гаризим.

Но Иисус выбирает именно этот путь, через нивы Самарии, потому что Ему надо встретиться с одним человеком. Душа его, конечно, запятнана грехом и отнюдь не готова к встрече, но все-таки ради нее, а не ради кого другого вступил Он на враждебную землю. Это первая встречная, буквально первая попавшаяся Ему на глаза душа — и Он пользуется ею, чтобы через одну приобрести многих. Изнемогая от усталости, Он садится на край колодца, вырытого еще Иаковом близ маленького городка Сихарь. Ученики уходят купить хлеба, и Он ждет их возвращения.

Первая встречная душа... Ею оказалась женщина. У Него были все основания не разговаривать с нею. Прежде всего, мужчине не полагается разговаривать с женщиной на дороге. К тому же Он иудей, а она самарянка. Наконец, Ему ли, ведающему тайны плоти и духа, не знать, что это за прелестное создание?

Богочеловек посмотрел на женщину. Он — безграничная Чистота, Ему не приходится подавлять в себе низкие и грубые желания, и тем не менее Он — само воплощенное желание, ибо Он есть воплощенная Любовь. Он страстно желает овладеть душой этой женщины. Он жаждет ее с тем вожделением, которое не терпит ни промедления, ни отсрочки. Он жаждет ее сейчас, здесь, немедленно.

Сын Человеческий хочет овладеть этим созданием. Ему дела нет, что она наложница, шлюха, потаскуха, что жила она с шестью мужчинами, а тот последний, кому она сейчас принадлежит и кто наслаждается ею, не муж ей. Иисус берет, что находит, подбирает, кого придется, ради приближения Своего Царства. Он смотрит на нее и мгновенно решает: сегодня же эта женщина Его именем завоюет Сихарь, положит начало Царству Божию в Самарии. Целую ночь выбивался Он из сил, обучая учителя закона, растолковывая ему, что значит умереть и родиться вновь. А эта женщина, имевшая шестерых мужей, с лету схватит то, чего не мог понять богослов. Иисус пристально смотрит на нее: у Него нет той безразличности и отвращения, какие испытывает добродетель в присутствии женщин, главное занятие которых любовь. Но нет в Нем и снисходительности или потворства. Вот первая встречная душа, которой Он сейчас воспользуется. Солнечный луч падает на осколок стекла среди мусора, и вспыхнувший огонь охватывает весь лес.

Шестой час. Жарко. Женщина слышит, что ее окликают. С ней заговаривает иудей? Да, да, Он просит: «Дай Мне пить». Она тотчас отвечает обливаемому потом Незнакомцу, отвечает насмешливо и с кокетством:

— Как Ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки?

— Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: «Дай Мне пить», то ты сама просила бы у Него и Он дал бы тебе воду живую.

Христос стремительно движется к цели: слова эти непонятны самарянке, но Он уже проник, как вор, в ее темную душу. Должно быть, она почувствовала, что обложена со всех сторон. — Незнакомец с потным лицом и серыми от пыли ногами захватывал, завоевывал ее изнутри, и противостоять этой живой силе было невозможно. Она перестала подшучивать и как любая озадаченная женщина стала задавать детские вопросы:

— Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок: откуда же у Тебя вода живая? Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь, и сам из него пил, и дети его, и скот его?

Иисусу нельзя терять время: сейчас Он нетерпеливо откроет ей всю истину. Он говорит:

— Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Все слова Господа следует понимать буквально... Многие думали, что упились этой водой, но ошибались. Это была не та вода, о которой говорил Иисус, ибо, напившись, они снова хотели пить. Женщина отвечала:

— Господин! Дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать.

— Пойди, позови мужа твоего и приходи сюда.

Все тот же способ для убеждения простых сердец: им воспользовался Он, когда сказал Нафанаилу: «Я видел тебя под смоковницей». Иисус внезапно показывает людям, что знает всю их жизнь или, вернее, может пребывать в них, поселяться в тайнике человеческого сердца; и когда самарянка сказала Ему: «У меня нет мужа», Он ответил:

— Правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала.

Женщина не принадлежала к царскому роду Нафанаила и Симона, к тем, кто тут же падает на колени, ударяя себя в грудь. Поначалу она всего лишь пойманная с поличным грешница, и чтобы отвлечь внимание слишком прозорливого Равви, переводит разговор в богословское русло. Пробормотав: «Господи! Вижу, что Ты пророк», — она поспешно добавляет: «Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме».

Иисус не дает Себя отвлечь, отмечая спорную тему несколькими словами... Время не терпит: вот уже возвращаются ученики с провизией. Он слышит их голоса и смех. Все должно совершиться без них. Истина будет открыта этой несчастной сразу.

— Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

Самарянка говорит Ему:

— Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то и возвестит нам все.

На дороге уже слышны шаги учеников. Чтобы открыть тайну, о которой Он не говорил еще никому, Иисус выбирает эту женщину, имевшую пять мужей, а сегодня — любовника:

— Это — Я, который говорит с тобою.

И в это мгновение несчастной был дарован свет благодати, благодати столь явной, что в женщине не могло возникнуть ни тени сомнения: да, этот бедный изнуренный Иудей, который долго брел по жаркой пыльной дороге и, изнемогая от жажды, выпрашивал воду у нее, самарянки, — это Мессия, Спаситель мира.

Она остолбенела и, лишь услышав голоса Его спутников, пустилась бежать, словно одежда на ней загорелась. А вбежав в Сихарь, всполошила весь город криками:

— Пойдите, посмотрите Человека, который сказал мне все, что я сделала!

Христос же продолжал сидеть на краю колодца, и когда апостолы подали Ему ломоть хлеба, казалось, с трудом начал возвращаться в тот узкий мирок, где они принуждали Его жить. «Учитель! Ешь», — уговаривали они. Но живая Любовь, открывшаяся этой женщине, еще не успела вновь стать человеком, который хочет есть и пить.

— У Меня есть пища, которой вы не знаете.

Это ответ из другого мира. А бедняги воображают, что кто-то уже принес Ему какой-то неведомой еды. Он смотрит на их вытаращенные глаза, на открытые от удивления рты, а за ними видны нивы Самарии и белеют в ослепительном свете колосья; над полем движутся головы — это толпа, которую ведет к Нему женщина (возможно, и любовник ее идет в этой толпе).

Иисус, наконец, спускается на землю. Он беседует с учениками о знакомых им вещах, о жатве, приводит поговорку, ободряет их, дает понять, что они пожнут то, что Он посеял. Иисус уже сделал их ловцами человеков, теперь они будут жнецами на человеческой ниве.

Он провел два дня среди презираемых самарян, тем самым преподав апостолам урок, который, впрочем, так и не может усвоить остальной мир. С неодолимым упорством люди отказываются принять эту часть христианского провозвестия: веру в равную ценность всех людей и всех народов пред Небесным Отцом.

8. Прощаются тебе грехи твои

По возвращении Иисуса в Галилею могущество Его проявляется столь часто и получает такую огласку, что фарисеи на время отказываются от прямых нападков. Но у них остается надежда поймать Его с поличным: что может быть проще для этих казуистов, изошренных во всех тонкостях Торы? Тем более что Он ничего не предпринимал, чтобы избежать расставленной ловушки, а с вызовом в нее бросался. Но оставался неуловимым, потому что враги не могли понять мотивов Его действий. К чему Он клонит? Чего хочет? Что бы они ни думали о Нем, они еще не догадывались о подлинном преступлении Иисуса, немыслимом для иудея: будучи человеком, объявить себя Богом! Это было бы уже слишком. Но и без того...

Забудем все, что мы знаем об Иисусе, все, что совершилось на земле Его именем — поставим себя на место одного из этих учителей, пришедших из Иерусалима или живущих в Капернауме. Они видят смутьяна вблизи: ведь народ всегда расступается перед ними, пропуская их в первый ряд. Я представляю себе книжника, который, затесавшись среди других более важных особ, проникает, наконец, в осаждаемый толпой дом, где находится Иисус. За ними смыкается толпа. Люди, принесшие расслабленного, тщетно пытаются протиснуться вперед. Они, несомненно, пришли издалека, и путь их был нелегок. Но они не уйдут, не увидев Того, к Кому пришли. Они проникнут к Нему любой ценой. Они принимают отчаянное решение: больного втаскивают на крышу вместе с постелью, разбирают черепицу и спускают свою ношу в комнату, где сидит Иисус, вызывая, конечно, возмущение, гневные крики и угрозы толпы.

Книжник наблюдает за Целителем, не отрывая глаз от Его губ и рук. Но что это? Слова, которые Он произносит, невероятны, неожиданны и вроде бы не имеют никакого отношения к состоянию больного. Они звучат как ответ, вдруг высказанный вслух в безмолвной беседе между Сыном Человеческим и лежащим bedолагой: «Держай, чадо, прощаются тебе грехи твои».

Многие несчастные души перед лицом Иисуса в дни Его земной жизни чувствовали то, что испытывают они и теперь перед Чашей: им внезапно открывалась вся их скверна во всем ее объеме, они начинали действительно видеть себя. Первой обретенной благодатью бывает дар отрезвления, отсюда и вопль Симона: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный!»

Без сомнения, та же немая мольба исходила от паралитика: не «Излечи меня!», а «Прости меня!». И тут прозвучали самые удивительные слова, которые когда-либо произносили уста человека: «Прощаются тебе грехи твои».

Все грехи жалкой человеческой жизни, большие и малые, самые постыдные, те, в которых нельзя никому признаться, грехи не только позорные, но и смешные, и особенно тот самый грех, о котором он всегда помнил, но старался не думать, — все они изглаживаются без расспросов, без осуждения, без ухмылок. Сын Человеческий не требует от кающегося, чтобы тот переживал свой позор. Иисус уже поднял его достаточно высоко над теснящей их толпой, и исцеление души стало для него важнее исцеления плоти.

На этот раз фарисеи сразу поняли, что значат эти неслыханные слова. Но они не посмели возмутиться вслух. Что тут можно было сказать? Они переглядывались и думали: «Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» Такое богохульство столь чудовищно, что они не сразу решаются обвинить Иисуса. Но Сын Человеческий уже переходит в наступление, дважды ошеломляя их доказательствами Своего всемогущества. Сначала Он, как обычно, читает в их сердцах и говорит: «Что вы помышляете в сердцах ваших?» Кажется, только что Он, всегда прямо обращающийся к человеческому духу, был всецело поглощен язвами этой немощной души, но тут же, остановив взгляд на распростертом у Его ног увечном теле, обращается к фарисеям.

— Что легче сказать, «прощаются тебе грехи твои» или сказать: «встань и ходи»? Но, чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — сказал Он расслабленному, — тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой.

Расслабленный поднялся, вызвав радостный вопль толпы. И фарисеи, конечно, воспользовались суматохой, чтобы исчезнуть. Но книжник, который рисуется моему воображению, быть может, тот самый, о котором рассказывает Матфей, — с восторгом крикнул Иисусу:

— Учитель, я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел!

Обольститель обольстил его — он покорился Его всемогуществу, сдался. Конечно, он ждал, что хоть взглядом или словом его вознаградят за столь быструю капитуляцию. Но действия этого Человека всегда непредсказуемы. Иисус весь еще дрожит, как струна, от того, что только что сотворил. Он отвечает:

— Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

Кажется, Он говорит: «Ты долго принимал Меня за обольстителя, так вот, смотри, чем Я соблазняю любящих Меня и что им обещаю. Отречение от всего — это еще самое легкое из того, что Я им готовлю. Скоро Я постелю им постель, на которой будут заранее указаны места для рук и ног...»

Возможно, книжник подумал: «Я слишком поспешил... Он хотел меня испытать, Он ведь меня не знает». Но в этот момент среди учеников, близких Учителю, раздался голос:

— Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить моего отца.

— Иди за Мною! И предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

Время покрыло патиной блестящий и твердый металл этих слов. Веками комментаторы смягчали и сглаживали их. Дело в том, что не так-то легко взглянуть в лицо истине, принять буквальный смысл слов Иисуса, из которых ни одно не пройдет. О чем же тут идет речь? Мы можем почувствовать всю их правду, когда на торжественных похоронах рассматриваем присутствующих: лживые, болезненные лица, несущие на себе печать и времени и злодеяний, изможденная плоть, пропитанная пороками, скопление тел (и наше тут же), разложившихся более трупа, который они окуривают ладаном. Ибо он, по крайней мере, представляет собой лишь бранные останки; душа же его, очищаемая неведомым огнем, уже в другом месте. Это не труп, это мы скверно пахнем, мы, считающие, что пережили его: запах духовного тления страшнее.

«Предоставь мертвым погребать своих мертвецов»... Возможно, книжник не в силах был слушать такое дальше. Может быть, и тот ученик ушел. Однако Христос говорит здесь как Бог. Он не выдал бы Себя более явно, даже если бы крикнул: «Я Бог!» Только ради Бога одного можем мы предоставить наемникам хоронить бедное тело, от которого родились. Тем не менее, и среди моих близких, и в каждой добропорядочной семье, где бываю, я тщетно ищу человека, которого подобное требование не выводило бы из себя. Каждое слово Христово привлекало к Нему одни души и отталкивало многие другие. Вокруг Него происходит вечный водоворот людских сердец.

Призвание Матфея

И вдруг Сын Человеческий, имевший Свои причины так смутить и книжника и ученика, остановился на берегу озера перед столиком, за которым сидел мытарь — представитель самой гнусной и презираемой иудеями профессии, пособник грабителей, по поручению властей взимавший налоги. Мытари обирали народ и позорили себя общением с язычниками; они считались отбросами общества. Иисус посмотрел на Левия, сына Алфеева, сидящего на своем рабочем месте, и сказал ему: «Следуй за Мною!» Конечно, Он уже знал его, как знал Симона и сыновей Зеведеевых, которые были Его друзьями еще до того, как Он велел им все оставить. Проходя мимо, Учитель, должно быть, не раз замечал поднятый на Него взгляд побитой собаки. Он угадал его желание и всем сердцем принял любовь этого существа, не смеявшего и помыслить о том, чтобы он, какой-то мытарь, когда-нибудь осмелился заговорить с Сыном Человеческим, а тем более — последовать за Ним. Иисус, ненавидевший бессильной ненавистью (бессильной потому, что Он ее еще не проявлял) самодовольство святош, не мог устоять перед человеком, исполненным сознания своего убожества, которое смиряет тварь перед святостью Бога.

Левий (звался ли он уже Матфеем?) встал и пошел за Иисусом... Или, вернее, сам Иисус к ужасу, возмущению, а также и к радости толпившихся поодаль фарисеев последовал за презренным сборщиком пошлин, вошел в его дом и сел за стол, куда был приглашен всякий сброд, приятели Левия. Про таких и сейчас некоторые говорят: «глаза б мои на них не глядели» или «их нигде не принимают». Законники берут реванш: окружив у порога смущенных учеников, они наносят им прямой удар: «Для чего Учитель ваш ест с мытарями и грешниками?» — те не знают, что ответить. Тогда среди приглашенных раздается грозный голос:

— Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь (каким тоном отсылает Он этих богословов заниматься их прямым делом!), пойдите, научитесь, что значат эти слова: «Милости хочу, а не жертвы», ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

Есть лицемерие еще хуже фарисейского, когда прикрываются примером Христа и, следуя своим вождениям, ищут общества развратников. Но Он охотник, настаивающий дичь в ее собственном логове; Он не ищет развлечений с распутниками. Нас же они губят, а не мы их спасаем.

9. Иуда

Фарисеи не могли более игнорировать немислимые притязания этого Человека. Нужно понять, что для иудея означает «единый Бог», отделенный от тварного мира пропастью. Отныне они по поводу каждого поступка этого богохульника, каждого подслушанного слова будут уличать Его с помощью текста и буквы Торы.

Стоит Его ученикам сорвать в субботний день несколько колосьев или Ему самому исцелить сухорукого в субботу, свора эта тут как тут, она сейчас же подает голос, собирая улики к тому часу, когда будут сводиться счета. Отнюдь не защищаясь, Он бросает им вызов — и с какой смелостью!

«Сын Человеческий есть Господин и субботы». — За кого Он Себя почитает? Он что, с ума сошел? Он уже посмел сказать: «Суббота для человека, а не человек для субботы» — и это уже было слишком; но Господин субботы! С этого дня гибель Его предрешена. Однако Он принимает меры предосторожности. Мы не имеем права говорить, что Бог против воли Иисуса слишком быстро проявляет в Нем Себя или что Иисус подавляет в Себе Бога, лишь изредка выпуская подышать Его на воле — когда вокруг, кроме бедной женщины из Сихари, нет никого, кто мог бы застать Его врасплох. Но можно сказать, что на людях Иисус еще старается заглушить порывы, выдающие в Нем Творца жизни. Умолчать же о том, что Он Господин субботы, Он не хочет.

Многие уже спят и видят Его на кресте. В Иерусалиме тайно собираются заговорщики. Нельзя терять ни дня, у Него мало времени сеять. Жить осталось считанные дни. Всего несколько месяцев сможет Он еще просвещать тех бедных людей, которых Он выбрал служить Себе и которым предстоит обновить лицо земли. Нет сомнения, они горячо любят Его, и это главное. Но ничего еще не понимают.

Кроме, возможно, одного — человека из Кариота, Иуды, упоминаемого последним в числе тех двенадцати, кого Иисус избрал из всех Своих учеников. Его имя стоит после Симона и Андрея, после Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, после Матфея и Фомы, после второго Иакова, сына Алфеева, и второго Симона, называемого Зилотом, после Иуды Иаковлева. Что привлекло его к Христу? Он ведал деньгами — значит, был человеком практичным; несомненно, поначалу он показал большую веру в Христа, поскольку, будучи человеком деловым, все-таки последовал за Ним. Это была несокрушимая вера в земной успех Господа. И другие верили в это, но не так сильно. Самые близкие ученики и даже сам сын Зеведеев считали, что их будущее обеспечено. Вожденный престол уже сиял перед их взором.

На протяжении трех лет Иуда, должно быть, использовал потихоньку Источник живой воды в собственных интересах, извлекая из Него прибыль. Умный, но недалевидный, он, когда все рухнуло (как он считал, по вине этого Безумца, напрасно расточившего чудесные дары и восстановившего против Себя весь мир), не понял, что дело — а для него это было «делом» — развернется с новой силой и все, что он ждал, будет неслыханным образом превзойдено. Христос все это знал. Иуда был с Ним с самого начала и должен был оставаться до конца.

«Не берите с собою ни золота, ни серебра, — наказывал Иисус, посылая по двое возвещать благую весть, — ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни

обуви, ни посоха». Иуда улыбался про себя и думал: «Что выйдет, если буквально понимать каждое слово нашего милого Господа!» — «Я посылаю вас как овец среди волков...» — «Рассказывай другим», — бормочет Иуда. «Итак, будьте мудры, как змии...», — а Иуда отвечает в мыслях: «Уж будь уверен!»

«Остерегайтесь же людей; ибо они будут бить вас в своих синагогах». «Только не меня, — думает Иуда, — уж я-то знаю, как нужно с ними разговаривать». И он презирает своих спутников, видя, как приводят их в трепет пророчества Учителя: «Предаст же брат брата на смерть и отец сына; восстанут дети на родителей и умертвят их...» «Почему их это так поразило? — удивляется Иуда, искоса наблюдая за товарищами. — Что у них за представление о семье?» Иуда давно знает, что это так и есть: существуют отцы и дети, которые ненавидят друг-друга. Ему нравится в Христе, как просто, будто Бог, смотрит Он на человеческую мерзость.

В этот самый момент Учитель возвещает: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое». Конечно, так... но это не пугает Иуду. Другие трепещут, но он согласен, чтобы его ненавидели, лишь бы боялись. А уж его-то непременно будут бояться, потому что он овладеет всеильными словами, дающими самому Иисусу власть над материей и жизнью. Эх! В день, когда он сможет изгонять демонов и исцелять больных, ему плевать будет на ненависть или любовь мира, мир будет ползать у его ног!

«Не бойтесь, — продолжает Иисус, — убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь того, кто может и душу, и тело погубить в геенне». Иуда пожимает плечами: зачем ему бояться Веельзевула, раз он станет сильнее его; они договорятся о том, как поделить власть.

«Если в моих силах будет изгонять его, я заполучу от него все царства мира».

И все-таки даже человек из Кариота растроган. Как не любить Иисуса? Ему одному можно довериться с закрытыми глазами. Голос Учителя смягчается, он ободряет Своих бедных испуганных друзей: «Не две ли малых птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц. Итак, всякого, кто исповедует Меня перед людьми, того исповедую и Я перед Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим...»

Иуда спохватывается: ему не очень-то по душе это обращение к сердцу, тут он смыслит меньше других учеников. Они по-собачьи преданы Учителю и трепещут от малейшей Его ласки. Эконом недоволен, чувствуя, что их ему предпочитают. Но вдруг Иисус опять повышает голос: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. („В добрый час“, — думает Иуда.) Я пришел разделить сына с отцом, и дочь с матерью, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

В устах какого-то другого человека эти слова могли бы показаться чудовищными. Если бы мы не боялись, прибегнув к слишком смелому образу, быть обвиненными в посягательстве на неразрывность двух природ, то сказали бы, что здесь снова грозная голова Бога поднимается над плотью и кровью, что Он выходит за их пределы. Иуда полагает, что слова о ненависти ему понятны... На самом деле не он, а те, другие, догадываются, что только воплощенная Любовь может безнаказанно кричать такие слова. Иуде кажется, что Христос перевернул мир и в этом мире избранные не будут более обременены человеческими чувствами и никакие кровные узы не будут им ни в чем помехой. Победят сила и одиночество! Конечно, в словах Учителя есть приемлемое и есть не приемлемое для

человека из Кариота. Вот сейчас Он говорит о кресте! Послушать Его — так если кто следует за Ним, но не берет своего креста, тот уже Его недостоин... Иуда улыбается: будто все дело в том, чтобы быть достойным Его! Он последует за Господом, а крест предоставит другим.

«Сберегший жизнь свою, потеряет ее, а потерявший жизнь свою ради Меня — сбережет ее». Эти слова Иуда относит к себе. Конечно так! Ведь он от всего отказался, все оставил, чтобы последовать за Господом. Бросил дела, которые неплохо шли, испортил отношения с влиятельными людьми... сохранив, впрочем, кое-какие связи. С горечью думает Иуда о том, что одиннадцать остальных, которые сделали не более, чем он, все же более любимы.

Иисус повторяет: «Кто принимает вас — принимает Меня». Иуда обдумывает эти особенно ценные слова, чреватые богатыми возможностями. А вот еще слова, которые приводят его в восторг: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей...» Иуда думает: «Я пока один из малых сих, но быстро возрасту, потому что чаша холодной воды не долго будет холодной».

Остальные одиннадцать сердец принимают те же слова, еще не понимая их, но впитывая бессознательно, подобно доброй почве. Слова эти содержат тайну тайн: любовь не чувство и не страсть, но Личность, Некто. Человек? Да, Человек. Бог? Да, Бог. Тот, Кто здесь, с ними. Кого следует всему предпочесть? Этого мало: Ему одному надо поклоняться. И горе тому, кто соблазнится! Те, кто станет для Него «своими», смогут прожить жизнь с закрытыми глазами, не страшась более людей. Им вообще нечего больше опасаться и нечего ждать — чаяния сбылись. Они отдали все, чтобы все обрести, настолько слившись со своей любовью, что принимающий их — принимает Любовь. В словах Господа, сказанных на ухо только двенадцати, как в зародыше, заключено бесстрашие тысяч мучеников и радость гонимых: отныне, какие бы ужасы их ни ожидали, друзьям Иисуса стоит лишь поднять взор вверх — и они увидят отверстые небеса.

10. Нагорная проповедь

Спускаясь с горы с двенадцатью восхищенными и взволнованными апостолами, Иисус остановился на ровной площадке, находившейся на полпути. Дорогу преграждала не только большая группа учеников, но и множество людей, пришедших из Иерусалима, Тира и Сидона. До сих пор Он говорил тайно, с друзьями, теперь же открыто скажет огромной толпе то, ради чего пришел в этот мир. Почти все, что сейчас прозвучит, Его слушатели по сути уже могли знать из тех или иных псалмов. На что-то подобное намекали до Него и пророки. Но Назарянин говорит как власть имеющий: «А Я говорю вам...» Здесь новая интонация: малейшее слово приобретает непредсказуемые последствия. Всякому другому человеку кричать: «Да будет свет» было бы столь же бессмысленно, как провозглашать: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Но когда говорит Бог, свет послушно льется на землю и в самом сердце бездушной Римской империи внезапно начинает бить ключом источник неведомой любви.

«Блаженны... блаженны... блаженны...» Те, кто стоял в задних рядах и слышал только это слово, повторенное девять раз, могли подумать, что речь идет о провозвестии счастья. Они имели основание так думать. Свершалось превращение еще более удивительное, чем чудо в Кане, бедность становилась богатством, а слезы — радостью. Земля принадлежала не воинственным людям, а кротким.

Но каждая заповедь блаженства подразумевает и проклятие: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Это означает также, что не имеющий духа отречения изгоняется из Царства. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», — значит, нечистые сердцем Бога не увидят. Но ведь эти добродетели, за которые обещано блаженство, в то же

время совсем несовместимы с человеческой природой. Ибо кто нищ духом? Кто может похвалиться, что видел даже в благочестивом человеке, особенно очень благочестивом, духовную нищету? Страстная приверженность к собственным воззрениям у людей, считающих себя совершенными, вызывает ужас.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». О, жестокость этого мира! Кротость была и остается самым презируемым в человеке качеством. Кротких преследуют с детства, с младших классов. Нищие, в сущности, проповедует философию здравого смысла.

Стал ли современный мир менее жестоким, чем мир древний? Ничто не изменилось, за исключением того, что однажды на горе раз и навсегда были возвещены Заповеди Блаженства и было сказано, что ни одна из них не прейдет, что из рода в род некоторые люди будут передавать их от сердца к сердцу. И этого достаточно: «Вы соль земли».

Нужна лишь горстка соли в людской, массе, чтобы она не разложилась. Только соль не должна терять свою силу! Христос понимает, что то счастье, которое Он приносит людям, возвещая о нем в этой Своей первой проповеди, ежесекундно подвергается угрозе.

Чем была «чистота» для внимающих Ему бедняков-иудеев? Быть чистым! Какое немислимое требование во дни Тиберия! «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй...» Да, верно — это всеобщий закон, всеми же нарушаемый, и возвещая его, никого не удивишь. Однако Назарянин идет дальше и к старому поруганному повелению добавляет новую заповедь, которой мир упорно противится и девятнадцать веков спустя, которой он пренебрегает, тщетно пытаясь стряхнуть ее с себя, не будучи в силах вырвать ее из своей плоти. С того момента, как Христос возвестил ее, только те обретут Бога, кто примет это иго: «А Я говорю вам, что всякий, посмотревший на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Значит, грех совершается еще до поступка... Скверна, проникшая внутрь, восходит к своему источнику. Эти лаконичные слова более всех проклятий сводят к нулю праведность фарисеев.

Отныне драма происходит внутри нас, между самым потаенным нашим желанием и Сыном Человеческим, сокровенно пребывающим в глубине наших сердец. Добродетель фарисеев, как и порочность блудниц и мытарей, только видимость. Для каждого из нас таинство спасения разыгрывается во тьме, которую рассеет только смерть.

Несколько позже Христос точно скажет, что Он имеет в виду под справедливостью, и окажется, что люди называют это как раз несправедливостью. Еще слишком рано (слушатели и так получили свое) рассказывать им историю о блудном сыне, с которым обошлись лучше, чем с его благоразумным старшим братом, или о рабочих последнего часа, получивших такую же плату, что и трудившиеся с рассвета.

Пока им нужно освоиться с мыслью, что, если человек добропорядочной и благочестивой жизни полон страстей, вожделений, мечтаний и предается им в тайне, он уже осужден. То, что он делает, переплетается с тем, что он воображает, к чему стремится. Совершаемое в сердце — в глазах Бога уже поступок. Геенна — вот расплата за эти взоры и помыслы, за похоть глаз и сердца, удовлетворяющие себя скрытно и без риска.

Мы не станем просеивать слова Христа, отбрасывая угрозы. Выносима ли мысль об аде или нет, но прейдут небо и земля, а ни малейшее слово Господа не прейдет. Это, как и все остальное, нужно понимать буквально: «Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое

было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее...» Итак, чего же требует от нас Христос? Божественного совершенства, буквально: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». Дьявол обещал Адаму и Еве, что они будут, как боги; и Искупитель требует, чтобы мы уподобились Богу. Но чего Он только ни требует?! Просто любви к ближним Ему мало, Ему нужна любовь безумная: подставить другую щеку, отнимающему верхнюю одежду отдать и рубашку, любить врагов... Да в Своем ли Он уме? В самом деле, с общечеловеческой точки зрения Иисус требует от Своих возлюбленных безумия, и Он его добьется.

Он добьется, потому что любит их. Это требование было бы невыносимо, если бы не исходило от воплощенной Любви. Геенна, о которой Он говорит так спокойно, не повышая голоса, не отвращает никого из тех, кого Он влечет к Себе, потому что их ободряет призыв безграничной Любви. Сердце, которое так возлюбило людей, ждет от каждого добровольной самоотдачи, самоотречения, отказа от всех забот и тревог. Иисус хочет от этих крестьян житейской беззаботности, хочет, чтобы они уподобились воробьям и полевым лилиям. Что нам геенна, если Бог — наш Отец? Раз так, он вправе требовать все, что захочет. Мы знаем, куда идти. Наш отец на небесах, те, кто обладает этой неисповедимой истиной, не могут заплатить за нее слишком большую цену: «Кто из вас, если сын попросит у него хлеба, подаст ему камень?»

Но мы не достигнем нашего небесного Отца, если пойдем по пути наслаждений и удовлетворения желаний. Тесны врата и узок путь. Прежде всего — никаких лицемерных разглагольствований, нужна чистота сердца, а не вопли: «Не всякий, говорящий Мне: „Господи, Господи...“».

Казалось, Христос, раскрыв свое сердце, спохватился, как бы опасаясь, что мы этим злоупотребим. Напоминание о геенне прерывается словами горячей любви, которая, боясь, что ее неправильно поймут, прикрывается предостережениями. Он скорбит о том, что появятся лжепророки, предупреждает об этом Своих друзей и указывает на пробный камень, который поможет им распознавать людей, говорящих именем Христа. Это святость. «По плодам их узнаете их». Господь объясняет это как Человек, который, будучи Богом, видит то, что ускользает от человеческого взора. Ибо как судить людей по их делам? И кто бы в таком случае не заслужил быть брошенным в огонь? Даже если он стремится к святости... И потом, не велел ли Он нам не судить? Не так-то легко понять закон! Нельзя судить, но и простаком быть не следует. Всякий раз христианская душа призывается к новому постижению. Ничего удивительного в том, что в этой игре простодушные и чистые сердцем постепенно становятся пронизательными. В этих словах Христа нет никакого противоречия, однако все противопоставляется. Трудно быть одновременно голубем, змеей и лилией. В Истине, возвещенной на горе, больше оттенков, чем в оперении птицы. Она не вмещается в жесткие предписания, которым достаточно следовать, чтобы все было в порядке. Жизнь полна ловушек и опасностей, и надо все делать осмотрительно и с любовью... Увы! Можно ли когда-нибудь быть уверенным в том, что ты любишь и любим?

Тот, кто не исполняет волю Отца, знает, что ее не исполняет; а тот, кто думает, что исполняет ее, ее нарушает, сам того не ведая. Гордость многих людей, весьма продвинувшихся на пути совершенствования или считающих себя таковыми, гораздо сильнее тщеславия людей, приверженных миру. Если кто-нибудь с кротостью укажет им на это, они вместо того, чтобы посмотреть на себя со стороны, приносят эту обиду Богу, и гордость их только растет от сознания своей новой заслуги. Они считают, что в их лице поправлена правда, и нисколько не колеблясь, совершают то, что язычник назвал бы мстью, а они именуют «восстановлением справедливости».

Притом здесь идет речь о святых или, по крайней мере, о людях, подражающих святым. Но где начинается лицемерие? Какое дерево нельзя назвать плохим, если судить по некоторым его плодам?

Сотник

Внутренний закон, который Сын Человеческий дал людям на горе, принес в дальнейшем удивительные плоды. Враги ненадолго отступили. Христос учит Своих друзей любви к Отцу, которая переходит в любовь к ближнему. Эти два чувства едины и обретают на протяжении Его земной жизни неповторимые черты, ушедшие из мира вместе с Ним. Ибо Он есть Сын Человеческий, и Его ближние — это и сотник, и все, кто Его окружает. На протяжении трех лет бесконечное Бытие стало ближним для воинов, мытарей и блудниц.

Этот сотник, состоящий на службе у Ирода Антипы, не еврей, но так любит евреев, что строит им синагогу на свои деньги. Его слуга опасно болен, а он его очень любит. И мы уже любим этого сотника, для которого смерть слуги была бы несчастьем. Он не осмеливается сам пойти к Иисусу и посылает к Нему своих друзей из числа иудеев, чтобы Учителю не пришлось унижить Себя, переступив порог его дома. Он просит передать Ему слова, которые человечество, поверженное ниц перед Агнцем Божиим, не перестанет повторять до скончания века: «Не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой. Потому и себя самого не почел я достойным прийти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: „пойди“, и идет; и другому: „приди“, и приходит».

«Иисус удивился». Он не только любил людей, но и восхищался ими. А восхищает Его в них всегда одно и то же чудо: не какие-то особые добродетели, не аскетические подвиги и не великие богословские познания, а чувство собственной беспомощности и беззащитности, смирение, плод той духовной трезвости, которая даруется высшей благодатью.

Невозможно достичь смирения одной волей, ибо оно совершенно только тогда, когда само себя не осознает. Слишком мало бить себя в грудь; напрасно каждое утро многие с гордостью повторяют слова сотника или слова его собрата мытаря. «Благодарю Тебя, Господи, за то, что я таков, как этот мытарь!» — вот молитва современного фарисея.

11. Ученики Иоанна

В те дни Иисус пришел в Наин и вернул матери сына, которого она потеряла. Эта вдова не звала Его, ничего не просила, потому что до того Он еще ни разу не побеждал смерть. Несомненно, многие говорили о Христе: «Да, расслабленные, одержимые, — это пожалуйста! Но Он никого не воскрешает».

Такое чудо должно было способствовать известности Иисуса больше всего, что Он совершил до сих пор. Особенно встревожились многие из учеников Иоанна, относившиеся к новому Пришельцу враждебно. Беспokoился ли их учитель, находившийся в темнице, куда заключил его Ирод, поколебалась ли теперь его вера? О чем он думал, посылая двух учеников к Иисусу спросить Его: тот ли Он, который должен прийти, или ожидать им другого?

Иногда доверие к какому-нибудь человеку начинает колебаться, если его поведение становится непонятным. Ученики рассказывали Иоанну, что Назарянин ест и пьет с блудницами, а когда Его упрекают, Он не только не возражает, а скорее этим хвалится. Он позволяет Своим ученикам не поститься под тем предлогом, что «не могут печалиться сыны чертога брачного, пока с ними Жених, но придут дни, когда отнимется у них Жених...» Такие речи смущали Иоанна Крестителя. А что если он ошибся? Что если голос, который он тогда услышал, исходил не с небес? Фарисеи клянутся, что Иисус творит чудеса не иначе как

силою Веельзевула. Они обвиняют Его в том, что Он соблазняет души... и ведь действительно Он увел у Иоанна лучших его друзей.

И правда, что говорит о Себе Сам Иисус? Что скажет Он посланцам Крестителя? Отправляя учеников, Предтеча испытывает Агнца Божия: он не может не верить в Него, но Его поведение смущает. А может быть, не умея убедить друзей, он все же молится втайне: «Господи, просвети Ты Сам учеников моих, кто сомневается в Тебе, кого соблазняют или смущают Твои дела...»

Иисус совершил много чудес на глазах у последних, а затем сказал им: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне».

Когда они ушли, Иисус заговорил об Иоанне Крестителе. Он говорил о нем не как о Своем противнике, а как о таинственном пророке, который возвещает Царство, но к нему не принадлежит: «Меньший в Царстве Божием больше его». Иоанн, как огромное безлистное дерево, одиноко возвышается посреди пустыни: его корни уходят в старый Закон, а верхние ветви почти достигают Христа. И Христос говорит о нем скорее с восхищением, чем с любовью. Они были знакомы с детства и при встрече узнали друг друга. Бог уничижил Себя перед Своим последним пророком, но между ними не было единения, не произошло полного слияния сердец; они словно разделены во времени и пространстве. Иоанн идет перед Ним, он не может ни подождать Агнца, ни вернуться назад; тот, кто идет впереди, не может следовать сзади. Предтеча горит и сгорает между двух Заветов.

Сына Человеческого сердят упреки Иоанновых учеников из-за поста: в Царство можно войти и через смех, и через слезы. Но иудеи не хотят ни слез, ни смеха. И поныне есть люди, которых не трогают ни гимн Солнцу Франциска Ассизского, ни плач Хуана де ла Крусса.

«С кем сравню людей рода сего? — спрашивает Иисус, — и кому они подобны? Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: „Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали“. Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: „в нем бес“. Пришел Сын Человеческий: ест и пьет, и говорите: „вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам“».

Трапеза у Симона

Сын Человеческий, который ел и пил с грешниками, не отказывается сесть и за стол фарисея Симона, о чем рассказывает только евангелист Лука. Симон принимает Назарянина с почтительностью, не лишеной опаски. Это видно по тому, как он остерегается быть слишком гостеприимным и щедрым — чтобы потом можно было говорить, что он принял Иисуса лишь из любопытства. Он очень вежлив, не бросается Ему на шею, скорее даже несколько холоден... Но Иисус все-таки садится за этот стол, потому что видит идущую к Нему из глубины времен женщину с алавастровым сосудом, одну из тех, кто отдавал себя, кто растлевал свое тело и сердце, кто смертельно страдал ради людей. Она появляется во всех четырех Евангелиях с благовониями в руках, с чудными волосами и заплаканным лицом. У Луки она входит в дом фарисея. У евангелистов Матфея и Марка — приходит накануне страстей Господних к другому Симону, прокаженному, который живет в Вифании. Иоанн же называет ее Марией. Одни полагают, что это та Мария Магдалина, из которой Иисус изгнал семерых бесов; другие считают ее сестрой воскресшего Лазаря и Марфы.

В сущности, это неважно. Женщина эта так занимала людское воображение, что рассказ о ее поступке мог претерпеть изменения; но остается главное: эта встреча воплощенной Чистоты и воплощенного греха, которая дана в утешение тем, кто не

прекращает борьбы, кто не перестает воздвигать непрочные преграды против натиска страстей и вожделений.

Иисус возлежит за трапезой, и Его босые ноги выступают за край ложа. Грешница приближается сзади. Покрытая позором женщина не посмела подойти к Агнцу Божию спереди, «и став позади у ног Его и плача, начала обливаться слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его и мазала миром».

Наблюдая эту сцену, Симон с облегчением вздыхает: теперь все ясно! Если бы Иисус был пророк, Он с отвращением содрогнулся бы от ее прикосновения.

«Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его?»

Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя; иди с миром».

«За то, что она возлюбила много...» Много возлюбила Христа, само собой разумеется. Но не подразумевается ли здесь также и то самозабвение, самопожертвование и мука, которые могут присутствовать в самых жалких любовных страстях? Все ли потеряно для Бога, если одно существо безрассудно отдается другому? Да, надо полагать, — все потеряно.

Но вдруг звучат слова, сказанные до этого расслабленному — самые соблазнительные из тех, которые посмел произнести этот Назарянин: четыре слова, неопровержимо выдающие в Нем Бога: «Прощаются тебе грехи твои...»

Иудеи уже не удивлялись чудесам, Иисус творил их столько, что немудрено было и привыкнуть. К тому же никогда нельзя знать наверное: а вдруг это обман или сила Веельзевула; всему ведь можно найти объяснение. Но эти простые слова, это голословное утверждение смущает их больше, чем любое чудо. Ибо что такое воскрешение умершего по сравнению с возрождением души?

На этот раз Сын Человеческий безразличен к тайным мыслям окружающих Его людей — Он всецело поглощен плачущей женщиной с ее пустым сосудом и распустившимися волосами. Он смотрит на тело, распростертое у Его ног, Он знает прошлое этого тела, этого поруганного храма, в котором сейчас пребывает Святая Троица.

Однако пусть закоренелые грешники не прикрываются этим примером. Та, которой Он больше простил, и любит больше. Любовь этой раскаявшейся грешницы так же велика, как и прощенные ей грехи. Но у большинства из нас грехи соразмеримы лишь с нашей неблагодарностью, и мы падаем тем ниже, чем выше возносит нас прощение. Но если все-таки этой женщине случится однажды вечером вновь уступить желанию... Ну что ж. Мы вновь увидим ее накануне смертных мук Господа, опять идущей с сосудом благовоний для последнего миропомазания и последнего прощения.

12. Бесы Марии Магдалины

Одно обстоятельство дает нам основание думать, что женщина с распущенными волосами и Мария Магдалина — одно лицо: дело в том, что о второй из них говорится в Евангелии как о женщине, которую Господь избавил от семи бесов. А грешницу, которая входит в комнату с благовониями, Сын Человеческий давно знает. Нет нужды говорить ей, как другим: «Прощаются тебе грехи твои,» — ибо она уже получила такое прощение. Именно из этой плачущей женщины изгнал Он семерых бесов. И изгнал уже давно: по-видимому, она уже достигла на пути спасения той точки, когда озаренная светом любви душа внезапно открывает все множество своих грехов и постигает их один за другим во всей их мерзости, прослеживает их в самой глубине падшего и оскверненного сердца и теряется перед бесконечным сплетением соблазнов и ответственности.

Магдалина была одержима любовью сильнее, чем семью бесами, и мы никогда не узнаем, как она перешла от одной одержимости к другой, ибо Евангелие молчит об этом. Была ли борьба короткой или длилась долго? Хотелось бы знать, воспользовался ли Господин всякой плоти Своей божественной властью, чтобы смирить ее, или, напротив, предоставил ей свободу и положился на любовь, которая в ответ на Его призыв начинала пробиваться через завалы сора, смывая всю скверну и возвращая утраченный стыд?

И стыд, и скверна нам знакомы. Фарисей же презирал коленопреклоненную плачущую женщину, потому что в глазах безгрешных людей она была неприкасаемой. Все семь бесов Марии Магдалины заключены в одном бесе. Есть только один бес, хотя их и тысячи, и все разновидности зла коренятся в сладострастии, одно упоминание о котором вгоняет в краску святых.

Речь идет не о жалких слабостях, не о проступках, свойственных каждому, не о падениях, которые унижают юношей и покрывают стыдом стариков, но об одержимости, жертвой которой становятся те, кого плоть в полном смысле слова сводит с ума, кто и живет только для того, чтобы искать в плоти некий абсолют. Они действительно одержимы семью бесами, которых мы называем семью смертными грехами.

Прежде всего гордость: падшая женщина до безумия упивается властью над сердцами, возможностью причинять им страдания, вызывать ревность, разлучать любящих. С этой точки зрения — что хуже: женская жестокость или мужское тщеславие? Нам случалось слышать признания, сделанные с самым равнодушным видом: «Он умер из-за меня... Она покончила с собой из-за меня...»

Убийцы. И если не все эти сладострастники пролили кровь взрослых, зато все они в акте, оторванном от его назначения, погубили души, которые могли бы родиться. И они погубили немало тех, кто уже родился.

Страх погибнуть в одиночестве глубоко владеет плотскими людьми. Несметные толпы их, как показывает нам Христос, теснятся и толкаются на широкой дороге погибели, и нет в них случайных людей: все искали и нашли друг друга. Соучастники преступлений и блуда нуждаются друг в друге для своей же погибели. Подобно животным, объединяющимся по видовому признаку, собираются они в группы по своим порокам. Каждый отдельный порок поднимает свое знамя над группой своих приверженцев.

День Суда застигнет их вместе, и не придется созывать их звуками трубы со всех концов земли: эти темные гроздья уже совсем созрели, черному ангелу останется лишь собрать урожай.

Хотя их, как цемент, соединяет общий порох, но зависть, ревность и ненависть вырывают между ними пропасть. Их безумие только тогда позволяет им чувствовать себя победителями, когда они друг другу причиняют страдания.

Мелкие бесы вьются вокруг этого злобного, смертоносного сладострастия. Чревоугодие, над которым обычно подтрунивают, было, должно быть, у Марии Магдалины, как и у всех великих грешников, не мимолетной прихотью сластолюбия, а стремлением к блаженству длительной разрядки. Женщина, которой, казалось бы, спиртное должно быть отвратительно, поглощает его с жадностью, как губка... И вдруг засыпают последние хранители души, исчезает стыд, меркнет память о любимых. Одна за другой рушатся преграды; алкоголь и наркотики открывают перед своими приверженцами вход в царство тьмы.

Несомненно, Мария Магдалина и есть та грешница со спутанными волосами, ибо она была избавлена от семи бесов. И мы пытаемся представить себе это чудо: ее переход из одного мира в другой. «Какой была и какой стала!» — восклицает Боссюэ. Возможно, в действительности все произошло совсем просто. Внешние действия Христа, о которых можно рассказывать, ничто по сравнению с тем, что совершает Он в глубине сердец. Сын Человеческий уже тогда жил и действовал так, как живет и действует незримый Христос. История Марии Магдалины разыгралась, или могла бы разыграться, внутри нас. Наше собственное освобождение или наше порабощение помогают представить, чем стало освобождение для этой одержимой.

Ибо речь шла действительно об одержимости: «Мария, называемая Магдалиной, из которой вышли семь бесов». Эта распутная женщина была бесноватой. Но разве сладострастие не такой же грех, как прочие? И нет ли в этой неспособности исцелиться, на которую жалуются даже тянущиеся к Богу грешники, в постоянном возвращении на свою блевотину — признака не обычного искушения, а некоего наваждения — наваждения, овладевающего и отдельной личностью и даже целым родом?

У Сен-Сирана есть ужасные строки, где этот еретик показывает нам, как на разных членах одной семьи лежит проклятие, передающееся от отца к сыну. Этот страшный человек смог представить себе нечто вроде наследственного проклятия и сохранить непоколебимую веру перед лицом такого ужаса! Но тем не менее верно и то, что тайна наследственности обязывает нас верить также и в тайну милосердия. Есть одержимость, передающаяся из рода в род. Со смертью одного падшего существа зародыш падения не погибает. Дети его вместе с его плотью наследуют и его вожеления, они вынуждены передавать эту ужасную эстафету своему потомству.

Нет лучшего средства освободиться от такого кошмара, чем внимательно разглядеть эту кающуюся душу, избавленную от семи бесов. Мария Магдалина восторжествовала над фатализмом плоти. Поскольку любовь побеждается только любовью, она разожгла встречный огонь. Христос преображает это безумие. Подобно тому как когда-то вся ее жизнь сосредоточивалась на одном-единственном тварном существе и весь мир вокруг для нее исчезал (как это ни банально, но тайна человеческой любви заключается в том, что она поразительным образом обесценивает все остальное, для нее перестает существовать все, что лежит вне предмета нашей страсти), так и теперь это безумие концентрируется на Христе. Снова для нее исчезает весь мир, но на этот раз из-за Богочеловека. Даже для тела ее перестает существовать все окружающее.

Прежнее желание умерло. В ее умиротворенном сердце встречаются чистота и обожание, и они заключают между собой мир. Мария Магдалина входит в комнату, не глядя, идет прямо к Нему. Во всем мире нет ничего, кроме Иисуса, и ее, любящей Его. На этот раз ее любовью становится Бог.

Перед нами кающаяся грешница. Те, кто недоумевает, почему им недостает упорства, часто ищут в своем обращении источник наслаждений. Но в душе, которую воздвигали семь бесов, едва вырванные сорняки вновь дают всходы, если земля не вскапывается, не обрабатывается и не переворачивается с неустанным трудом и слезами.

В тот час ее жизни Мария Магдалина, должно быть, проходила этап, когда человек, уже целиком отдавшийся Богу, еще порой слышит голодное завывание прежних страстей. Но Магдалина умерла для всего, что она оставила. Ничто более не разлучит ее с Тем, Кого она искала то в одном тварном существе, то в другом.

Немного растерянная, как мне кажется, она повсюду следует за Иисусом. Она остановится лишь тогда, когда Он Сам, прибитый к столбу тремя гвоздями, не сможет более идти вперед, не будет в силах сделать больше ни шагу, хотя бы и преодолевая боль. Тогда Мария Магдалина, тоже неподвижно застывшая у достигнутой, наконец, цели — у окровавленного древа, будет крепко обнимать его, пока не снимут растерзанное тело ее Господа и не укроют в ближайшей гробнице. Может быть, она думает, что Он притворился мертвым. Поэтому до тех пор, пока она знает, где находится священное тело, пусть даже бездыханное — ничто для нее не потеряно.

Лишь ненадолго оставляет она место погребения, чтобы купить благовоний. Уже на рассвете она опять здесь, у гроба, вместе с Саломией и матерью Иакова. И только тут Мария очнулась, оказавшись перед зияющим отверстием, перед входом, за которым открылась пустота. Унесли ее Господа! Неизвестно, куда Его положили! Она бросается за помощью, спрашивает у садовника и не ведает, что это и есть Иисус (как сказано у автора «Подражания» [1]: «Когда вы думаете, что далеки от Меня, тогда Я часто ближе всего к вам»).

Каждый участник драмы Искупления стал как бы образцом для без конца множущихся копий, с которыми мы и поныне сталкиваемся в жизни. Души, повторяющие тип Марии Магдалины, наполняют мир с тех пор, как она его покинула. Отныне самые падшие люди знают, что могут вызвать особенную любовь именно потому, что они так низко пали. Мария Магдалина установила связь между глубиной падения, из которой Христос извлек некоторых грешников, и любовью, которую спасенные Ему обязаны. Эта связь, если на нее дается согласие, из самого порока творит святость.

Ото всех других грешников блудница отличается тем, что о ней можно без преувеличения сказать: ее не останавливает никакой позор, и падение ее не знает предела. Ее призвание состоит в том, чтобы не отвергать ничего, что измышляет человек, пытающийся найти бесконечность к абсолют в чувственном. Разительная перемена! Магдалина остается верна своему призванию: она все так же ни в чем не будет отказывать, но уже не мужчинам, а Богу. Она вновь примется за те же неустанные поиски, но на этот раз следуя за Господом, за своим Богом. Женщина по-прежнему безумна: безумие тела сменилось безумием Креста. Она вновь, как совсем недавно, предается всем излишествам — но в той сфере, где теперь все излишества позволены; превышение самого себя не ограничено правилами, и нет иного предела для чистоты и совершенства, кроме чистоты и совершенства нашего Небесного Отца.

Притчи

Кающаяся грешница несомненно примкнула к группе женщин, которые помогали Христу материально. Из них некоторые были более знатного происхождения, чем Его ученики (Лука упоминает Иоанну, жену Хузы, домоправителя Ирода).

Окруженный людьми, чьи души Он исцелил, Иисус на берегу озера возвещает Царство Божие. На горе Он выступал против фарисеев открыто. На этот раз Он прибегает к притчам, как это делал Исая, которому разгневанный Бог повелел: «Скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите». Иисус имеет дело с детьми и развлекает их побасенками. Мудрые с трудом будут доискиваться до смысла этих притч. Бог умалывается, садится на землю, общается на равной ноге с самыми простыми людьми, беседует с ними о том, что им знакомо: о семенах, о плевелах и пшенице, о закваске. Он облакает истину в форму столь простого рассказа, что мудрецы ее не понимают. Сын Человеческий прикрывает, как пеплом, Свое учение образами, потому что не настал еще Его час и рано Ему быть преданным на смерть.

К тому же надо побереечь учеников, особенно Двенадцать.

Ничто не может разубедить этих упрямых иудеев, верящих в земную победу своего Царя. Вера эта так глубоко сидит в них, что накануне Его смерти сыновья Зеведея будут ссориться из-за места у престола. Терпеливо объясняет Иисус, что Царство Божие подобно зерну, которое само растет и созревает лишь со временем; и еще подобно оно крохотному семени, которое, когда вырастет, станет большим деревом и птицы совьют на нем гнезда. Но готовит Он их и к горькой истине: есть другой сеятель, который засеивает поле Господа плевелами; и пшеницу от плевел можно отличить лишь по окончании жатвы... Тогда плевелы будут сожжены. Мне представляются костры, в которых горит трава, и неподвижные дымки, стоящие над полями в тихие летние вечера. Плевелы были плевелами еще до того, как семена дали всходы. Плевелы были уже отданы врагу, чтобы он их посеял. Дурная трава, дурные сердца...

Но Царство Божие подобно также и закваске, положенной в тесто. Все человеческое тесто подымется с помощью неведомой и всесильной благодати. Раскроются сердца совсем, казалось бы, далекие от Христа. Победа придет без грома и блеска. Любовь должна тихо войти в мир, погрузиться в него. Христос еще не решается открыть ученикам, что это Он Сам погрузится в мир и будет пребывать в нем до скончания времен, что Жертва Искупления будет жить в самой гуще людей. Притчи одновременно и безопасны, и страшны, поскольку производят отбор, намеренно просвещая добрых и ослепляя злых: «Вам дано знать тайну Царствия Небесного, а им не дано. Потому говорю им притчами, что они видя — не видят, и слыша — не слышат, и не разумеют». Пусть иные и так и эдак пытаются истолковать этот текст, но смысл его ясен и страшен. Это слова Бога, который избирает, отделяет, предпочитает одну душу другой — потому что Он есть Любовь.

Усмирение бури

Его друзья, ничего не понимая, чувствовали, однако, что Он есть любовь и что вместо безграничного страха нужно безграничное доверие. Как дети, как овцы жались они к Нему. Однажды, когда они переправлялись на другой берег озера, поднялась буря, и лодка стала наполняться водой. Иисус спал на корме «на возглавии», то есть на подушке. Они разбудили Его криками: «Наставник, мы погибаем!» Тогда Он встал и запретил морю — настала великая тишина. Со страхом смотрели ученики на стоящего в лодке Человека, чьи волосы развевались по ветру. Теперь их пугало уже другое: они не узнавали Иисуса. Что стало с их любимым Учителем, добрым и неистовым? Сквозь плоть и кровь, внушая ужас, проступал неведомый Бог.

Способностью исцелять больных и даже воскрешать мертвых мог обладать великий пророк, им самим это удавалось. Но приказывать ветру и морю, и чтобы они повиновались... «Кто Он?» — спрашивали себя эти бедные люди. Однако они узнали Его страстный и немного гневный голос: «Где вера ваша?» На самом деле Христос не сердился на Свои создания за то, что они содрогнулись перед внезапным проявлением Его власти над чудовищной стихией. Простым смертным невозможно это вынести. И Он знал, что Сын

Человеческий совершает гораздо более удивительное чудо, когда умиротворяет сердце, в котором страсть разверзла бездну. Ибо ни море, ни ветер Ему не сопротивляются — но сердце, раздираемое любовью, но плоть, возбужденная похотью, обладают неистовой силой сопротивления. Тогда ветер кричит: «Нет!» и хлещет по лицу бессильного Бога.

У герасинцев

Иисус высадился в стране Герасинской (или Гадаринской), находящейся против Галилеи, по-видимому, близ деревни Курси, от которой сегодня остались одни развалины. Для чего Он пересек море? На этом берегу скрывался извечный враг, который, уже зная Иисуса, более не искушал Его. К Нему вышел нагой бесноватый, живший здесь в пустых гробницах. Дьявол помогал ему разрывать цепи, которыми его сковывали. Он подбежал к Господу и пал к Его ногам: «Что тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Заклинаю Тебя Богом, не мучь меня». Он утверждал, что имя ему «легион»: в одном бесе заключалось множество других, которым Иисус позволил, избавив от них одержимого, войти в свиней. Все стадо бросилось в пучину озера и утонуло. Испуганные пастухи подняли тревогу, и окрестные жители просили Иисуса уйти от них. Значит, Сын Человеческий мог внушать не только любовь или ненависть, но также и ужас. Умалившийся во плоти Бог, которого не признавали фарисеи, вызывал волнение Своим грозным присутствием. Что мы знаем о темном мире демонов?

Жители Курси убоялись Христа: страх — низшая ступень веры. Они не пытались понять, кто перед ними. Для них это был Человек, вселивший в их свиней бесов. Сегодня это свиньи... А что будет завтра, если Он задержится у них? Этих крестьян более заботил скот, чем собственные души. Однако Сын Человеческий не сердится на них, а бывший бесноватый, который уже успел одеться, сидит на корточках подле Него и просит позволить пойти с Ним. Но Иисус велит ему оставаться на месте, рассказывать о своем избавлении и проповедовать этим беднякам Царство Божие. Так этот человек стал предтечей Павла из Тарса, и его следует почитать как первого апостола язычников. Иисус, привыкший и к поклонению, и к ненависти, огорчился, должно быть, тем, что напугал герасинцев. Они молили Его, но молили о том, чтобы Он удалился от них. Их потомство гораздо многочисленнее, чем можно подумать. Это все те, кто услышал призыв, кто увидел, кто прикоснулся, кто, наконец, знает, что истина — это живая Личность. Но эти несчастные поглощены своими делами и вожделениями, у них семьи, которые надо содержать, страсти, которые не удастся подавить. Больше огня боятся они той любви, что как плугом перепахивает человека, режет по живому, перекраивает заново. Пусть их оставят в покое вместе с их свиньями! Крест — безумие, и им незачем разыгрывать из себя ангелов. Впрочем, они по-своему правы. Подступы к Царству Божию кишат демонами, и эта бесовщина отталкивает.

Дочь Иаира и край одежды

С грустью садился Иисус в лодку, возвращаясь назад. И как Он был рад, когда, вступив, наконец, на берег по другую сторону озера, увидел направляющуюся к Нему знакомую возбужденную толпу! О, им Он ни в чем не откажет, чего бы они ни попросили! Эти люди не боятся Его, напротив, теснятся вокруг, мешая Ему идти. Вот начальник синагоги Иаир, перед которым расступается простой люд. Он бросается к ногам Господа и умоляет Его срочно прийти к нему, потому что у него умирает дочь. Но людей собралось так много, что Иисус не может протиснуться сквозь толпу.

Вдруг в этом человеческом водовороте Он ощутил, как в Нем Сын Божий совершил какое-то высшее действие. «Кто прикоснулся ко Мне?» Никто не признавался, и тогда Петр, смеясь, сказал: «Народ теснит Тебя, а говоришь: „Кто прикоснулся ко Мне?“» Но Господь знал, что из Него вышла сила. Тогда одна из женщин в трепете пала перед Ним ниц. Двенадцать лет страдала она кровотечением, много лечилась у врачей, которые разорили ее.

Это она тайком прикоснулась к краю Иисусовой одежды и тотчас исцелилась! Иисус посмотрел на нее и сказал: «Вера твоя спасла тебя, иди с миром».

В этот момент прибежал друг Иаира: бессмысленно идти дальше, девочка умерла. Господь поискал взглядом отца. Это был день любви и чудес. Никогда еще Он не любил так этот народ, который не боится Его, мешает Ему идти, прикасается к краю Его одежды!

— Не бойся, Иаир. Только веруй.

Не страх, но вера. Вера в Иисуса — это одновременно и высшая благодать, и высшая добродетель. Кто верует, тот спасен. Только вера в Бога — дар Божий. Эта добродетель, необходимая для спасения, дается лишь по благодати. Что может быть ужаснее! Блажен, кто способен закрыть глаза и с детской доверчивостью изо всех сил ухватиться за край одежды.

Иаир и его жена приводят Иисуса в свой дом. За ними следуют только Петр, Иаков и Иоанн. Люди, окружающие ложе девочки, приостанавливают оплакивание, но лишь затем, чтобы высмеять Целителя, который пришел, когда все уже кончено. Но Он говорит: «Девушка не умерла, она спит». Он повелевает: «Девушка, встань!» — и девочка встает. Иисус велит дать ей поесть.

13. Казнь Иоанна Крестителя

К концу этих дней Богочеловек почувствовал безмерную усталость. Теперь Ему нужна помощь в завоевании — пока еще не мира, а Израиля. И вот Он собирает Двенадцать и дает им власть над нечистым духом и болезнями. Он не оставляет их наедине с демоном одиночества, а посылает по двое и хочет от них полной нищеты. Это единственное требование Христа, которое последующие поколения сочли безрассудным, его не смогли целиком осуществить ни Франциск Ассизский, ни Тереза Авильская. Пусть апостолы избегают постоянных дворов и останавливаются в домах, где их согласятся принять; пусть они всюду проповедают умерщвление плоти, ибо дух приводит к Богу, плоть же к растлению.

Растлением охвачена в это время вся страна, которую Сын Человеческий хочет поднять из праха. Ирод Антипа громоздит преступление на преступление. Он возжелал Иродиаду, жену своего брата, которого евангелист Марк называет Филиппом, а историк Иосиф Флавий — Иродом. Он познакомился с ней в Риме и, хотя ей было уже тридцать лет, похитил ее и на ней женился, отвергнув прежнюю свою жену, дочь Ареты, царя Набатии.

Так среди Царства Божия воздвигается второй град, который пребывает всегда, в котором — долго ли, коротко ли — но жил каждый из нас и куда мы постоянно возвращаемся. Здесь вино рождает терпимость ко всем слабостям, а пресыщенные, надушенные благовониями тела возлежат, прикасаясь друг к другу. Здесь изощренный ум блещет, измышляет, соблазняет тех, кто находится тут, и порочит, ранит и убивает отсутствующих. Здесь ненавидят друг друга, друг друга желают, одни терзают других, и тлен идет от сердца к сердцу: имя этому граду — Мир.

Преступный Ирод Антипа опускал в своем дворце Махерон голову, когда туда входил одетый в верблюжью шкуру Иоанн Креститель, худой, страшный, и бросал ему в лицо слова: «Не должно тебе иметь жену брата своего!» Сам Ирод никогда бы не заточил Иоанна в темницу, если б не настаивала Иродиада. Возможно, даже, что он сделал это, чтобы укрыть его от опасности, ибо, как говорит евангелист Марк, Ирод почитал Иоанна и покровительствовал ему, охотно слушал и во многом следовал его советам.

Однако Креститель не метал бисера перед свиньей и не говорил Ироду о Христе. Это обнаружится впоследствии, когда Ирод — уже после смерти Иоанна, — выслушав рассказ о

чудеса Христа, в смятении воскликнет: «Это Иоанн, которого я обезглавил; он воскрес из мертвых».

Но дружеское расположение Ирода к узнику никак не могло сравниться по силе с ненавистью Иродиады. Этот коронованный слепой раб, чья фигура маячит в истории Искупления, царек, трепещущий перед Римом, но распоряжающийся как хозяин в Галилее, готовый на любое преступление, скоро достигнет крайнего предела своего порабощения. Женщина желает головы святого и терпеливо ждет своего часа.

Настанет вечер, когда в угаре пира плоть будет испытывать радостное возбуждение, вино распалит гордость и станет почти нестерпимым упоение от власти над умами и телами. Всемогущая Иродиада не боится играть с мерзким вожделием; к концу ужина она зовет Саломею, свою маленькую дочь от первого мужа, чтобы девочка сплясала. Тут и придворные, и вся галилейская знать. «Блаженны чистые сердцем!» — это слово еще не успело прорасти. Даже поклоняющиеся истинному Богу пожирали ненасытными глазами маленькую гадину. «Проси у меня чего хочешь, и дам тебе даже до половины моего царства», — с восторгом закричал тетрарх, чья похоть распалилась от ее пляски. Вот это значит жить! Он жил, он мог похвалиться, что достиг предельного счастья — противоположного иному Блаженству, которое было живым и этой галилейской ночью дышало на расстоянии дня пути отсюда в одном из тех уединенных мест, куда Сын Человеческий, удалялся для молитвы.

Девочка вышла и спросила у матери: «Чего просить?» Та отвечала: «Головы Иоанна Крестителя». Маленькая Саломея ничуть не удивилась и не смутилась.

«Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей. И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошел, отсек ему голову в темнице и принес голову его на блюде и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей».

Так, наконец, обрел Иоанн Креститель радость и постиг, кто Тот, впереди Кого он шел на земле. Он познал Христа.

14. Исцеление расслабленного в купальне у овечьих ворот

В дни, последовавшие за казнью Иоанна Крестителя, популярность Христа в народе достигла высшей точки, что весьма обеспокоило тетрарха. Возросла любовь, которую Он вызывал, но еще более — ненависть. Возможно, к этому времени следует отнести короткое пребывание Иисуса в Иерусалиме на каком-то иудейском празднике, названия которого евангелист Иоанн не упоминает. По-видимому, Он совершил это путешествие втайне от всех, без Двенадцати, перед тем разослав их парами по всей Галилее. Оказавшись один в логове врагов, Он исполнил то, зачем пришел — но сделал это с мудрой осторожностью змея, как советовал действовать ученикам.

Это произошло в субботний день у одного из пяти входов в купальню близ Овечьих ворот. Не повышая голоса, Он велел человеку, парализованному вот уже тридцать восемь лет: «Встань, возьми постель твою и ходи». И тут же, будто Он совершил что-то дурное, затерялся в толпе. И действительно, для иудеев было преступлением велеть расслабленному нести постель в субботний день. Началось дознание. Исцеленный, который тем временем встретил Иисуса в Храме, узнал Его и выдал.

Тогда Назарянин встал лицом к лицу к этой своре и дал ей отпор. Он с такой смелостью говорил иудеям о единстве Сына и Отца, что Ему пришлось спешно покинуть святой город, чтобы Его смертный час не настал прежде времени.

Умножение хлебов

Двенадцать уже ждали Иисуса на берегу озера. Они возвратились с проповеди, пораженные тем, что совершили Его именем. Должно быть, в этот момент Иуда Искариот увернет, что наконец-то он у цели и Хозяин скоро совершит великий переворот. Тогда-то и обнаружится, как полезно быть в числе Его ближайших друзей!

Все были веселы, возбуждены, но очень устали. Их постоянно теребило столько людей, что им даже некогда было поесть. И Учитель, пожалев утомленных учеников, увел их отдохнуть в пустынное место.

Но любое пустынное место, куда бы ни приходил Сын Человеческий, тотчас становилось людным. Только в лодках Петра или сыновей Зеведеевых мог Он хоть сколько-нибудь уединиться. Вот они и отплыли от берега. Но люди уже проведали место Его уединения, и, когда Иисус с учениками пристал к другому берегу озера, их встретила та же большая толпа, добравшаяся туда пешком и даже увеличившаяся за счет людей, пришедших из окрестных городов: они были изнурены, преданны и доверчивы, как стадо овец. Все их головы, как у овец, были повернуты к Нему. Он не сердился на них. В сердце Бога жило человеческое чувство, в крови Его пульсировала Божья любовь; ибо с той поры, как Слово стало плотью, для Творца и твари жалость сделалась общим чувством. Телом Своим Бог познал голод бедняков, их жажду и усталость. Он стал причастен к их поту, слезам и крови.

Итак, Он начал «учить их многому», как говорит Евангелие. Нам не сообщается, о чем именно говорил Иисус, испытывая жалость к измученной, но внимательно слушавшей Его толпе. Не сообщается, конечно, потому, что в человеческом языке нет для этого слов. Но мы знаем, что никто из множества собравшихся здесь мужчин, женщин и детей не обратил внимания на приближение сумерек. Они внимали, они отдались этому таинственному Пастырю. Он говорил до тех пор, пока Его не остановил шепот учеников: «Место здесь пустынное и время уже позднее. Отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе хлеба».

Усталость и досада слышны в голосе Учителя, когда Он отвечает им: «Вы дайте им есть». Неужели они еще не поняли, что все это не имеет для Него значения?

Филипп говорит: «Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому досталось хоть понемногу...» Был там мальчик, у которого нашлось пять ячменных хлебов и две рыбы. Но что это для такого множества? Пяти тысячам человек велел Иисус возлечь на траву. «И взял хлебы и, воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежащим, также и рыбы, сколько кто хотел». Оставшейся едой наполнили двенадцать коробов.

Насытившись, они перестали походить на овец, тут же превратилась в пламенных сторонников Иисуса и решили поставить Его царем. Именно этого момента и ждал, конечно, человек из Кариота. Такого шанса ни за что нельзя было упускать. Увы! Учитель снова его разочаровал, Он воспользовался наступившей темнотой, чтобы убежать от такой великолепной возможности, и ушел на гору, велел ученикам сесть в лодку и плыть в Капернаум. Ему хотелось побыть одному. Вероятно, Он был взволнован тем, что только что совершил на глазах у всех. Смысл произошедшего был выше разума этих простых людей, — так художник бывает раздосадован похвалами, расточаемыми его наброскам, тогда как Он вынашивает в сердце еще неведомое миру произведение.

Когда же, если не сегодня, решится Он возвестить невообразимое, немислимое умножение хлеба и вина, которые станут Его телом и кровью! Не так уж долго осталось Ему жить. Наступила ночь, поднялся ветер и, наверно, принес запах травы, растоптанной тысячами людей, над которыми сжалился Сын Человеческий. Иисус вспоминает об

учениках, с трудом гребущих против ветра, решает, что пора присоединиться к ним и выбирает наикратчайший путь.

Хождение по водам

Он легко, не раздумывая, вступил на зыбкую поверхность воды... Мы знаем, что ни одно из чудес Христа не совершалось случайно. Сын Человеческий не мог забыть, что, будучи Человеком, Он не должен бы ходить по морю. Однако Он действует как Некто уверенный в Своем праве ходить по водной равнине. Ноги, которые не так давно отирала волосами грешница, теперь омывала пена. По-видимому, светила луна, так как вдали Он увидел гребцов, борющихся с ветром. Марк говорит нам, что Он «хотел миновать их». Увидев, как они бросили весла и в ужасе вскочили с мест, Иисус понял, что напугал Своих возлюбленных, как когда-то жителей Курси. Он закричал им издалека: «Это Я! Не бойтесь! Это Я!» И, приблизившись к ним, прыгнул в лодку; ветер утих, и море успокоилось под Тем, Кто плыл по нему.

Хотя чудо совершилось под покровом ночи и его свидетелями были только Двенадцать, о нем стало известно, ибо много людей видело, как апостолы сели в лодку без Учителя, а когда они берегом пришли в Капернаум, то поразились, увидев там Иисуса. Отовсюду сыпались вопросы: «Равви! Когда Ты пришел сюда?»

Они искали Его, потому что Он накормил их в пустыне и им хотелось еще дарового хлеба. Они нетерпеливо ожидали бесплатного угощения. И это им Иисус должен был рассказать о совсем другом, небесном хлебе! Но Сын Человеческий, которого фарисеи и первосвященники приводили в ярость, — с простыми людьми само терпение. Он терпеливо разъясняет им:

— Заботьтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую дает вам Сын Человеческий.

В Капернаумской синагоге, куда Он их привел, враги уже смешались с толпой обездоленных, которых Он накормил накануне. Послышались злые голоса:

— Какое же Ты дашь знамение? Что Ты сделаешь?

Конечно, им уже рассказали о странном умножении хлебов... Ну и что! Они знают: у этого обманщика в запасе немало всяких трюков. Да и не так трудно обмануть этот сброд. Истинное чудо — это манна в пустыне. Попробуй совершить такое и Ты, умножающий хлеба! «Отцы наши ели манну в пустыне...»

Иисус тяжело вздыхает: их восхищает слабое подобие того, что совершит Сын Божий. Но многие не захотят поверить. Истинное, редчайшее чудо — это человек, которому не нужны внешние доказательства, а достаточно одной веры. Есть ли что-нибудь для большинства людей за пределами того, что можно увидеть и потрогать? Чтобы их убедить, от воплощенной Любви требуются нечеловеческие усилия. Они убьют Его, но Он будет жить в Евхаристии. Он знает, что наступят дни, когда множество людей будет падать ниц перед Святыми Дарами. За Ним пойдут бесчисленные последователи во всех концах земли. И что значит перед лицом этих будущих несметных толп кучка поднявших вокруг Него суматоху иерусалимских и капернаумских иудеев? Настало время впервые заговорить с ними о непостижимой тайне.

Хлеб жизни

Истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес, ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру.

Тогда они говорят:

— Господи! Подавай нам всегда такой хлеб.

Он отвечает:

— Я есмь хлеб жизни. Приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда.

Христос зашел слишком далеко, и отступать уже поздно. Сейчас Он не перед женщиной из Сихари, которой открыто сказал, кто Он, а перед врагами и друзьями, и некоторые из друзей уже отходят, смущенные этим новым Его обликом. На этот раз Он перешел все границы, и возмущенные выкрики фарисеев находят поддержку даже среди учеников. Ропот осуждения мешает Ему говорить. Он бросает им как вызов всю Свою любовь. На этот раз Он скажет все до конца. И вот уже звучат чудовищные, ошеломляющие слова:

— Не ропщите между собою. Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день... Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что тот, кто ест его, — не умрет... Хлеб тот будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

«Тогда иудеи стали спорить между собою, говоря: „Как Он может дать нам есть Плоть Свою?“»

Должно быть, раздался взрыв смеха. В этот момент Иуда говорит сам себе: «На этот раз Он погиб — и по Своей же вине! Если бы Он был один! Но Он ведь увлек и нас...» И, заглушая гул разделившейся на два лагеря толпы, без конца звучит один и тот же вопрос: «Как Он может дать нам есть Плоть Свою?»

Он идет вперед, как бы ничего вокруг не видя и не слыша, — но все видит и слышит. Этот отход множества сердец, которые покидают Его, ни на мгновение не ускользает от Его внимания. Пламя, зажженное с таким трудом, грозит потухнуть. Короткими фразами Он продолжает лить на огонь нелепую, невыносимую истину:

— Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу Его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек.

Евангелие добавляет: «Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме. Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать?»

Некоторые последователи отошли от Него. Но один из тех, кого Иисус разочаровал навсегда, к ним не присоединяется: человек из Кариота скрыл охватившую его ярость. Его разыграли, надули! Но можно, наверное, еще кое-что извлечь из этого Человека? Иисус в это время думает об Иуде. «Он знал, — говорит Иоанн, — кто предаст Его».

Ропшущая толпа расходится. Сыну Человеческому не придется больше искать пустынных мест, чтобы скрываться от осаждающих Его людей. Не понадобится Ему и

отплывать от них в лодке. Он зашел слишком далеко. Начинается время оставленности. В сумрачной синагоге осталось только двенадцать растерянных учеников, которые не знают, что Ему сказать. Он смотрит по очереди на каждого и вдруг с нежной любовью задает вопрос — печальный и очень человеческий. Здесь Бог на шаг отступает перед Рожденным женщиной.

— Не хотите ли и вы отойти?

Тогда Петр-Симон, полагая, что говорит от имени всех, восклицает:

— Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни.

На это восклицание, которое должно было утешить Оставленного, сначала не последовало никакого ответа. Двенадцать учеников не отрываясь смотрели на скорбное лицо Иисуса. Но достаточно было одного из них, чтобы омрачить свет, сияющий в глазах одиннадцати. Наконец, Иисус ответил: «Не двенадцать ли вас избрал Я?» И тихим, несомненно, голосом добавил горькие слова:

— Но один из вас дьявол.

15. На пути в Кесарию Филиппову

Иисус увлек учеников за Собою в непонятные скитания — то ли Он хотел сбить со следа тех, кто искал Его смерти, то ли желал выиграть время и побыть наедине с одиннадцатью нетвердыми сердцами и укрепить их. Много еще труда требуют ученики. Восклицание Кифы: «К кому нам идти?» — пока далеко не тот ответ, которого ждет от Него Сын Человеческий.

Он ждет, чтобы признали Его за Того, Кто Он есть... Но они нерешительны, непостоянны, колеблются, как и все мы. В иные дни восхищенные, исполненные уверенности, они говорили между собой: «Истинно, это Сын Божий!» Но нередко некоторые из них думали, что пусть не в обвинениях фарисеев, так по крайней мере в упреках Иоанновых учеников есть, возможно, доля правды. Знали бы они, куда идут, к какому поражению! Если им показались непонятными слова о хлебе жизни, то как могли они принять пророчество (к тому же завуалированное) о виселице для рабов, которой все должно кончиться?

Надо приготовить учеников к тому, чтобы они спокойно встретили тот венец и тот трон, на котором мечтают увидеть Учителя и самих себя, и не дрогнули сердцем перед терновыми колючками и багряницей, перед крестом, сколоченным из двух бревен. Небольшая группа шла на северо-запад, в сторону Тира; оттуда они, прежде чем направиться к Десятиградию, зайдут в Сидон. В пути Учитель вновь и вновь возвращается к провозвестию о Царствии Божием: оно внутри нас, и никакие ритуальные омовения, очищение посуды, воздержание от нечистой пищи не ведут к спасению. То, что оскверняет человека, приходит не извне — он сам источник собственной скверны. Она образуется в сердце, она — плод его вождлений.

По дороге Господь охотно соглашается избавить одержимую сириянку от беса или исцелить слепого. Но язычнице, у которой была одержима дочь, Он вначале отказывает в чуде. Глухонемому Он вложил пальцы в уши и, плюнув, коснулся его языка. Так же Иисус сделал и тому слепому в Вифсаиде, о котором Евангелие сохранило волнующую подробность, — прозрев, он воскликнул: «Вижу проходящих людей, как деревья». Несомненно, Господь хотел научить учеников действиям, которыми лучше всего привлекать внимание немощных и пробуждать в них надежду. И всякий раз Он велит исцеленному никому ничего не рассказывать, чтобы лишний раз не задевать иудеев.

Иисусом владело тайное беспокойство, у Него была цель, о которой знал Он один. Ведя за Собой Двенадцать, Он снова пошел на север, к землям язычников на границах с Израилем, где и имени Его не слыхали. Еще не пришло время возвещать Царствие Божие язычникам, и потому Сын Человеческий старается не обнаружить Себя перед ними.

Они проходят вблизи одного из истоков Иордана, где находится святилище бога Пана. Отсюда недалеко до Кесарии Филипповой. Иисус Назарянин пересекает местность, покрытую рощами и водоемами, где живут нимфы. Великий Пан дремлет под деревом и не просыпается при приближении Бога, Который вскоре изгонит его из мира.

В окрестностях Кесарии Иисус решается, наконец, задать Двенадцати вопрос, который Ему хотелось поставить перед ними, еще когда они только отправились в Тир и Сидон. Он и затеял все это странствие лишь для того, чтобы вдали от Капернаума, в окружении одних язычников подвергнуть учеников испытанию. Однажды вечером по пути в город Он решился спросить их:

— За кого почитают Меня люди?

Ученики смущенно переглянулись:

— Одни — за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, а иные — за одного из пророков...

— А вы, за кого вы почитаете Меня?

Одиннадцать на мгновение задумались, но Петр тут же воскликнул:

— Ты — Христос!

И этого восклицания было довольно, чтобы на обочине дороги, почти рядом со святилищем Пана, проросла из земли Вселенская Церковь, с каждым новым словом Иисуса поднимаясь все выше.

— Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.

Настало время, когда надо решиться на пророчество, которое Он до сих пор откладывал. Раз Его маловерные ученики все же видят в Нем Мессию, Он воздвигнет перед их взором тот неведомый им крест, к которому они идут, сами того не зная. Господь начинает говорить с ними осторожно, не спеша. Тревога в глазах, устремленных на Говорящего, нарастает с каждым Его словом. О чем Он говорит?! В последний раз пойдет Он в Иерусалим, старейшины, книжники, первосвященники подвергнут Его страданиям и предадут смерти... Но Он воскреснет... Да что это за новое безумие!

Иисус замолкает, и какое-то время никто не решается нарушить тишину. Еще не переведя дыхания, Он уже читает в каждом сердце, видит их полную растерянность. Один Иуда все понял, то есть думал, что все понял. Он был уверен, что Учитель способен видеть будущее. То, что остальным Одиннадцати показалось невероятным, он принял сразу. Назаретский Плотник знал, что с той минуты, как были произнесены безумные слова о плоти-хлебе и крови-вине, человек из Кариота не сомневался более в Его неминуемом

поражении. Последнее слово останется за священниками, для Иуды это было всегда очевидно; но как ему повезло, что теперь он знает это наверное! Нужно будет в Иерусалиме переговорить с противником. Последние слова бедняги Плотника о Своем воскресении подтверждали мнение здравомыслящих людей и Его родни: «Иисус спятил». А никто не обязан хранить верность сумасшедшему.

Так размышлял Иуда, пока малое стадо с поникшими головами подходило к Кесарии. Но вдруг лучший из них, тот, кто исповедал Христа, отвел Учителя в сторону (быть может, его послали собратья?) и тихо сказал ворчливым голосом:

— Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобюю.

Там, где была Кесария Филиппова — в Вании (или Пании, от слова Пан), и сейчас растет густая трава, которая достигает нижних ветвей оливковых деревьев. Крест, впервые возникший перед взором Петра посреди благоуханной равнины, привел его в ужас — этот крест еще и сегодня вызывает отвращение у миллионов людей на Востоке, для которых Бог страдающий и распятый — невыносим. Ислам возник из этого соблазна. Из любви протестует и Кифа. Любовь смешалась в нем с неверием: «Нет! Нет! Не будет этого с Тобюю...» Как если бы он сказал: «Нет, мой Возлюбленный, я не хочу, чтобы Ты умер!»

Но Сын Божий сначала не хотел понять, как трудно несчастным семитам поверить в то, что и через девятнадцать веков отталкивает людей этой расы: поверить в Христа униженного, осмеянного, побежденного... Нет, этого не может быть! Разгневанный протестом Петра, Иисус воскликнул:

— Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.

О чем другом мог думать Петр? Он не был, как Иисус, Богом, хотя Иисус был человеком, как он. Когда апостол отошел с поникшей головой, человек из Кариота подумал: «Учитель начинает выходить из Себя, Он больше Собой не управляет...»

Только теперь Иисус успокаивается и решает пощадить Двенадцать. Потребуется немало времени, чтобы они поняли эту тайну. Но Они не постигнут ее до конца, пока не прикоснутся к рукам и ногам, пронзенным гвоздями, и к ране в боку. Иисус вдруг становится нерешительным. Он еще не в силах назвать предмет, вещь, знак, ту виселицу для рабов в форме буквы Т, которой люди будут поклоняться из века в век. Ведь достаточно было одного намека, чтобы возмутить Кифу. На этой дороге, которая уже подходит к Кесарии, Господь прибегает к хитрости: дерево, которое Он не решается прямо показать Двенадцати, предстанет перед их взором в виде огромной тени, покрывающей все поле человеческой жизни. В двух шагах от святилища, посвященного козлоному богу, Иисус решается сказать им о кресте:

— Если кто хочет идти за Мною — отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мной.

Можно не сомневаться, что подобные слова вселяли в такого уравновешенного и благоразумного человека, каким был «Иуда, полную уверенность, что Учитель сошел с ума...» Но перед другими уже чуть забрезжил свет истины: они по крайней мере поняли, что нечего им больше пытаться тут что-нибудь понять и нужно, закрыв глаза, броситься с головой в это безумие. Чем они рискуют, раз Сын Человеческий вернется в славе и каждому воздаст по заслугам? Иисус, однако, добавил:

— Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Возможно, говоря так, Иисус смотрел на Искарюта, а тот думал: «Если приобретешь весь мир, всегда успеешь спасти свою душу. Впрочем, что такое душа?» Иуда помнил слова псалма: «Жизнь моя иссякает, и касаюсь я жилища смерти, между мертвыми брошенный, — как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь...» Какой смысл спасти душу, которая всего лишь дыхание, дуновение ветра (как считали саддукеи)? К чему о ней заботиться, если при этом теряешь весь мир?

Преображение

Так думал Иуда, однако Иисус не мог не чувствовать сильного сопротивления и среди остальных. Из всех учеников Он избрал Двенадцать, но и этого было много. После шести дней размышлений Он решил из двенадцати взять троих... Уж этих-то Он заставит поверить, одним Своим видом вынудит их признать, что Он Сын Благословенного. Раньше времени им будет дано увидеть Сына Человеческого пришедшим во славе Своего Царствия, чтобы в час скорби они вспомнили этот день и не упали духом.

Выбор сделан заранее: прежде всего — Кифа, затем Иоанн — Иисус так его любит, что малейшее недоверие или равнодушие с его стороны Ему особенно невыносимы. И Иаков, ведь он брат Иоанна и всюду за ним следует.

Наконец настает день, когда Сын Человеческий просияет в славе на глазах трех Своих друзей, чтобы потом возлюбленный ученик мог написать «о том, что было от начала, что мы слышали, что мы видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни...»

И вот Он повел их на гору. Если то была гора Фавор, как гласит предание, восходящее к святому Кириллу Иерусалимскому, то это было недалеко от Назарета: во времена укромной назаретской жизни Он, должно быть, часто уходил туда, чтобы побыть наедине с Отцом. На ее вершине лежала деревушка, но Он без труда нашел и уединенное место.

Даже если это было днем, Его светлый, как солнце, Лик затмил небо и от снежной белизны Его одежд померк весь мир. От бедного Иудея, одетого в грубошерстный хитон, исходило сияние. Это тот самый свет, который мы всегда узнаем в рассказах тех, кто видел Иисуса — от Павла из Тарса до маленькой Бернадеты Субиру: свет, который созерцали слепые глаза старого Товия.

Три человека, вопившие от ужаса, когда Иисус, идя по воде, приближался к лодке, не испытывали никакого страха перед Его источающим свет лицом. Человек, который ведет себя как Бог, пугает. Но когда является сам Бог, то страх исчезает, уступая место благоговению и любви. Вот Моисей, а вот Илия... Что может быть проще? Так же, как это случится с путниками в Эммаусе, ученики почувствовали горение сердец; они говорят: «Господи! хорошо нам здесь быть...» А в Эммаусе они скажут почти такие же слова: «Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру». Петр предлагает поставить три кущи — одну для Иисуса, другую для Моисея и третью для Илии. Ночной туман сгустился над ними, и голос оттуда поверг их ниц: «Сей есть Сын Мой возлюбленный...»

Они лежали, распростершись на земле, пока их не коснулась чья-то рука. Иисус был один — с обычным лицом, в обычном хитоне. С равнины доносились привычные звуки. Но они сочли, что сами навсегда изменились. Однако Петр вспомнит сияние этого Лица после отречения, когда закованный цепями Сын Человеческий повернет к нему измученное лицо. Вспомнит это и Иоанн, когда будет стоять у подножия Креста не отрывая глаз от поникшей головы в крови и гное.

Спускаясь в долину, Иисус велел до Его воскресения никому не говорить о виденном. И так, не теряя времени, Он решил воспользоваться тем, что вера их окрепла, и поговорить с ними о Своей смерти. Три ученика вновь смутились: на ум им приходили сохранившиеся в памяти отрывки из Писаний:

— Книжники говорят, что Илиа надлежит прийти прежде...

Когда Иисус ответил, что Илиа уже приходил, они поняли, что Он имеет в виду Иоанна Крестителя:

— Книжники поступили с ним, как хотели. Так и Сын Человеческий пострадает от них.

Как медлительны они в вере! Как противится их природа Божественной благодати! Природа иудеев... Им хочется завоевывать успех, одерживать победы над врагом, собирать горящие угли на Его голову. Нужно было укрепить их веру, и Господь снова терпеливо берется за дело.

На следующий день после Преображения к Нему присоединились остальные ученики, смущенные тем, что они не смогли исцелить лунатика. Он тут же объяснил им: «По неверию вашему...» и добавил:

— Если будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе: перейди отсюда туда — то она перейдет...

Вновь Он принуждает их смотреть на то, чего они не хотят видеть, ставит их перед тем, что они отвергают:

— Сын Человеческий предан будет в руки грешников, и убьют Его; и в третий день воскреснет.

Кто осмелится возразить? Все помнят Его недавнюю гневную отповедь Петру. Они молчат, втайне противясь, и им вовсе не легче от обещания Воскресения: это слово ничего не говорит их уму.

Подходя к Капернауму, они уже забыли об этих мрачных пророчествах и ухватились за ребяческую надежду: они обретут величие, власть, славу. Но не все в равной мере! Среди них не раз вспыхивали тайные споры, порожденные ревностью, — особенно, когда малое стадо оказывалось чуть поодаль от Учителя. Но вдруг раздался нетерпеливый, грозный голос:

— О чем беседуете вы?

Лгать бессмысленно. Все знали, что Господь спрашивает для виду, любое их слово Ему известно. Тем не менее никто не осмеливается признаться, что они спорили о том, кто из них больше...

Иисус молчал, пока они не достигли Капернаума и не вошли в дом (очевидно, это был дом Петра). Усевшись вокруг Него, они опустили головы, переживая гнев этого Агнца, который иногда мог впасть и в ярость. Но с той лаской в голосе, которой они сейчас не ждали и которая не переставала волновать их даже после трех лет общения с Ним, Иисус сказал:

— Кто хочет быть первым — будь из всех последним и всем слугою.

Он решил пока не говорить с ними больше о Кресте и только сказал им, что Своим возлюбленным Он предназначает последнее место; эти слова вновь разрушили их мечты о могуществе. И так как они отвернули от Него свои нахмуренные лбы и отвратили малoverные сердца, Господь протянул руку к одному из детей, которые вошли следом и окружили Его, и привлек ребенка к Своим коленям:

— Если не будете, как эти малые дети, не войдете в Царствие Божие.

Затем добавил:

— И так, кто умалится, как это дитя...

Этого ребенка Он позвал не случайно, а выбрал его среди других. Зачем рассуждать о детстве? Детства нет: есть дети. Действительно, многие, едва появившись на свет, уже похожи на мутные воды, их порочность дает знать о себе с первого лепета. Но есть и множество других — они обладают той чистотой и прозрачностью, в которой отражается склоненный над ними святой лик Христа. Еще одного безумия требует Он от взрослого человека: вернуться к детской доверчивости, которая не ведает зла. Он хочет этого от нас, полных скверны, познавших зло и зло творивших. Но действительно, то детство, которое особенно любит Бог, является победой над всеми мерзостями жизни, когда девственная земля шаг за шагом отвоевывается у наступающих страстей и неустанного вожделения. Такое детство — это победа, завоевание зрелости. Ведь как бы ни был чистосердечен ребенок, на которого смотрел Иисус, в нем в зародыше уже жили все преступления, которые он совершит позднее.

— Кто примет одного из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня.

Иоанн как наиболее любимый из учеников и потому чувствующий себя свободнее прервал Иисуса: значит, неважно, кто во имя Его принимает детей или изгоняет бесов Его именем? Но ведь еще вчера они запретили одному человеку изгонять бесов именем Иисуса.

Господь тут же упрекнул их: Он не хочет быть узником Своих последователей. Благодать Его ни в ком не нуждается. А сегодня сколько еще священников подменяют собой Божественную благодать! Господь все еще не отпускал ребенка и продолжал смотреть на него с такой грустью, что, возможно, тот испугался и захотел убежать.

— Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море.

Слова эти скорее утешают, чем пугают: значит, чистота малого ребенка бесценна, и свойство это неотторжимо, что бы с ним ни случилось в пору страстей. Страшное преступление — осквернить чистосердечного свидетеля, который всем нам понадобится в день Страшного суда: того ребенка, которым мы были.

Здесь Сын Человеческий вводит нас в тайну Своего суда. И Царство Его и действующее в нем правосудие, — не от мира сего. То, что заслуживает смерти или, вернее, вечных мук, в глазах мира кажется делом законным или, по крайней мере, не заслуживающим внимания.

Мир! Иисус не может думать о нем без содрогания. Отодвинув дитя, Он восклицает:

— Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

На протяжении веков погрязший в соблазнах мир равнодушно внимает проклятиям этого Иудея и смеется про себя над Его угрозами. Он не боится быть «осоленным огнем» (именно это выражение употребляет Иисус). Мир не верит в такой огонь, в котором тело человека горит, не сгорая, в вечных муках. Огненная геенна, приводившая в трепет стольких людей с тех пор, как Сын Человеческий так убедительно описал ее ужасы, это пламя, в котором не умирает даже трупный червь, — карает не только за то, что по человеческим законам считается тяжким преступлением. Это справедливое возмездие за духовное осквернение, за растление юных сердец, расплата за убиенные души. Миру, который развращает детство, разжигает и утоляет страсти, миру, который обожествляет каждое вожделение, Иисус противопоставляет иной, почти сверхчеловеческий закон чистоты и придает абсолютную ценность целомудрию, единству сердца и плоти. Никаких послаблений: лучше отсечь часть тела, которая соблазняет нас, чем обречь себя на вечный огонь: «Ибо каждый будет гореть в огне»...

Может быть, Он увидал, как вспыхнула жестокость в глазах иудеев, уже готовых вершить скорый суд? Он спохватился: нет! Не дело праведных разжигать на земле огонь и бросать туда нечестивых! Нам следует подражать непреклонности Бога, который зажег эту геенну, но тем не менее пришел умереть, чтобы нас от нее спасти. Иисус заранее устанавливает четкие границы, в которых можно будет воздействовать на согрешающего брата: сперва предостережение, затем порицание в присутствии двоих или троих... И только если согрешивший будет упорствовать, Церковь приравняет его к язычникам. Как Он не доверяет этим жестоким иудеям! Иисус велит им прощать не до семи раз, но до седмижды семидесяти и рассказывает притчу о займодавце и должнике: один царь простил слуге долг в десять тысяч талантов; раб же тот, выйдя из дворца, схватил и начал душить одного из своих товарищей, который должен был ему сто динариев, и посадил его в темницу. Тогда царь жестоко наказал раба, который не сжалился над своим должником, как сжалились над ним.

Так самые страшные угрозы Господа каким-то образом всякий раз заканчиваются словами милосердия. Каждое проклятие приводит к тайне любви, которую Ему приходится скрывать за огненной завесой, чтобы свои же не стали ею злоупотреблять.

16. На пути в Иерусалим

Пришла сухая осень, поспевал виноград. В виноградниках ставили шалаши из веток, так называемые кущи, откуда можно было стеречь урожай. Иисус отправился с Двенадцатью в Иерусалим на праздник Кущей. Те несколько недель, что Он втайне трудился над их душами, Христос избегал толпы, и потому маленькая группка не увеличивалась. Но один Учитель знал счет сердцам, которых Он тщетно жаждал и которые отвергли Его. Их полным полно в домах Капернаума, Хоразина, Вифсаиды, как будто Христос никогда не проходил через эти города. Все, что Он совершил, совершенно напрасно. Время, которое им было отпущено, истекло: Сын Человеческий отправляется в Иерусалим и больше не вернется, во всяком случае — во плоти. Итак, то, что Он пришел спасти, спасено не будет. Иисус бросит в лицо городам, которых не покорил, вопль сердца, знающего, что дело проиграно (насколько может быть проиграно дело Божие). Любовь, жившая рядом с ними, встает и уходит. Какая тайна заключена в дарованной творению власти отвергать желание Бога! Любовь, должно быть, потерпела там страшное поражение, ибо Сын Человеческий не сдержался и предал этот берег такому проклятию, что от Вифсаиды не осталось и следа. Он, кому ведомы все тайны, не может прийти в Себя от такого отвержения и в горе произносит страшные слова.

Проклятые города

Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись. Но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до

ада низвергнешься; ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе!

Вспышка гнева проходит, и Сын Человеческий вновь возвращается к тайне Своего существования. Ему не нужно избегать гнева той плоти и крови, в которые Он облекся, чтобы укрыться в недостижимом покое Отца.

— Славлю тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение.

Его укрепляет и утешает сознание этого невыразимого союза. Радость Троицы звучит в словах, которые слушавшие Его бедные люди запомнили, но, как и многое другое, не поняли. Однако они врезались в их память — возможно, потому, что радость зазвучала в Его голосе сразу после ледящих сердце проклятий.

Сын Человеческий погружается в глубины собственного покоя. Он отвратил взор от Капернаума и Хоразина, от которых сегодня остались лишь груды камней. Маленькая кучка людей бредет в молчании. Некоторых удручают мысли о геенне огненной: какой человек может устоять перед соблазнами? Они ищут в памяти имена своих забытых жертв. Все любили Вифсаиду, которая только что была предана проклятию. Многих вдруг охватывает отчаяние: к чему такие усилия, если все кончится вечным огнем и разрушением их земной родины? Но внезапно раздается тот же голос, только что полный гнева, а сейчас нежный:

— Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.

— Господи, мы устали от наших падений и измен. Такое бремя мы не в силах больше нести...

— Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.

Да, их смутили проклятия и нашептывания Искарота: «Что за ненужная горячность! Что за бессмысленный гнев!» Но этот исполненный нежности призыв вызвал у них почти физическое ощущение: они причастны к тайне униженного Бога! Они знают сладость этого ига. Они больше ничего не боятся. Что им Вифсаида, что им Хоразин? Их единственное отечество — это Христос. Для них нет иного царства. Напрасно пытался Он напугать их; Его любовь выдает себя на каждом шагу. «Придите ко Мне все труждающиеся...»

Обычно забывают про шумную и надоедливую семью Христа, втайне относившуюся к нему враждебно. Его назаретская родня слышала Его проклятия прибрежным городам и говорила Ему: «Выйди отсюда и пойдешь в Иудею. Ибо никто не делает чего-нибудь втайне; и ищет сам быть известным. Если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру».

Но Иисус не хотел идти в Иерусалим с родными по крови, которые не верили в Него, однако надеялись извлечь некоторую пользу из своего родства. Как и Иуду, их, конечно, терзали сомнения и алчность. Они знали, что Учителю опасно идти в Иерусалим, но с этим не считались: сами-то они ничем не рисковали. Эта лицемерная, докучливая и трусливая родня внушала Христу ужас. Он говорил им:

— Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит; потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы. Вы пойдите на праздник сей, а Я еще не пойду, потому что Мое время еще не исполнилось.

Он дал им уйти, сделав вид, что остается. Но затем Иисус отправился в путь. Это не было сиюминутным решением, Его последнее путешествие было предreshено от века: «Когда же приближались дни взятия Его, Он восхотел идти в Иерусалим»... Все предусмотрено заранее: каждый день и каждый час. Время Его настало, и ни на мгновение дольше Он не смог бы остаться, чтобы произнести хоть единое слово ради спасения проклятых городов.

В этот переломный момент Своей земной жизни Сыну Человеческому хотелось побыть одному. Как Он ни любил их, но Ему, должно быть, нелегко было всегда водить за Собой одиннадцать ничего не понимающих с полуслова учеников и хитрого и неумного предателя. Если бы Он мог остаться с одним Иоанном... И действительно, из текста, по-видимому, следует, что с Ним был сын Зеведеев. Остальных Он послал вперед приготовить Ему путь.

Почему, пересекая Самарию, Он обошел Сихарь? В сухом воздухе давилни распространяли запах виноградного сока. Дни становились короче. Испытал ли Бог в числе всех скорбей человеческих и грустное счастье нашей недолговечности? Чувствовал ли Сын Человеческий в таинственной глубине Своей богочеловеческой природы то умиление и печаль, которые пробуждает слабеющее осеннее солнце в смертном человеческом сердце? Ощущение времени, всего, что существует, проходит и кончается, пьянило Сущего, Того самого, Кто несколько дней спустя возмутит иудеев несслыханными словами: «Прежде, нежели был Авраам, Я был!» Но в этот осенний день по дорогам Самарии идет просто Путник, который никогда не вернется в родной город, идет загнанный, как зверь, Человек, над которым уже навис приговор закона. И Он в последний раз любит сентябрьскими закатами и вдыхает винный запах собираемого винограда. Да, Ему ведомы и наши бедные маленькие радости.

Но уже возвращаются ученики: они никогда не оставляют Его надолго. Все та же история! Самаряне не хотят принимать у себя людей, идущих в Иерусалим. Сыновья Зеведеевы, в чьих ушах все еще звучат проклятия трем городам, с извечным рвением иудеев к мести и разрушению предлагают Ему самое простое решение: «Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их?»

Иисус, шедший впереди, обернулся. Как? Неужели этот удар нанес Ему Иоанн? Ученик исходил из проклятий Своего Господа по адресу Вифсаиды. Этот «сын грома», как с нежной усмешкой называл его Иисус, вовсе не был кроток; он думал, что сейчас не время предаваться мирным сельским радостям. Иисус не сердится. В Его ответе слышится невыразимая усталость, грустная жалоба опечаленного Бога:

— Не знаете, какого вы духа!

И Он добавляет:

— Ибо Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасать.

Через пятнадцать веков Иисус явится мучимому сомнениями Франциску Сальскому, и скажет: «Я не тот, кто проклинаяет, — Меня зовут Иисус...» Действительно, если бы сын Зеведеев осмелился возразить: «Господи, не Ты ли недавно говорил о геенне огненной», Учитель ответил бы:

Я — Бог непоследовательный. Нет ничего более чуждого Мне, чем ваша логика. Сердце Мое живет по иным законам, и ваш рассудок их не улавливает, ибо Я — любовь. Вчера любовь побудила Меня разжечь перед вами неугасимый огонь, а сегодня та же любовь возвещает вам, что Я пришел спасти погибшее...

Он смотрел прямо перед Собой и видел в Иерусалиме одну из многих тамошних безрассудных женщин — жену, изменявшую мужу, которую завтра повергнут к Его стопам: в этот самый момент она отдавалась тому, кто не был ее мужем. Они опьянены вожделием, а соседи уже подсматривают за ними. Женщине, совершившей прелюбодеяние, Он также ничего не скажет о геенне.

В Иерусалиме

Иисус тайно вошел в город и остановился у кого-то из своих, возможно, в Вифании у Лазаря. Но некоторых из тех, кто был с Ним, узнавали, потому что Его повсюду искали. Паломники спрашивали друг у друга: «Где Он?», не смея открыто говорить о Нем, — настолько Он был подозреваем, ненавидим и заранее осужден. Исцеление расслабленного во время Его последнего посещения купальни у Овечьих ворот не было забыто. Он явно намекнет на это, когда в разгар праздника осмелится говорить в Храме — Он, нигде не учившийся, выступит как Учитель Израиля!

Нет, Он не книжник, Он даже заявляет, что у Него нет Своего учения. Зачем что-то придумывать? Его учение — это Отец, и Его слава — это слава Отца. И так как слушатели возроптали и зашептались между собой, Он спросил:

— За что ищете убить Меня?

Они вознегодовали: «Не бес ли в Тебе? Кто ищет убить Тебя?» Возмущение галилеян было искренним. Но Его прозорливость привела в трепет первосвященников, помыслы которых были разгаданы, — теперь они не осмеливались схватить Его среди бела дня. У них был такой испуганный вид, что иудеи спрашивали друг у друга: «Не верят ли они, что Он Мессия?» Но нет! Невозможно поверить подобной глупости: этот парень пришел из Назарета, все знают Его отца и мать, город полон Его родственниками, они первые смеются над Ним и пожимают плечами, стоит их спросить о Нем.

Однако Его голос будоражил толпу! Один только голос: чудес Он больше не творил. И тем не менее Он еще никогда так не волновал сердца. Накануне Страстей речь Господа в минуты высшего подъема озаряется пророческим светом.

— Еще недолго быть Мне с вами, и пойду к пославшему Меня. Будете искать Меня и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете прийти.

Они ничего не понимали, но жадно слушали. В последний день праздника особенно жаркие споры разгорелись вокруг слов, смысл которых Иоанн передал так: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой.»

Сегодня мы знаем, что пророчество это исполнилось. Ибо видевшие Христа во дни Его земной жизни не получили столько благодати, сколько мы — свидетели свершившихся обетований. Не только великое множество святых, но самые худшие из христиан, когда они пребывают в состоянии благодати, являются источниками живой воды и мир не ведает, что окружен и омыт этими брызжущими струями.

С какой силой должен Он был говорить об этом, чтобы так потрясти толпу!

— Он точно пророк...

— Это Мессия!

— Нет, Он из Галилеи, а в Писании сказано, что Мессия придет из Вифлеема...

Но удивительней всего свидетельство стражей, посланных первосвященниками схватить Иисуса — они вернулись с пустыми руками.

— Почему вы не привели Его?

Они отвечали:

— Никогда человек не говорил так, как этот Человек.

Разъяренные первосвященники стали допытываться, не соблазнились ли и они? Не смея их наказать, они принялись вразумлять: разве к этому Обманщику примкнул хоть один фарисей или книжник, знающий Закон? Ведь только невежи следуют за Ним, не ведая, что не может Мессия прийти из Галилеи.

Убедили ли они стражей? Фарисеи уверены, что им ничего не стоит опровергнуть эти соблазнительные слова с помощью своих познаний в Писании. Ведь они богословы! Но среди них был один, кто в глубине сердца, подобно этим простым солдатам, тоже думал, что никогда человек не говорил так, как этот Человек. Однако осторожность Никодима почти граничила с трусостью. И все же он некогда провел ночь наедине с Иисусом, и сердце его до сих пор горело; но огонь этот Никодим присыпал золой. А в тот день он собрал все свое мужество и заговорил дрожащим голосом: «Судит ли Закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» Первосвященники дали отпор подозрительному фарисею: «А ты не из Галилеи ли? Рассмотрни и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк!»

И Никодим, понутив голову, побрел домой, стараясь не привлекать к себе внимания и остаться незамеченным.

17. Женщина, взятая в прелюбодеянии

Ту ночь Сын Человеческий провел на горе в Гефсимании или, быть может, спустился в Вифанию. На рассвете Он вернулся в Храм, где уже собирался народ, и вот к Нему приблизилась кучка людей, тащивших плачущую перепуганную женщину. Под покровом ночи она совершала прелюбодеяние, и ее на этом застигли. Кому пришла мысль привести ее к Назарянину? Он был другом мытарей и блудниц, ученики самого Иоанна Крестителя могли это засвидетельствовать. А закон суров к провинившимся невестам (тем более — к замужним женщинам): их следует побивать камнями. Так сказано в Писании. Текст ясен. Книжники окружили Его и с нетерпением спрашивали, будучи уверены, что сейчас-то Он попадет в ловушку: «Что Ты скажешь?»

Очень интересовало их это жалкое создание! Они всем готовы воспользоваться, лишь бы погубить Того, Кого так ненавидят. Невозможно предугадать, как именно станет кощунствовать Самозванец, но в том, что Он непременно совершит богохульство, они были уверены заранее. Пока они толпились вокруг Иисуса, кричали и требовали ответа, жалкая, растрепанная, полуодетая женщина стояла едва живая от страха и не отрывала полных отчаяния глаз от Незнакомца, которому отдали ее на суд священники.

Но Иисус не смотрел на нее. Наклонившись, Он что-то писал пальцем на земле. Блаженный Иероним уверяет, что то были грехи обвинителей, которые Он таким образом подсчитывал. Но чем проще истина, тем она прекрасней. Сын Человеческий не смотрел на нее, зная, что эта несчастная умирала не столько от страха, сколько от стыда — бывают такие мгновения в жизни человека, когда не смотреть на него — самое большое благодеяние.

Вся любовь Христа к грешникам была в этом отведенном взоре. И знаки, которые Он чертил на земле, означали лишь одно — Он не хочет поднимать глаз на несчастную.

Он подождал, пока умолкнут вопли обвинителей, и наконец сказал:

— Кто из вас без греха — первый брось на нее камень.

Наклонился и снова стал писать на земле. «Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди.»

Начиная от старших... На этот раз все они испугались Его дара ясновидения. Враги знали Его способность читать в сердцах. В сознании каждого стали всплывать тайные дела, которые он годами прятал от посторонних глаз, порочные привычки, что-то постыдное... А вдруг этот Назарянин закричит: «Эй ты, вон там! Ты что не уходишь? Что ты делал вчера в такое-то время в таком-то месте?»

Иисус остался наедине с женщиной. В конце концов, судить ее не Его дело. Все обвинители исчезли, и она могла бы, пользуясь этим, бежать и укрыться в безопасном месте. Но она стоит. Стоит та, которая еще этой ночью предавалась преступным наслаждениям. Прежде чем пасть, она много страдала, долго боролась с собой. Но сейчас женщина не думает о своей любви и ни о ком другом — только о Незнакомце, который теперь смотрит на нее, потому что они остались одни и никто не подвергает ее унижениям. И она тоже смотрит на Него, еще охваченная стыдом, — но стыдом уже иным. Она плачет над содеянным грехом. Страсть оставляет ее. Внезапно и в душе ее и в теле воцаряется великий покой. О, кровь усмирить труднее, чем Тивериадское море! Ничто человеческое не было чуждо Назарянину; но Он был Богом и знал то, чего не может знать ни один мужчина: непреодолимую слабость, которая овладевает женщиной в некоторые минуты перед некоторыми людьми, превращая ее в лежачую или ползающую тварь. Из века в век самая поразительная победа Сына Человеческого, и вместе с тем такая обычная и распространенная, что мы перестанем ей удивляться, будет состоять в том, что во множестве святых женщин зов Иисуса заглушит зов крови.

Эту женщину Он уже победил. Он спрашивает: «Женщина, где твои обвинители? Никто не осудил тебя?» Она отвечает: «Никто, Господи». Иисус говорит: «И Я не осуждаю тебя; иди и больше не греши».

Она ушла, но она вернется. Вернее, ей нет нужды возвращаться: отныне они навсегда едины. Так Христос, терпя, казалось бы, поражение, обретает приверженцев среди изгоев. Он собирает тайное сокровище из негодных сердец, из отбросов мира сего. Ему не нужен ореховый прутик водоискателя, чтобы обнаруживать в отверженных под корой убожества источник страдания и любви, над которым Он имеет власть.

Равный отцу

Наступила передышка в беспощадной борьбе, в которую Он оказался вовлеченным и которая будет длиться до третьего часа кануна субботы, когда Его тело, превратившееся в сплошную рану, испустит последний вздох. Уже не заботясь об осторожности, Он в одиночку (ученики остаются немного в стороне) ведет открытую борьбу в том самом городе, где правят Его враги — фарисеи и священники, где уже отданы распоряжения о Его казни и нет больше между Ним и Крестом ничего, кроме дивных слов, приковавших к месту воинов, пришедших схватить Его.

Дело здесь было не в красноречии и не в человеческом таланте, а в том, что Он имел власть, какой до Него не обладал никто, власть касаться самого сокровенного, обращаться

прямо к тайная тайных каждого человека. Четыре огромных подсвечника, зажженные в первый вечер Кущей на женской половине Храма, уже не горели. У сокровищницы Иисус воскликнул: «Я свет миру!», но иудеи смеялись над Ним, ибо Он Сам о себе свидетельствовал, и потому Он бросил им в лицо тайну Своей двуединой природы: «Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего».

Стоит Ему открыть рот, как Он опять совершает страшное преступление — равняет Себя с Богом. Но иудеи, зная, чего им нужно, хотят принудить Его к формальному признанию. Поэтому они спрашивают: «Кто же Ты?»

Теперь, когда Он разоблачен, когда нетерпеливый Бог противостоит своре Своих же созданий, Он без смущения говорит им о страшном троне, которого уже касается бестрепетной рукой: «Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, кто Я». Упрямые ученики воображали иное прославление Учителя, не эту виселицу. Каким окажется то Царство, к которому они стремились? Что их ждет за уже приоткрытыми дверьми? Учитель повторяет: «Истина Моя сделает вас свободными!» Иудеи протестуют: они никогда не были рабами. Но Он заставляет их замолчать, сказав слова, правду которых знает каждый христианин, знает по опыту горькому и сладостному: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободными вы будете».

Наконец раскрыта тайна Его власти над столькими людьми: они могут сомневаться, отрицать, богохульствовать; могут бежать от Него. Но все же знают, что Он один может сделать их свободными. И если они оставляют Его, то затем только, чтобы снова надеть на себя ярмо, чтобы вращать предназначенные им судьбой жернова — и никакая сила в мире их от этого не избавит, кроме Иисуса, которого они распинают и которому поклоняются. В этом, но в самом узком смысле, можно согласиться с Ницше, что христианство есть если не религия рабов, то, по крайней мере, религия освобожденных.

В последние дни Он так открыто проявлял Свою божественность, что те, кто этого не признавал, совершали в Его глазах преступление: «Почему вы не понимаете речи Моей?» — спрашивал с гневом уже раскрывший Себя Сын Человеческий. Он указал им на лжеца, от которого они происходят — на отца лжи, дьявола. Если бы они были не от дьявола, то узнали бы в Нем Христа в эти дни, когда Его божественная природа так явно в Нем проявлялась. И доказательство тому молчание, которым они отвечают на Его вопрос: «Кто из вас обличит Меня в неправде?»

Да, ответить нечего. Но словно дети, которые отвечают бранью на брань: «Я не дурак, это ты дурак», они возражали: «Это в Тебе бес!»

В гуще бранящейся толпы многие колеблющиеся пока сердца уже трепетали от любви и предчувствия, что им вот-вот откроется истина. Господь чувствовал, как борются они сами с собой, и вдруг, пренебрегая оскорблениями, бросил на чашу весов удивительнейшее обещание, которое должно было окончательно завоевать Его возлюбленных:

— Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек.

Единым словом Он снова переступает рубеж смертной природы. И вот Сын, как бы сбросивший Свое человечество, обнаженный так, как не будет обнажено тело Его на Кресте, беззастенчиво открывает толпе Свою Божественность:

— Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел, и возрадовался!

Иудеи говорят Ему: «Тебе нет еще пятидесяти лет — и Ты видел Авраама?» Иисус отвечает им: «Истинно, истинно говорю вам: прежде, нежели был Авраам, Я есть». Тогда они схватили камни, чтобы бросить в Него, но Иисус скрылся и вышел из Храма.

Они не погнались за Ним: право судить и наказывать принадлежало римлянам. К тому же Назарянин не сказал прямо: «Я Сын Божий». Первосвященникам нужно обличить Его именно в этом гнусном богохульстве, чтобы сделать законной смертную казнь. Поэтому они колебались.

Но казалось, будто Сыну Человеческому нужна была их ярость. Он поддерживал ее, как бы боясь, что огонь угаснет. Поэтому не случайно избирает Он субботный день, чтобы исцелить слепорожденного.

18. Слепорожденный

Иудеи спрашивали друг друга, узнавая на улице человека, идущего без провожатого:

«Не тот ли это, кто сидел и просил милостыню?» Но нищий сам рассказывал, что с ним произошло: «Человек по имени Иисус сделал брение, помазал глаза мои и сказал: „Пойди на купальню Силоам и умойся“. Фарисеям он повторил то же самое: „Брение положил Он... и я умылся...“ Некоторых взволновало это чудо, хотя и был совершен грех против субботы. Один из них спросил исцеленного: „Ты что скажешь о Нем?“ И нищий простосердечно сказал: „Это пророк“».

Что же, теперь прозревший развонит о случившемся всему городу? Священники велют привести его родителей, но те напуганы и избегают прямого ответа: «Мы знаем, что это наш сын и что родился он слепым; а как теперь видит, — не знаем, или кто отверз ему глаза — мы не знаем. Сам в совершенных летах — его и спросите». И вот он перед священниками — наивная простота сквозит в его ответах; он ведет себя перед этими лисицами, как всякий слабый человек, когда ему помогает Святой Дух.

— Воздай славу Богу, а тот человек, мы знаем, — грешник.

Он отвечает им:

— Грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу.

Его вновь спрашивают:

— Что Он сделал с тобою? Как отверз твои очи?

— Я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? Или и вы хотите сделаться Его учениками?

С того времени, как Сын Человеческий ненадолго остался наедине с женщиной, взятой в прелюбодеянии, у Него не было никакой передышки в той смертельной борьбе, которую Он вел. Но вот опять рядом бедное простое сердце, у которого можно отдохнуть, как у края колодца на трудном пути в гору. Нет, Он не нуждается ни в ком. Но Он есть Любовь. Нищего прогнали, и ему из предосторожности пришлось покинуть город. На дороге он вдруг увидел Человека. Исцеленный не знал, что ему предстоит еще раз прозреть, что есть иной свет, помимо солнечного. Все дело в том, что у него было чистое сердце. Перед исцелением Господь предупредил учеников, что Он был слеп не от того, что согрешил или согрешили его родители, а чтобы явилась на нем слава Божия. На дороге не было никого, и Иисус спросил его:

— Ты веруешь ли в Сына Божия?

И человек отвечал:

— А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?

Как он ни прост, но он уже угадал. Душа его горела, колени сгибались, руки сами складывались в жест благоговения.

— Он говорит с тобою.

— Верую, Господи!

И упав на колени, поклонился Ему. Всего лишь несколько мгновений... Но их достаточно, чтобы живая Любовь перевела дух.

Добрый пастырь

Так собиралось вокруг Него малое стадо. Овцы эти ничего собой не представляли. Человек из Кариота осуждал Его за это: к чему приобретать никчемных людишек? Среди всех Его учеников не найдется и десятка влиятельных людей. Весь этот сброд при первой же опасности разбежится.

Но Иисус называл их: «Мои овцы...», «Мое стадо...» Они знали Его голос, и Он знал имя каждого, и не только имя, но и тревоги, беды, угрызения совести, все горести живого сердца, над которым Он склоняется, словно оно имеет значение для вечности. Да и в самом деле речь идет о вечности, ибо и малейший из нас любим особой любовью.

Иисус — Пастырь, но Он также и Дверь в овчий двор. И входят в этот двор только через Него. Сын Человеческий учит отвергающий Его мир: «Не можете обойтись без Меня. Истины не найдете без Меня. Будете искать ее, презирая нашедших, и к этим поискам сведется вся ваша человеческая мудрость, потому что не захотите войти через Дверь».

Теперь в каждой беседе Иисус так или иначе намекает на Свою смерть: «Пастырь добрый полагает жизнь Свою за овец...» Единым словом раздвигает Он горы Иудеи и открывает необозримые горизонты: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора.»

Овечьи дворы есть всюду, где живут люди: это огражденные участки, изолированные от бурлящей толпы, отдельные островки среди враждебного мира.

19. Милосердный самарянин

Господь отошел на некоторое расстояние от Иерусалима, но не выходил за пределы Иудеи. Сейчас нельзя было далеко уходить от этого города, но не следовало и торопить время страданий. Настали последние дни беспечности и мира, когда Он раскрывает Свое сердце и рассказывает притчи, которыми до сих пор живет человечество.

Один книжник спросил: «Кто мой ближний?» — и в ответ Иисус придумывает историю о человеке, на которого по дороге из Иерусалима в Иерихон напали разбойники — эту дорогу арабы называют «Красный Подъем» из-за цвета тамошней почвы. Но выдумана ли эта история? Дорога действительно опасна. Кажется, будто Учитель присутствует там, на месте событий, Он не выдумывает их, а видит совершающееся сейчас, в момент рассказа, как видит все, и, возможно, все это происходит лишь в нескольких стадиях от того места, где Его окружила взволнованная кучка слушателей и чистосердечный книжник всем сердцем внимает каждому Его слову. Избитый и израненный человек лежит на краю дороги. Проходит священник, потом левит, но они даже не поворачивают головы в его сторону. Но

вот идет презираемый священниками самарянин. Он перевязывает путнику раны, промыв их сначала вином и смазав маслом, сажает на осла, привозит вечером в гостиницу, оставляет для него те немногие деньги, что у него были с собой, и обещает доплатить остальное на обратном пути. Он задерживается в дороге, он лишает себя всех своих наличных денег.

Вифания

Как умиротворен и спокоен Сын Человеческий в эти дни Своей жизни! В начале дороги, ведущей в Иерихон, в селении Вифания был у Него дом, очаг, друзья: Мария, Марфа и брат их Лазарь. Иисус позволяет Себе небольшую передышку; это не значит, что Он нуждается в поддержке; просто Он принимает даруемые — Ему отдых и любовь. Он набирается сил перед лицом грядущих событий. Ложе, скромный стол, друзья, которые знают, что Он Бог, и любят Его как человека... Он с одинаковой нежностью относится к Марии и Марфе, хотя они очень разные. Марфа хлопочет об угощении, Мария же, сидя у Его ног, слушает Его слова, и старшая сестра сердится, оттого что вся работа ложится на ее плечи. А Господь говорит:

— Марфа, Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется у нее.

Некоторые трактуют эти слова неправильно: «Не утруждай себя, хватит одного блюда». Но те, кто любит Иисуса, придают такое значение каждому Его слову, что на этих Его словах основано целое учение Церкви о созерцании и действии. Очевидно, лучшую часть избирает тот, кто любит и любим и внимает Возлюбленному Богу, сидя у Его ног. Но сладостно также и служить Ему в лице Его бедных, никогда не теряя чувства Его присутствия. О милая восхитительная хитрость — умение стольких душ быть одновременно и Марфой и Марией!

Иисусу вовсе не нужно было быть человеком, чтобы любить Марфу, Марию и Лазаря. Но Ему нужно было стать человеком, чтобы полюбить их смертными, привязаться к тому, что было в них тленного.

Все еще стояла осень. Покидая Вифанию, Он, должно быть, содрогался при мысли о том, что вскоре произойдет в этом доме: последний вздох Лазаря, о котором нам ничего не известно, встреча со смертью, борьба с ней Иисуса и, наконец, победа... Несомненно, Он уже мысленно предвидел эту победу и был преисполнен любви к Отцу, когда по дороге ученики неожиданно попросили: «Научи нас молиться». Он поднял глаза к небу и начал:

— Отче наш...

Отче наш

Простые слова, изменившие мир, были произнесены вполголоса среди небольшой горстки людей Человеком, который недавно вышел из дома Своих друзей и находился на окраине деревни. А слова эти говорили о том, что Бог — наш Отец, что Он Отец наш небесный, что Он существует, — но миру понадобится время, чтобы это понять. Иудеи, несомненно, знали Его. Но они верили в Отца грозного и жестокого в Своей мстительности. Они плохо Его знали, они не ведали, кто Он. Иисус учит, как говорить с Отцом, как можно получить от Него все, как не нужно бояться быть настойчивым и докучливым — именно этого Он и ждет от нас: детской непосредственности и слепого доверия маленьких детей к своему отцу. Он Отец наш, Царство Его еще не пришло, воля Его сталкивается с волей Его созданий, способных избирать зло, предпочитать его добру. «Да будет воля твоя...» на земле, с этой минуты. Царство Правды должно прийти сейчас! Пусть Он даст нам хлеб наш, пусть Он простит наши грехи и избавит нас от лукавого, того самого, в сообществе с которым обвиняют Иисуса Его враги.

А враги уже настигали Его. Он недалеко ушел от Иерусалима и по едва заметному изменению в настроении Своих слушателей почувствовал, что в них проникла фарисейская закваска. В тот день, когда Он исцелил немого бесноватого, прошел слух: «Силою Веельзевула изгоняет Он бесов». Вот и вчера в Иерусалиме Его обвинили в том, что Он служит нечистой силе, дьяволу — тому самому, кого Он видел падающим с неба, словно молнию.

Грех против Духа Святого

Обвинение это повторяется снова и снова, однообразно набегают друг за другом волны богохульства, против которого Он, Бог, бессилён (какая загадка!) и никак не может одержать верх. Однако это вопрос всего лишь месяцев, недель и дней; ставки будут сделаны, и дело решится. Или проигрыш, или выигрыш. Нет, игра не может быть проиграна; она будет проиграна лишь в той мере, в какой свободные создания будут считать бесконечную Любовь потерпевшей поражение. Знал ли Он об этом поражении? Да, Он знал, что оно быстро приближается из-за этих упрямых священников, тупых книжников с их шорами на глазах, уздой буквальных предписаний и бубенцами буквы и Закона! И они путают Агнца Божия с Веельзевулом, чье имя означает «мушиный бог» или «навозный бог»!

Сын Человеческий пытается сдержаться, но тут затронута тайна Его существа. Сначала Он отвечает без гнева: «Как может сатана изгонять сатану? Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет».

Против Его воли голос срывается, дрожат губы. Где он сейчас, мир Вифании, запах еды, вечер и Марфа, снующая по кухне? Где воздетые вверх глаза и благоговейно сложенные руки Марии? Ярость и боль внезапно вырываются наружу: те, кто смешал Его с Веельзевулом, — совершили самое тяжкое преступление.

— Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили. Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению.

В «грехе против Духа Святого» нет никакой тайны. Евангелист Марк пишет ясно: «Сие сказал Он потому, что говорили: „В Нем нечистый дух“». Все перевернуто в сознании того, кто утверждает, что зло есть добро. Это непростительное преступление совершает человек, просвещенный светом веры, знающий, что Зло — это Некто и Добро — это тоже Некто, и все же находящий удовольствие в двусмысленном святотатстве: в своей собственной жизни он приписывает Христу роль дьявола, гонит Его как искушение, а поклоняется Нечистому, сознательно открывая ему сердце и позволяя ему наполнять его жизнь наслаждениями.

Итак, существует извечный грех. Мысль Христа устремляется к тому, с кем Его сравнивают. Возможно, оскорбленный Бог казался более страшным, когда становился бесстрастен. «Несчастные, — думал Он, — как легко говорят они о Веельзевуле, называют его „навозным богом“... Если бы они его знали, они бы так не улыбались». Внезапно из уст Его вырываются слова, которых осторожные толкователи едва касаются, хотя сказаны они были для того, чтобы самые близкие друзья Его цепенели от ужаса, да, прежде всего, друзья. «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: „Возвращусь в дом мой, откуда я вышел“. И придя, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого».

Хорошо вновь стать чистым, вычистить конюшню вплоть до последних нечистот и убрать ее, как для свадебного пира. Но гнусное стадо, которое прогнал очистившийся, однажды вечером вновь возвращается, сопя за дверьми; и мы слышим фырканье всех этих рыл...

Женщины слушали Его, ничего не понимая, — как это бывает и сейчас, — не отрывая глаз от Его губ, зачарованные Его голосом. Одна из них прервала Его восклицанием: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» Возможно, это была назарянка, и ей хотелось доставить удовольствие Марии, затерявшейся вместе с нею в толпе. Но сейчас не время для умиления, и Христос сурово отвечает:

— Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его.

Слушать эти слова — ничто, принимать их с любовью — ничто, соблюдать их — все. Соблюдать и хранить от нечистого духа, кишашего со своей ратью повсюду. Среди уверовавших в Христа некоторые испытывают к своим прощенным грехам ужас и отвращение; они исцеляются от них, как прокаженный от язв. В иных же как бы остается открытая брешь: любовь Христа точно отступает перед некоторыми ранами, которые зарубцовываются лишь наполовину и потом вновь открываются, давая о себе знать.

Никто больше не осмеливается поднять голос. Но Христос ощущает тайные мысли иудеев как пощечины, хлещущие Его по лицу. Сын Человеческий, наконец, восклицает: «Род сей лукав; он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка». Это означает, что Он три дня пробудет в земле и воскреснет. Слушатели ничего не понимают. Но Он так и хочет, пусть будет им непонятно — род сей будет осужден в день Суда. Царица Савская восстанет против них вместе с покаявшимися ниневитянами.

Один медоточивый фарисей прервал Его: сейчас время обедать, не хотел бы Он зайти в его дом и поесть? Иисус подавил Свой гнев и, не удостоив его ответом, последовал за ним и возлег, не подумав даже умыть руки, как предписывал обряд. Фарисей удивился, но сдержался и ничего не сказал этому рассерженному Человеку. Он забыл о способности Назарянина читать в сердцах. Достаточно было безмолвного удивления хозяина, чтобы Сын Человеческий вновь разгневался; и настолько сильно было Его негодование, что Он, находясь в гостях, отбросил всякие приличия. На этот раз Он договаривает до конца: упрек переходит в обличение, обличение в оскорбление, оскорбление в проклятие. Сын Человеческий еще и сын Своего народа, жестикулирующий и пылкий иудей, и Он кричит: «Горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей и не радеете о суде и любви Божией: сие надлежало делать и того не оставлять. Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того!» Возмущению Его нет предела. Один из учителей Закона считает нужным образумить Его: «Учитель, говоря это, Ты и нас обижаешь...» Сын Человеческий оборачивается к новому противнику, ненавистному Ему еще более, нежели фарисей. Ведь учителя только отравляют учеников, и этот тщедушный учитель Израиля так ненавистен Иисусу, потому что представляет ту породу людей, которая окажется сильнее Его любви. Тот, для кого не существует время, знал, как бессилен Он будет перед ними на протяжении стольких веков, и потому сама Любовь, загоревшись гневом, осыпает их проклятиями: «И вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом не дотрагиваетесь до них! Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избил отцы ваши... Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали!»

Нужно понять горе Иисуса — Человека и Бога: Он ежеминутно мысленно ведет счет миллионам душ, удаляющимся от источника живой воды. И Крест уже вырисовывается на горизонте, Христос совсем близок к нему и уже чувствует во рту привкус крови, а потому ничего не видит, кроме этой виселицы, — а вокруг нее все кресты, все костры и все кровавые орудия человеческой жестокости.

Иисус ободряет своих

С полным самообладанием, спокойно входит Он в молчание смерти, потому что даже эти вспышки гнева определены и отмерены Отцом. Множество людей последовало за Ним, «так что теснили друг друга», — сообщает евангелист Лука. Потому что Он говорил как власть имеющий, и все то, о чем тайно мечтали эти бедняки, Он возвещал, рискуя жизнью, во всеуслышание. Они следовали за Ним в страхе. Они боялись властителей, с которыми так дерзко вел Себя Сын Человеческий — ведь их месть была бы беспощадной. Даже они, такие смиренные, чувствовали себя в опасности. Недаром Иисус считал законников убийцами... Они действительно не останавливаются ни перед каким убийством.

Тогда голосом, охрипшим от обличений, Он пришел ободрить Своих малых детей, собравшихся под Его крылом: «Говорю же вам, друзьям Моим...» От этих слов, должно быть, вспыхнули их сердца. Он говорил, что не нужно бояться убивающих тело. Когда же их будут допрашивать в синагогах, пусть не заботятся о том, что говорить, пусть не страшатся ни начальства, ни властей... Сейчас Он совсем не похож на того Учителя, который только что ужасал громовым голосом, и потому один из слушателей осмеливается прервать Его и попросить: «Учитель, скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство...» Иисус без гнева отвечает, что не Его дело делить их.

Он хочет одновременно и ободрить и утратить: внушить им чувство неуспокоенности, чтобы были у них чресла перепоясаны и светильники зажжены, потому что Жених может появиться внезапно, в любую минуту. И Он внушает им это с такой настойчивостью, что становится понятной вера этих простых людей в скорое Его возвращение после Страстей Господних. Однако Он говорит прежде всего о Своем внезапном приходе в жизнь каждого из нас в отдельности. Сын Человеческий придет в час, о котором мы не помышляем. Важно приучить нас к неуспокоенности и бодрствованию.

Нетерпение и скорбь

Наставления Господа прерываются вздохами нетерпения и скорби. Он приближается к Голгофе, а мир нимало не изменился. Когда же загорятся эти сердца? «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он возгорелся!» С самого начала Он глубоко осознает Свое предназначение, и сейчас это знание прорывается в Его словах. Но в то же время Он не может не видеть противоречия: Ему надо воспламенить целый мир, а до казни, которой подвергают рабов, осталось всего два месяца! И, конечно, немало подается знамений в том уголке мира, где Бог терпит поражение. Но эти глупцы ничего не замечают: «Когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: „дождь будет“, и бывает так. И когда дует южный ветер, говорите: „зной будет“, и бывает. Лицемеры! Лицо земли и неба распознать умеете, как же времени сего не узнаете?»

Краткое пребывание в Иерусалиме

В то время Он один, или почти один, пришел ненадолго в Иерусалим на праздник Обновления Храма, который отмечали в середине зимы. Восемь дней вокруг святилища горели праздничные огни и собирались торжествующие толпы народа. Иисус держался в стороне, в притворе Соломона, а иудеи, по вечной своей привычке, вновь приставали к Нему, чтобы Он открыл Себя: «Долго ли Тебе держать нас в неведении? Если Ты Мессия, скажи нам прямо». Но Он с мудростью змеи ускользает от прямого ответа: мол, дела Его свидетельствуют о Нем. Они не верят Ему, ибо они не из Его стада — Он отстраняет их от Себя и вслух скорбит об этом упрямом племени... И вдруг бросает им признание: «Я и Отец — одно»... Это превышало все сказанное доселе, хотя и не было тем явным признанием, которое слышали женщина из Сихари и слепорожденный. Ошеломленные иудеи хватают камни, но в их руках еще нет уверенности. Чтобы прибавить себе храбрости, они формулируют обвинение: «Ты, будучи человек, — делаешь Себя Богом...» А Он провоцирует их и смеется над ними, обыгрывая слова из Закона, где написано: «вы боги».

Затем следует еще один вызов: «Чтобы вы знали, что Отец во Мне и Я в Нем...» Камни полетели со всех сторон. Свора ринулась на Него, но Он уже исчез.

20. Христос скорбит о Иерусалиме

Ночью Он покинул город и укрылся за Иорданом, где Его ждали Двенадцать, в местности, называемой Переей, к северу от Мертвого моря.

Немногие недели отделяют Его от мученической смерти. Отсюда лишь несколько стадий до Иерусалима, где принимаются последние меры против Него и враг уже наготове. Победитель, прячущийся за видимым поражением, устал. Он все так же вызывает смущение и гнев фарисеев, изгоняя бесов в субботу (и еще эта женщина, согбенная восемнадцать лет!). Город, вокруг которого Он блуждает, вызывает в Нем чувства, ничем не похожие на те проклятия, под которыми уже распадаются камни Капернаума и основания Вифсаиды и Хоразина. В Иерусалиме, городе Его царства, в том самом месте, где земля будет пить Его кровь после того, как отопьют ее друзья в ночь любви и тревоги, Он силился проникнуть в самый твердый из всех камней Сиона, ледяное сердце Своего народа: «Иерусалим! Иерусалим!»

Если Он в эти два-три года и предавал анафеме иудеев, то все проклятия перекрыл душераздирающий стон, который, пройдя через века, не перестанет до скончания времен преследовать древний Израиль: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»

Так, стеная, кружит Христос в ожидании Своего часа вокруг Своего гроба. И в то же время Он укрепляет уstraшенные Им сердца. Многие, кому Он простил грехи, следовали за Ним — но наверняка Он смутил их словами о малом числе избранных: «Много званых, но мало избранных». Что ж, из трусости мы охотно принимаем разные утешительные толкования этих слов... А бедные люди, поверившие, что будут спасены, стали вдруг спрашивать друг у друга: действительно ли они одеты в брачные одежды и не будут ли изгнаны во тьму внешнюю? Избавленные от одного беса трепетали в ожидании «семи злейших», которыми грозил Учитель.

Предпочтение грешников

Сейчас Живая Любовь ободрит их, потому что недолго осталось Иисусу быть с ними. Он хочет, чтобы Его верные были исполнены и страха и безграничного доверия к Нему, чтобы они всем сердцем положились на Него и в то же время трепетали: «Я стремлюсь и трепещу». Вот чего ждет от нас Сын Человеческий: не доверять собственным силам, а, закрыв глаза, броситься в объятия безбрежного милосердия.

И что же? Так ли уж Он их уstraшил? Пусть знают они то, что Он уже дал им смутно почувствовать: Он не только любит грешника, но и предпочитает его. Ради него, погибшего, Слово стало плотью. Все Его разговоры в последние недели жизни выдают то предпочтение, которое оказывается простым сердцам, способным на крайности. Иисус, столь суровый к книжникам и фарисеям, чувствует Себя легко среди малых сих. Не из смирения или жертвенности остается Он с ними. Он предпочитает их другим, или, вернее, Он ненавидит мир и отдает Себя тем, кто не от мира сего. Ирод, прозванный Иисусом «лисицей», — единственное существо, о котором Он говорит с презрением. Он мог бы играючи разбить ученых мужей на их собственной территории, но Он ничуть не заботится о том, чтобы заставить замолчать глупых спорщиков! Истинная радость для Него в том, чтобы открывать Себя этим беднякам, изнемогающим под бременем привычных грехов, и разверзать у них под ногами бездны прощения и милосердия.

Иисус сравнивает Себя с пастухом, который оставляет девяносто девять овец, бежит за одной заблудившейся и приносит ее на руках. Слушая Его, каждый, должно быть, думал: «Он говорит это обо мне...», ибо кто из них не отягощал всей своей тяжестью эти священные плечи? Он подбирал их, грязных с головы до ног, и прижимал к груди. «На небесах больше радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках».

Блудный сын

Да, это так, пусть они знают, что любовь несправедлива: то, что мир называет справедливостью, превышает, затопляется горячей любовью Бога, которую не отталкивает никакая наша самая низменная страсть. Однажды Он стал рассказывать им притчу о блудном сыне... Притчу ли? Нет, подлинную историю — историю всех возвращений к Богу после безумств, через которые многие проходят в молодости.

Сын потребовал у отца свою долю наследства и предался распутству. Но Он предавался своим страстям безрассудно, пренебрегая расчетливостью и хитростями, которые обеспечивают безнаказанность стольким преступникам. Безумства довели свинопаса до полной нищеты. Ему пришлось отбирать свою еду у свиней. И тогда он вспомнил об отчем доме... Как хорошо думать, что Иисус рядом с нами! Почувствовать себя богатым юношей, выросшим в роскоши удобного большого дома, полного кладовых и слуг! Он знал запах нашего кухонного сала, аромат мяса, поджаренного на огне из виноградных лоз, сердечную почтительность старых слуг, родившихся в поместье.

Сперва именно это влечет блудного сына, как и всех блудных детей. Но это еще не любовь. Однако его принимают с необычайной радостью, закалывают тучного теленка, дарят перстень и одежду... А старшему сыну, который был всегда верен, достаются лишь упреки за ревность. Несправедливость милосердия! Тот, кто рисковал, играл и проиграл, предает себя Отцу, потому что ничего более не имеет, и нередко оказывается выше исправных богомольцев, следующих всем правилам благочестия и тщательно следящих, чтобы и тень упрека не упала ни на одну ступеньку той лестницы совершенства, которую они строят день за днем. Старший сын и не подозревает о радости, которую Отец и Бог испытывает, когда Его жалкое, но вновь обретенное чадо вздыхает: «Отче! Я согрешил против неба и перед Тобою и уже недостойн называться сыном Твоим...» Господь особенно ценит самоуничтожение человека, который, испробовав все пути и дойдя до крайней степени страдания, возвращается с сознанием своего ничтожества, в прямом смысле слова уничтоженный, и отдается на Его милость с тем же чувством, с каким по закону человеческого правосудия он отдался бы в руки палача.

Маммона

Но все обретенные радости — духовного плана; изобилие отчего дома, его роскошь касаются лишь души. У Господа есть враг: деньги, которые Он называет по имени бога богатства Маммоной. Нужно сделать выбор: либо деньги, либо Он. Ему отвратительна сама мысль о том, что книжники собирают себе богатство, считая его знаком Божьего благоволения, наградой за праведность. Злой богач, одетый в виссон и порфиру, который не заботится даже о том, чтобы накормить крохами со своего стола нищего Лазаря, сидящего на земле у его ворот, попадет в геенну; человека, который всю жизнь пил допьяна, будет мучить вечная жажда. Какое Ему дело до дележа состояний! Богатые или бедные — друзья Его должны презирать Маммону.

— Он узнает их по этому признаку. Бедные, жаждущие денег и потому живущие завистью, так же принадлежат Маммоне, как и богатые. Иисус ненавидит деньги как оружие, которым пользуется враг для обольщения Его возлюбленных. Такова слабость Христа перед сатаной: Он царствует лишь над нищими духом, а скупцы ускользают от Него. Маммона делает из Христа вечного скитальца, всюду натякающегося на занятые места.

Иуде ненавистна эта ненависть Христа к деньгам, ведь сам он вознаграждал себя из общего кошелька. Остальные же думали про себя: «Мы оставили все, чтобы следовать за Ним...» Но Сыну Человеческому не нравится их скрытое самодовольство: ведь раб не гордится тем, что по возвращении с работы обязан еще услуживать хозяину. Пусть и они, даже и все отдав, считают себя никуда не годными рабами.

Десять прокаженных

То покидая город, то вновь в него возвращаясь в ожидании Своего часа, Сын Человеческий неустанно повторяет одни и те же наставления. Он сеет и будет сеять до последнего дня, но пока еще ничего не прорастает. Вот десять прокаженных у входа в селение, расположенное на границе с Самарией. Они обращаются к Нему с мольбой и называют наставником, будто Он учитель Закона! Все они исцеляются, но, когда отправляются свидетельствовать об этом священникам, лишь один возвращается назад, чтобы с благодарностью пасть к ногам Христа — и притом это единственный среди них самарянин. Сын Человеческий хорошо узнал теперь людей. Конечно, Он знал их от века, но сейчас Он узнавал их как Человек и ежедневно получал все новые горькие, удручающие уроки. Ничто больше не может ни рассердить, ни поразить Его. Без удивления говорит Он, вздыхая: «Не десять ли очистились? Где же девять? Как они не возвратились, кроме сего иноплеменника?»

Царство внутри нас

Нет, Он не будет больше сердиться. Фарисеи, которые повсюду таскаются за Ним, как мухи за быком, напрасно пристают к Нему — отныне Он страдает молча. Иисус не устает повторять, что Царство Божие не будет похоже на блистательный триумф, который они ждут, на который так надеются Его ближайшие друзья.

Царство это уже пришло. Оно внутри нас: оно в обновлении человеческой личности, в возрождении каждого человеческого существа. Царство Божие — это новый человек.

Конечно, настанет и Его день. Да, да, успокойтесь те, кто хочет зрелища, блеска, славы, — все это вы получите, бедные дети! Здесь Господь замолкает, желая использовать эту возможность и подготовить их к скорому наступлению власти тьмы. Он говорит им: «Но Сыну Человеческому прежде надлежит много пострадать и быть отвержену родом сим...»

Возвращение Иисуса

Не задерживаясь на сказанном, Он сразу же, чтобы пресечь не в меру подробные расспросы, поспешно возвращается к тому, что волнует этих иудеев, и начинает говорить им о Своем дне, о втором пришествии: оно случится столь же внезапно, как Всемирный потоп или истребление Содома огнем. Это пророчество то выходит на первый план, то отступает в глубину в некоторые моменты истории; в каждой катастрофе оно отчасти исполняется и так до дня его окончательного свершения.

Любовь несправедлива; в тот день из двух женщин, занятых одинаковым делом, одна будет взята и спасена, а другая оставлена. Слушатели же, подобно детям, которым нравится замирать от страха, выпрашивают мельчайшие подробности: «Где это будет, Господи? В каком месте?» Он говорит им: «Где труп, там соберутся и орлы». Подобно тому как алчные птицы мгновенно слетаются к мертвому телу, так отовсюду устремятся избранные души к Агнцу — закланному и живому.

Они селятся понять и молчат, охваченные страхом. Тогда Иисус открывает им двери спасения: молитву. Что бы ни случилось, молитесь — в положенное время и в неположенное, и днем и ночью. Таково таинственное требование Бога: молитва не должна прекращаться... Но вот смолкает и Он, внезапно охваченный тревогой и ужасом перед тем, что видит. Или, может быть, перед тем, что рисуется Его воображению. В ту минуту

смертная плоть сокрыла от взгляда Бога ход грядущих событий — Сын Отца, заброшенный из вечности во время, Он Сам Себе задает мучительный вопрос: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»

Предположение, от которого мешаются мысли... Однако каждое слово Господа имеет абсолютное значение. Значит, Он представляет Свое возвращение в мир, где, возможно, не сохранится ни грана веры и Иисус Христос будет еще менее известен, чем в империи Августа, когда Он младенцем лежал в яслях Вифлеема, и имя Его не вызовет никаких воспоминаний в сердцах людей. Достаточно жизни одного поколения, чтобы Христос, вернувшись в мир, как вор, услышал бы повсюду: «Нет, мы не знаем этого Человека...»

21. Брак

Все больше фарисеев теснилось вокруг Иисуса по мере Его приближения к их логову — Иерусалиму. Одержимые навязчивой идеей столкнуть Назарянина с Законом и уличить Его в богохульстве, они вынуждают Его высказаться о нерасторжимости союза между мужчиной и женщиной — нерасторжимости в любом случае и при любых обстоятельствах... Вопреки Моисею? Да, вопреки Моисею: «Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами». Значит, можно что-то принимать, а что-то отвергать в Законе? Иисус это смело утверждает. Он требует от мира нерасторжимости брака, повсеместно нарушаемой. Отныне всякое поколение станет поколением прелюбодейным. Апостолы бормочут: «Тогда лучше не жениться!» Жестокий закон. Но Иисус знает, что Он пришел открыть дверь, проложить путь, ведущий к Нему. Он знает, чего требует от самых близких друзей — не умерщвления плоти, а жизни, независимой от прихотей крови, отделяющих творение от бесконечной Чистоты. Сын Человеческий не разрешил всех мучительных проблем во взаимоотношениях полов. Он не разрешает их и для тех, кто хочет примкнуть к Нему — Он их просто упраздняет. Пусть Его друзья обременены той или иной наследственностью, наделены от рождения каждый своей предрасположенностью, склонностью — Он с этим не считается. Он требует от друзей предельной чистоты, отказа от утолнения всякого вожделения вне брака. Соблазн из соблазнов в глазах язычников, преступление против природы, умаление человека... Но Иисусу дела нет до мнения мира: «Не за всех молюсь...» (последние безжалостные слова, произнесенные Им!). Сын Человеческий знает, что путь к Нему требует от нас чистоты, а плоть таит в себе жажду наслаждений, требует их все больше по мере утолнения и рождает иллюзию нескончаемых удовольствий — знает, наконец, что плоть является Его соперницей. И потому Он так гневается на апостолов, когда они прогоняют вертящихся вокруг Него детей: в них, по крайней мере, вожделение еще не проснулось.

Невероятное требование! Нужно уподобиться детям, чтобы войти в Царство Божие, вновь стать ребенком, быть как малое дитя. «Кто не примет Царства Божия, как дитя, — не войдет в него».

Богатый юноша

Не только дети заставляют сильнее биться Его сердце. Один юноша со смелостью, свойственной молодости, перебивает Его:

— Учитель, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Иисус, не обратив сначала внимания, кто с Ним говорит, отвечает:

— Знаешь заповеди? — и перечисляет их. Тогда юноша говорит:

— Учитель, все это я сохранил от юности моей...

Слова эти, сказанные так просто и смиренно, тронули Христа. Только тогда Он поднял глаза на говорящего: «Иисус, взглянув на него, полюбил его». Полюбил после того, как взглянул на него... Обаяние юности, свет сердца, льющийся из глаз, выражение лица — тронули Сына Человеческого. Да, Он полюбил его, но говорит Он как Бог, которому все подвластно, без вступлений и объяснений, почти резко:

— Одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим — и будешь иметь сокровище на небесах. И приходи, следуй за Мною.

Если бы Иисус не полюбил юношу особой любовью, Он, несомненно, дал бы ему силы оставить все, как это сделали другие. Он покорила бы его всемогущей благодатью. Но любовь не хочет ничего получать от того, кого она любит, без его доброго согласия. Не слишком ли Он полюбил этого незнакомца, чтобы похитить его силой? Быть может, Сын Человеческий ждал от него внезапного движения души, сердечного порыва? «Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат».

Юноша затерялся в толпе, а Иисус провожал его взглядом за пределы пространства, в глубину времен — от страдания к страданию, ибо те, кого позвал Христос, но кто отвернулся, падают, поднимаются, снова тащатся, их глаза полны небесного света, одежды испачканы, а руки изодраны в кровь.

Боль, Им испытываемая, сказывается в чрезмерности проклятий, которые Он тут же обрушивает на богатых: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие...»

Он говорит это, не отрывая глаз от уходящего в печали юноши. Маммона уводит душу, которую Он полюбил, но другим непонятна Его горечь. «Кто же может спастись?» — вздыхают они.

Итак, кто же может спастись? Эта мысль мучает даже святых. Грусть, охватившая друзей, смягчает Иисуса. Сын Человеческий — Творец жизни, и одним словом Он упразднит все, что только что сказал; возможно, Он в мыслях видит то мгновение, когда уходящий сейчас юноша возвратится к Нему навсегда по доброй воле силою благодати. «Что невозможно людям, то возможно Богу». Даже спасти столько богатых, сколько Ему заблагорассудится. Вернуть самых падших, взять их силой, принять еще оскверненную душу из уст умирающего. Все возможно Богу, это истинно в буквальном смысле, как и все другие слова Господа. Все возможно Ему! Он уже сказал: «Я всех привлек к Себе». О дивное тайное лукавство безграничного милосердия, не поддающегося контролю! Все возможно Богу.

Суровость Христа ужасает апостолов, но Его милосердие вызывает ревность. Как же так? Значит, весь мир будет спасен? А мы что же? Петр бормочет:

— Вот, мы оставили все и последовали за Тобой...

Живая Любовь смотрит на учеников и за ними видит бесчисленное множество освященных и из века в век распинаемых душ.

— Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия — и не получил бы ныне, во время это среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов и матерей, и детей и земель, а в веке грядущем — жизнь вечную.

Работники последнего часа

Они слушают Иисуса с самодовольством, которое Его сердит. Не думают ли они, что им что-то причитается? Творец жизни ничего не должен Своему созданию. Нет никаких формальных прав там, где царствует любовь. Как объяснить им это? Притчу они воспримут лучше, нежели прямое наставление. Итак, Иисус начинает: «Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в свой виноградник...»

К чему было рассказывать притчу о работниках последнего часа, раз она до сих пор служит для людей соблазном? Плата одна — и тем, кто трудится не покладая рук от зари, и тем, кого Он нанял в середине, а также и в конце дня. Будем ли мы искать этому объяснение? Бог не обязан давать нам отчет. Он ничего не отнимает у тех, кто весь день трудился на жаре, но щедро одаривает и пришедших последними, потому что судит по их любви. Но если б и не было в них вовсе никакой любви, то раз Он их любит, их предпочитает, раз они соответствуют таинственному представлению Христа о человеческой привлекательности — что можем мы на это сказать? Он по-царски одарит их недостающей им любовью. А мы сами, созданные по подобию Божию, — управляли ли мы когда-нибудь движениями своего сердца?

22. Воскрешение Лазаря

Двенадцать наблюдали, как Учитель все ближе подходит к Иерусалиму, с тревогой — хотя в них и жила смутная, но упорная надежда. У Иисуса была цель, которой они не знали. Ему предстояло совершить последнее действие. Когда они находились еще в безопасности, во владениях Ирода, прибыл посланец из Вифании, сообщивший: «Лазарь, которого Ты любишь, болен». Иисус, оставаясь на вид равнодушным к известию, задержался на два дня. Апостолы не сомневались, что Он поступил так из осторожности. Поэтому, когда Иисус через день сказал, что пойдет в Иудею, ученики не стали скрывать своего страха и разочарования: «Равви, давно ли иудеи хотели побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?» Не слушая их, Он сказал: «Лазарь, друг наш, уснул, но Я иду разбудить его». Наивные и вместе с тем хитроватые ученики закачали головами, успокаивая себя: «Если уснул, то выздоровеет.» (с тайным желанием остаться в безопасном месте...).

— Лазарь умер, — сказал Иисус. — И радуюсь за вас, что Меня не было там. Но пойдём к нему.

Петра, по-видимому, не было с ними (этим можно объяснить, почему синоптические Евангелия умалчивают о Лазаре), потому что Фома, по прозвищу Близнец, вместо него укрепляет боязливых: «Пойдем и мы умрем с ним».

«Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати. И многие из иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему, Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: „Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог“. Иисус говорит ей: „Воскреснет брат твой“. Марфа сказала Ему: „Знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день“. Иисус сказал ей: „Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет — оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему“? Она говорит Ему: „Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир“. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: „Учитель здесь и зовет тебя“. Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему». Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа. Иудеи, которые были с нею в доме и утешали ее, видя, как Мария поспешно встала и вышла, пошли за нею, полагая, что она пошла на гроб — плакать там. Мария же, придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и

возмутился и сказал: «Где вы положили его?» Говорят Ему: «Господи! Пойди и посмотри». Иисус прослезился. Тогда иудеи говорили: «Смотри, как Он любил его».

Почему плакал Тот, Кто должен был бы смеяться от радости, от невообразимого счастья, которое испытывал бы всякий, способный вырвать из смерти любимого друга? Он оплакивал Лазаря в ту самую минуту, когда Лазарь готов был встать и пойти к Нему с лицом, покрытым платком, маленькими шажками, наверное, подпрыгивая, ибо ноги и руки его были обвиты саваном. Он действительно выходил из царства тьмы, чтобы увидеть, как Сын Человеческий войдет туда в свою очередь — и через какую дверь! Так зачем же эти слезы, ведь и Иисус тоже избегнет и смерти, и времени, и пространства, а Лазарь и так в Его сердце живет вечно?

Не было иной причины для слез, кроме слов, сказанных иудеями: «Пойди и посмотри», и особенно грубо прозвучавшего: «Уже смердит, ибо четыре дня, как он во гробе». Запах разлагающегося трупа вызвал слезы у Того, чье тело не узнает тления. Ибо Сын Человеческий прекрасно знал, что напрасно воскрешает Лазаря, что все равно победителями будут черви — им нужно лишь немного подождать возвращения воскрешенного. Рано или поздно это тело вновь засмердит, и никакая сила не спасет его от гниения. Мы всей душой верим в воскресение плоти; но нужно, чтобы каждое человеческое существо дало согласие на то, что его ждет разложение. Если трудно примириться с этим самому, то как принять смерть тех, чья любовь, свежесть и сила касались нас? То, что воскреснет, будет ли это человек во цвете лет — с сияющими глазами, с горячей красной кровью? Да, так и будет, новое тело уже не будет смертным и, следовательно, станет иным. Сын Человеческий плакал над гниющими плодами — над телами всех живых.

Смерть его предрешена

Многие из иудеев уверовали в Него, но некоторые отправились известить первосвященников, которые тут же собрали Совет. Чем поразительнее чудо, тем страшнее им кажется этот обманщик и тем сильнее их решимость с Ним расправиться. Ведь Назарянин, наделенный таким могуществом, конечно, стремится захватить власть, а это неизбежно навлечет на Иерусалим гнев Рима. У Пилата, не любящего иудеев, рука тяжелая! Это были уже не богословы, которых раздражают богохульства лжемессии, но дальновидные политики, принимающие меры предосторожности. Первосвященник Каиафа, своего рода пророк, считает, что лучше умереть одному человеку, чем погибнуть всему народу.

Иисус, имевший связи в Совете (возможно, через Никодима), был извещен об опасности и скрывался от преследований в окрестностях города. Теперь убежищем Ему служил Ефраим, расположенный к северу от столицы. Но приближалась Пасха, и Пророк не мог не прийти в Храм. Его врагам достаточно было немного потерпеть. Если у Иисуса были друзья в Совете, то и у первосвященников был свой человек среди Двенадцати. Воскрешение Лазаря могло лишь еще больше восстановить его против неисправимого красноречивца, который, обладая такой властью над материей, использовал ее лишь для Своей гибели — и не только Своей, но и всех Своих сторонников. Нет, Его поражению нет оправдания. Человек из Кариота еще не решил, как в последнюю минуту выпутается из столь неприятной истории. Однако суетиться ни к чему: Иисус уже сам приближается к ловушке.

Вот Он покидает убежище и выходит на дорогу, ведущую в Иерихон, — за Ним Двенадцать с небольшой группкой возбужденных людей, вполголоса обсуждающих шансы на успех. Они все еще ничего не понимают! Когда же у них откроются глаза? На этот раз Христос не щадит их и одним рывком срывает завесу: «Вот мы восходим в Иерусалим, и совершится все, написанное через пророков о Сыне Человеческом. Ибо предадут Его язычникам и поругаются над Ним и оскорбят Его и оплюют Его. И будут бить и убьют Его — и в третий день воскреснет».

Ждал ли Он возражений? Кифа, помня, как был назван сатаной, молчит. К тому же они, возможно, и не слишком беспокоятся: Воскресивший Лазаря владеет жизнью, чего же им бояться? Его слова о бичевании и распятии не всегда им понятны. Конечно же, это только образы. Во всяком случае, Ему понадобится всего лишь три дня, чтобы войти в Свою славу; но не войдет же Он в нее один?! Евангелист Лука ясно говорит об этом: «Ибо Он был близ Иерусалима, и они думали, что скоро должно открыться Царствие Божие».

Просьба сыновей Зеведеевых

Да, Его друзья будут торжествовать вместе с Ним, и прежде всего самые близкие. Досадно, что их Двенадцать: хоть они и любят друг друга, каждому хочется обеспечить себе местечко получше в грядущем Царстве. Сыновья Зеведеевы озабочены. Иоанн шепчет Иакову: «На деле Он предпочитает меня Кифе; а ты мой брат». Иаков шепчет в ответ: «Попроси Его, чтобы Он отвел нам обоим по трону рядом с Ним». Но Иоанн говорит: «Нет, я не осмелюсь». Тогда, должно быть, вмешалась их мать Саломия: «Ну что ж, зато я осмелюсь!» Кажется, так и слышишь их перешептывания; и вот честолюбивая мать выходит вперед и падает к ногам Учителя.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Он.

— Скажи, — отвечает она, — чтобы два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем.

С каким гневом еще недавно Сын Человеческий поставил бы на место всех троих! Но сейчас Ему не до упреков. Ему нельзя терять время. Что бы они ни делали, Господь до конца будет обращаться со Своими друзьями с такой нежностью, что даже Иуда не сможет помешать этому. И вот Он тяжело вздыхает, как Человек, которого завтра казнят, с великой жалостью глядит на этих двух, самых дорогих Его сердцу:

— Можете ли пить чашу, которую Я буду пить?

Они не знают, что это за чаша. Но в один голос, изо всех сил, с неистовством, за которое Господь назвал их «сынами грома», сыновья Зеведеевы уверяют:

— Конечно, можем!

— Чашу Мою будете пить...

Существует столько способов испить ее! Мученичество, которому подвергся Иаков в сорок четвертом году, — один из них. Но есть и другие пути страдания. Мы не знаем, чем стала для Иоанна эта чаша, знаем только, что он выпил ее медленными глотками.

Учитель, однако, обращается не только к ним, но и ко всем другим ученикам. Он говорит ясно, ибо сейчас нужно, чтобы до них дошло каждое слово. Когда же они поймут, что Его друзья должны избегать первых мест по примеру Сына Человеческого, пришедшего не для того, чтобы Ему служили, а чтобы Самому послужить? Он открывает им, наконец, в чем состоит высшее служение, взятое Им на Себя, то самое, за которое Его только что обвинял Каиафа перед Советом: «Сын Человеческий пришел, чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих».

Вход в Иерихон, исцеление Вартимея

Что все это значит? Вот они пришли на окраину города, орошаемого горными водами, того самого Иерихона, где Ирод предавался наслаждениям. Собралась большая толпа. Слепой Вартимей, услышав шум, спросил, кто это, и, когда ему ответили, что идет Иисус, он закричал в Его сторону: «Иисус, Сын Давидов! Помилуй меня!» Его заставляли замолчать,

но он принялся вопить во весь голос. «Позовите его», — сказал Иисус. Его позвали, говоря: «Не бойся, вставай, Он зовет тебя». Вартимей, сбросив верхнюю одежду, вскочил на ноги и пришел к Нему: «Чего ты хочешь от Меня?» — «Учитель! Чтобы мне прозреть!» Иисус говорит ему: «Иди, вера твоя спасла тебя».

Закхей

Казалось, Сын Человеческий перед смертью спешно расточает направо и налево сокровище Своего милосердия, которое Он принес в мир. После исцеления Вартимея толпа так выросла, что очень богатому начальнику мытарей Закхею, человеку малого роста, пришлось влезть на смоковницу, чтобы увидеть Иисуса. Господь знал сердце этого презируемого человека. Взглянув вверх, Он позвал его: «Закхей, сойди скорее; ибо сегодня Мне надобно быть у тебя в доме». Закхей поспешно спустился и принял Его с радостью... Вот уже три года враги обвиняют Его в том, что Он якшается с падшими — ну, что ж, до самого конца Его отрадой будут те, кто предпочел Его своим грехам.

23. Вечеря у Симона

Последняя передышка перед наступлением тьмы; еще немного человеческого тепла; Иисус изнемогает от усталости. Он не идет в Иерусалим прямо из Иерихона, Ему нужно еще раз увидеть лица друзей, Лазаря, уже забывшего царство смерти, откуда его вывел Христос, хлопчущую Марфу, которая на этот раз не только не рассердит Его, но будет Ему, быть может, так же мила, как и созерцательница Мария. Ибо человеку, идущему на смерть, дороги внимание и заботы любящих близких. Была суббота, до Пасхи оставалось шесть дней.

Один прокаженный, по имени Симон, которого Он исцелил, пригласил Иисуса отобедать у него вместе с Лазарем и его двумя сестрами. Марфа, как обычно, прислуживала.

Была ли Мария, вошедшая с фунтом нардового благовония, той кающейся грешницей, которая омыла слезами Его ноги? А может быть Мария-созерцательница тоже каялась? Как бы то ни было, Мария достигла той степени любви, когда раскрывается собственное ничтожество, и ей оставалось лишь смиренно подражать блуднице, каковой, может быть, она и была. И вот она вошла с сосудом благовоний, как то раньше сделала другая.

Лихорадочная атмосфера царила вокруг Человека, который, воскресив Лазаря, собирался во главе толпы силой взять ворота Иерусалима и бросить вызов не только первосвященникам, но и самим римлянам. Надежда многим помогала преодолевать страх. Тем более, что противники колебались: ведь невозможно было схватить Назарянина, не вызвав народных волнений. Совет назначил нескольких наблюдателей, которые должны были следить за Ним. Человек из Кариота выказывал им знаки уважения, сохраняя некоторую сдержанность: до последней минуты нельзя предугадать, как повернутся события. Будучи человеком неглупым, он был настороже; всегда готовый извлечь пользу из происходящего, он тайно копил денежки, украденные из общего кошелька: нельзя упускать такого случая!

Лишь одно сердце, наученное любовью, видело в возлежащем Иисусе существо, достигшее конца пути, загнанного оленя, который завтра станет добычей псов. Уже столько недель кружит Он вокруг города, переходя от укрытия к укрытию! В светильнике нет больше масла (в светильнике Его тела). У Иисуса остались силы лишь терпеть и страдать. Можно представить, как обмениваются взглядами эта святая женщина и Сын Человеческий. Другие ничего не видят. Но Он знает, что Мария поняла Его, когда разбила алавастровый сосуд и горница наполнилась запахом благовоний. Мария смиренно, как грешница, отирает своими волосами дорогие Ей ноги.

Вдруг слышится голос Иуды, от которого вздрагивают и Он, и она: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» Иисус смотрит на двух людей:

женщину сдает любовь, мужчину — жадность и зависть. Он всегда говорил с Иудой серьезно и мягко, будто испытывая ужас перед его судьбой:

— Оставьте ее, что ее смущает? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить, а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.

Он Сам возвещает Свое погребение? Иуда подходит к книжникам, которые ведут наблюдение... Он запомнил лишь одно слово: погребение. Он способен видеть только ближайшее будущее. Внезапное прозрение, озаряющее глубь веков — «где ни будет проповедано Евангелие в целом мире...» — не проникает в его черное сердце. Возможно, он тоже поражен явными признаками усталости и истощения, проступившими во всем облике Иисуса: конченный человек. И Он еще требует знаков поклонения, подобных тем, что придумывают эти пресмыкающиеся перед Ним женщины!

Наступил вечер. Вифания наполнилась множеством людей, поспешивших сюда из Иерусалима посмотреть на Иисуса и Лазаря. А в это самое время первосвященники созвали Совет, изыскивая средства погубить их обоих. Из Евангелия Иоанна мы знаем, что последнюю ночь Господь провел в Вифании, в доме двух сестер и их брата. Ученики были заняты простым делом, готовившимся торжественно встретить Равви: вход в Иерусалим был назначен на следующий день. Он же бодрствовал с тремя друзьями. Иоанн, возможно, тоже был с ними (единственный из евангелистов, который, кажется, хорошо знал Лазаря). Быть может, Марфа в ту ночь спокойно сидела у ног Учителя и Он наставлял Марию, указывая на ее смиренную сестру: «Она тоже избрала лучшую часть, потому что служит нищим (нищие — это Я сам) и никогда не теряет чувства Моего присутствия». На краю бездн грядущих страданий Сын Божий смиренно принимает как поддержку любовь тех, кого Он любит. Он все же изведal эту радость, хотя в ней и не нуждался, потому что все получал от Отца. Дом был пропитан запахом народного мира. Наверно, Марфа бережно собрала осколки алавастрового сосуда и сложила в подол платья. Глядя в обращенные к Нему широко открытые доверчивые глаза, полные любви и муки, думал ли Иисус о том, как отяжелеют веки трех Его любимых учеников в ту последнюю ночь, которая уже совсем близка?

Пальмовые ветви

На рассвете они, наверно, просили Его: «Ни в коем случае не ночуй в городе, приходи вечером, здесь безопаснее». Толпа рвалась в ворота. Ему привели молодого осла. Он сел на него и двинулся вперед, сопровождаемый пронзительными криками детей и женщин, размахивавших пальмовыми ветвями. Вот он, тот день, о котором мечтал человек из Кариота! Он когда-то поверил, что Учитель во главе вооруженного фанатичного народа, с венцом на челе, устрасит римлян Своим всемогуществом... А теперь эти надежды оканчиваются смехотворным триумфом измученного Равви, обреченного на виселицу Человека вне закона, который в окружении глупой черни покорно сует голову в капкан. Они могут бросать одежды под ноги осленка и приветствовать Назарянина как Сына Давидова и Царя Иудейского — каждый их возглас «Осанна!» добавляет еще один шип к Его терновому венцу, еще один острый наконечник к кнуту, которым Его будут бичевать.

Фарисеи возмущаются: «Учитель! Запрети ученикам Твоим». Тогда жалкий триумфатор, сидя на осле, громко бросает им вызов, выдающий в Нем Бога: «Если они умолкнут, то камни возопиют!»

В свете утреннего солнца уже завиделись и город, и Храм. Христос не отрывал от них глаз. Лазарь вызвал у Него первые слезы. А сейчас Он плачет об этом городе. Он не

проклинает его, Он лишь раскрывает его ужасную судьбу и скорбит: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих: ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего!»

Великий понедельник

С приближением праздника Иерусалим наполнялся иудеями и даже язычниками. «Кто Он?» — спрашивали они. — «Мы видели Его своими глазами... Он воскресил Лазаря в Вифании...»

Первосвященники обсуждали, как схватить Его среди бела дня, в самой гуще этих фанатиков. Знает ли Иуда Искариот, где ночует его Учитель? Пока что, сойдя с осленка, Он больше не скрывается. «Господин, — просили некоторые язычники Филиппа, — мы бы хотели повидать Иисуса».

Если зерно не умрет...

В то время Он находился в ограде Храма и возвещал час, когда прославится Сын Человеческий. Какая мрачная слава! По Его словам, чтобы победить, нужно умереть, а чтобы спасти жизнь — надо ее потерять. «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода». Земля давно знает созидательную силу самопожертвования и искупительную силу страдания. Тайна эта вписана в природу.

После этих слов Иисус замолкает. Можно представить, как Его дрожащая рука соскальзывает со лба на глаза, как бы для того, чтобы не видеть в двух шагах дверь, открытую во тьму: «Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать?». В Нем сопротивляется человек, Агнец почуял бойню — Он упирается, не хочет идти дальше: «Отче! Избавь Меня от часа сего!» Но тут же овладевает Собой: ведь Он и пришел ради этой муки и этой смерти. Он обращается уже не к народу, укрепляет самого Себя победным кличем: «И когда Я вознесен буду от земли — всех привлеку к Себе». Всех, даже Своих будущих мучителей, всех и все, и очистившееся тело Лазаря тоже.

Его засыпали бессмысленными вопросами. Все решено — Он умрет, но никто еще этого не понял. Настали последние дни. Никогда больше ноги Творца жизни не коснутся земли, руки — детских головок. И они не сражены мыслью о неотвратимом конце! Из последних сил Победенный мог только повторять слабеющим голосом: «Я Свет! Недолго еще Свету быть с вами... Да будете сынами Света».

Вторник и среда

Вечером, как и обещал, Иисус укрылся в Вифании и в следующие дни приходил туда же. По-видимому, Он останавливался не в доме Лазаря, за которым уже давно следили. Восточный склон Масличной горы, где, по свидетельству евангелиста Марка, скрывался Иисус, на самом деле прилегает к Вифании.

Во вторник утром Он вновь вышел на дорогу, ведущую в Иерусалим, и, проходя мимо бесплодной смоковницы, проклял ее — чтобы показать участь, ожидающую этот город.

Каждый день, однако, они приходят в Храм (Он уже так устал, а впереди еще страдания и смерть!). Он продолжает борьбу, поддерживаемый, казалось бы, всем народом. Фарисеям, которые допрашивают Его как преступника, Он осмеливается отвечать как их судья. Хитростям этих лисиц Он подчас противопоставляет Свою Божественную хитрость. Если они спрашивают: «Какой властью Ты это делаешь?» — Он задает им встречный вопрос: «Крещение Иоанново с небес было или от людей?» Лисицы уходят от прямого ответа и бормочут: «Мы не знаем». Ведь скажи они: «от людей», возмутился бы народ, почитающий

своего последнего пророка, а ответ они: «с небес», — Иисус сказал бы им: «Почему же вы не поверили ему?» Потому они и бормочут, что не знают. Тогда Иисус торжествует: «И Я не скажу вам, какой властью это делаю».

Но народ понял. Взбешенные фарисеи уходят. Равви, довольный победой, опять становится непринужденным, как в первые дни. Он рассказывает им притчи, и на этот раз каждый понимает их смысл. Например, человек, имеющий двух сыновей, посылает одного из них поработать в винограднике; сын отказывается, но потом идет. Другой же сын отвечает: «Пойду» — и не идет. Самый простоватый слушатель понимает, что отец семейства — это Отец Небесный, и что раскаявшиеся блудницы и мытари — это сыны света, а фарисеи, внешне исполняющие Закон, но в сердце ему изменяющие, — прокляты.

Злые виноградари

Но вот возвращаются фарисеи. Голос Господа тут же меняется, становится грозным. Не для учеников, а для них придумал Он притчу о злых виноградарях за три дня до Своих Страстей. Притча эта столь смела и смысл ее столь прозрачен, что первосвященники хотят тут же схватить Иисуса — они бы так и сделали, если б не побоялись народа.

Человек, отдавший свой виноградник в аренду, посылает к виноградарям одного раба за другим за своей долей вина, но те всякий раз избивают их и отсылают обратно. «Тогда сказал господин виноградника: „Что мне делать? Пошлю сына моего возлюбленного; может быть, увидев его, постыдятся“. Но виноградари, увидев его, рассуждали между собою, говоря: „Это наследник. Пойдем, убьем его, и наследство его будет нашим“. И, выведя его вон из виноградника, убили».

Пророчество, которое касалось ближайшего будущего, должно было бы тронуть их сердца: в ту минуту сам возлюбленный Сын обращается к злым виноградарям. Уже лежит крест где-то на складе, в котором хранятся виселицы. Иуда назначает сумму в тридцать динариев, Пилат читает донесение о волнениях, вызываемых в народе каким-то назаретским Целителем. И однако этот загнанный в угол пройдоха, с которого Синагога не спускает глаз и которому на сей раз не уйти, требует ответа у этих лисиц, поднаторевших в Писании, и тычет их мордой в текст. Взглянув на них, Иисус говорит: «Неужели вы не читали сего в Писании: „Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла“? Тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит».

Из всех событий, когда-либо происходивших на земле, самыми непостижимыми были, несомненно, эти стычки назаретского Проповедника с иерусалимскими священниками. В ту минуту совершенно невозможно было вообразить, какие последствия они будут иметь для судеб мира. Нет, священники не испугались, но понимали, что без римлян у них ничего не получится. В глазах Рима богохульство не было правонарушением; нужно было навлечь на Иисуса подозрения римлян — вот в чем смысл коварного вопроса, заданного подосланными провокаторами: «Позволительно ли нам давать подать кесарю или нет?»

Отдавайте кесарю...

За двадцать лет до того, во время захвата страны Римской империей, другой галилеянин по имени Иуда ответил на тот же вопрос отрицательно и был за это убит вместе с единомышленниками. «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» — таков знаменитый ответ Иисуса, он означает, что в голгофской драме, предуготованной от вечности, римлянам отводится лишь роль палачей. Израиль использует их, чтобы закласть свою Жертву, но сама Жертва принадлежит ему. Рим в лице Пилата не нашел в Иисусе ничего преступного.

Но где кончается власть кесаря и начинается власть Бога? Об этом можно спорить до бесконечности. До того дня, когда это слово было произнесено обреченным на смерть бедным непокорным Иудеем, кесарь был богом, а боги принадлежали империи больше,

нежели империя богам. Но вот внезапно встает выше всякой тирании могущество Того, Кого освобожденный человек признает своим единственным Владыкой на земле и на небе. Человеческое сознание и впредь будет подвергаться наихудшим видам насилия, но отныне оно свободно: мучения будет испытывать лишь тело, а вся власть государства будет из века в век оказываться беспомощной перед силой святой души.

24. Лепта вдовы

Поединок Синагоги и Сына Человеческого на время приостановился. Фарисеи больше ни о чем Его не спрашивают, боясь опять опозориться перед народом. Зная, что готовится, они терпеливо ждут. Иногда Назарянин провоцирует их: «Как говорите, что Мессия есть сын Давидов? Давид Господом называет Его; как же Он сын ему?» Но они уклоняются — они готовят Ему другой, кровавый ответ.

В ожидании Своего часа Сын Человеческий почти бездействует. Он разглядывает входящих в храм людей: книжников, облаченных в длинные одеяния, которых все почтительно приветствуют за их бесконечно длинные молитвы, богомольцев, кладущих пожертвования в кружку. Прислонившись к колонне в ограде храма, Иисус возмущается фарисеями, издевается над ними, но тут же умиляется, увидев вдову, которая отдает Богу все свое состояние. Что стоит милостыня, которая ничего нас не лишает? Мы, может быть, вообще никогда ничего не жертвовали.

Пророчество о разрушении храма и конце мира

В эти последние часы Иисус, казалось, прекратил борьбу и разглядывал прохожих. Так смутяня, выслеженный полицией, мог бы сидеть сегодня где-нибудь на террасе кафе, зная, что с минуты на минуту его арестуют.

Никто больше не привлекал Его внимания, и взгляд Его остановился на Храме. Рядом прозвучал знакомый голос:

— Учитель! Посмотри, какие камни, какие здания!

Но Иисус ответил:

— Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне. Все будет разрушено.

Никто из тех, кто пересекал с Ним Кедрон, протекающий у подножия Храма, и взбирался на Масличную гору, не осмелился что-либо сказать. Но все были крайне подавлены этим пророчеством — для иудея не могло быть ничего страшнее таких слов. Наконец, заговорили все разом:

— Учитель! Когда же это будет? И какой признак, когда это должно произойти?

Богочеловек, который шел к концу Своего пути и уже наполовину освободился от власти времени, в которое был погружен вот уже тридцать лет, будет говорить, не считаясь со сроками. Ибо Он и есть тот Иисус и тот Господь, для которого, как пишет Кифа в своем послании, «один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день».

Многих смутило пророчество о разрушении Храма и города, они спутали его с концом мира. Вера многих была поколеблена словами: «Не преидет род сей, как все это будет».

Да, это поколение стало свидетелем и жертвой гонений на христиан, осады и разрушения Иерусалима. Одни только христиане спаслись от римских воинов и укрылись в горах по совету Господа: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда

знайте, что приблизилось запустение его. Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы... и тот, кто на поле, не обращай назад взять одежду свою».

Но эти разрушения и небесные знамения, и землетрясения, которые возвестят начало конца, Иисус разделяет весьма неопределенными промежутками времени: «И Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников». Иисус из вечности окидывает взглядом ход истории, сейчас Он говорит не как человек, предсказывающий будущее, но как Сын Божий, который, пренебрегая известной им последовательностью событий, кричал фарисеям: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь». И Он, зная все, понимал также, что вводит их в заблуждение, ибо они не могут видеть так, как видит Он. Но это благое заблуждение вооружит их такой крепкой надеждой, что они завоюют мир. Слава обреченного мира, который скоро погибнет, теряет в их глазах всякую ценность. Возможно, их рвение остыло бы, знай они, что спустя девятнадцать веков христиане все еще будут ждать пришествия Сына Человеческого.

В действительности же Господь, смешивая будущие события, не обманывает их. Конец мира для всех наступает в день нашей смерти. Это верно для каждого в отдельности, ибо никто не знает ни дня, ни часа, когда для него померкнет солнце, луна перестанет лить свет на лужайки его детства, а звезды разом исчезнут в бесконечном мраке, который сомкнется над ним. В жизни каждого из нас, когда мы совсем того не ждем, внезапно появляется антихрист, приходят лжепророки с ядом и чародеи с зельями: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа». Безумны девы, не взявшие с собой масла и уснувшие в ожидании запоздавшего жениха; их будит среди ночи страшный крик: «Вот, жених идет!» Ужас внезапной смерти.

Но несомненно и то, что Иисус однажды придет на облаке в великой силе и славе. И в тот день «время язычников» покажется нам таким же непродолжительным, каким видел его Христос во дни Своей земной жизни. В том свете, который полностью высветит судьбу не столько народов или царств, сколько каждой человеческой души, история мира станет историей миллиардов отдельных людей. И окажутся козлы по левую сторону, а овцы — по правую.

«Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: „Придите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне“». Тогда праведники скажут ему в ответ: «Господи, когда мы видели Тебя алчущим и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Вот где источник надежды! Значит, все те, кто обнаружит, что их ближним был сам Иисус, принадлежат к числу людей, которые не знают Христа или Его забыли. В противном случае они не задали бы Ему такой вопрос. И все-таки они и есть Его возлюбленные. Тот, в чьем сердце живет любовь, не может не служить Христу. Он может думать, что ненавидит Его, а на деле он посвятил Ему жизнь, ведь Иисус скрывается среди людей, Он прячется под видом бедных, больных, плененных и пришельцев. Многие из тех, кто формально служит Ему, никогда Его не знали, а большинство тех, кто даже имени Его не знает, услышат в последний день слова, которыми откроются для них врата блаженства: «Это Я был теми детьми и рабочими; это Я плакал на больничной койке; Я был тем убийцей, которого ты утешал в камере».

25. Великий четверг

Каждый вечер Иисус возвращался в Вифанию. Он уже испытывал весь ужас предстоящих страданий, мысленно переживал Страсти, удар за ударом, плевков за плевком. Он тащил на Себе эти бревна. Виделся ли Он в последние дни с Матерью? Возможно, у Него не было больше сил удерживать Ее, и Она, наконец, вышла из Своего уединения. Ученики молча наблюдали за Учителем, поддерживая себя Его обещанием: что бы ни случилось, Он скоро вернется, и, как человек, который отлучился ненадолго, постучит в дверь ночью или на рассвете... Да, они будут бодрствовать.

Однажды вечером кто-то из них, должно быть, спросил: «Где Иуда?» А кто-то ответил, что казначей не решается появляться в Вифании после того, что он сказал о народном благовании. Иисус же шел скорее всего последним, согнувшись под тяжестью невидимого Креста, и мысленно видел Своего самого благоразумного ученика, в это мгновение договаривавшегося с победителем о тридцати сребрениках: «Это он нарочно — наверно, сказал им Иисус, — чтобы вы не огорчились».

В последний день перед Страстями, в четверг рано утром Он отправляет Петра и Иоанна в город приготовить пасхальную трапезу. Пасха в тот год приходилась на субботу. Почему же Христос хотел есть ее не накануне, как все иудеи, а днем раньше? Просто Он знал, что на следующий день жертвенным Агнцем станет Он Сам.

У городских ворот двух учеников ждал друг, с которым заранее обо всем договорились. Было условлено, что он будет нести кувшин с водой и по этому знаку его узнают Петр и Иоанн. Этот друг расстелил на втором этаже своего дома ковер, разложил вокруг низкого стола подушки и заклал в Храме ритуального агнца.

Любовь переполняла сердце Иисуса. «Перед праздником Пасхи, — пишет евангелист Иоанн, — Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, возлюбив Своих, сущих в мире, до конца возлюбил их».

Не успев войти, ученики стали оспаривать друг у друга право возлежать рядом с Ним, не сознавая, что это за день, что это за час. Иоанн возлег справа. Человек из Кариота, по видимому, оказался ближе всех к Иисусу слева, иначе Он не смог бы протянуть ему кусок хлеба, который перед тем обмакнул в блюдо.

— Очень желал я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания.

На плечо, на которое скоро ляжет бревно виселицы, опустилась живая голова Иоанна. Согласно обряду, Иисус благословил первую чашу вина. Но спор возобновился: каждый хотел быть первым. Тогда Он напомнил, что первый среди них должен быть последним:

— А Я посреди вас, как служащий.

И, желая полного уничтожения, Он — Творец жизни — умыл им ноги. Умыл ноги и Иуде, и тот не стал противиться. Только Петр упирался, пока Христос не сказал:

— Если не умою тебя, не имеешь части со Мною!

— Господи! — ответил Петр. — Не только ноги мои, но и руки, и голову...
Зловоние души

В другой бы раз Иисус улыбнулся. Наивная и чистая душа Кифы светится, но рядом с Собой Он чувствует нестерпимый запах разложения и духовной смерти. Иисус не сдерживается и вполголоса говорит:

— Вы чисты, но не все. (Но тут же спохватывается). Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу.

Зловоние этой души мучает Христа. Он уже не может его выносить. Остальные одиннадцать ни о чем не догадываются, ничего не понимают.

Возможно, они и недолюбливают своего слишком прижимистого товарища, но, в конце концов, он вправе беречь общие деньги. Он себе на уме, но у каждого свой характер. Иисус больше не в силах скрывать:

— Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Как удар грома, прозвучали эти слова. В комнате, где тринадцать иудеев возлежат вокруг дымящегося блюда, как бы померк свет. Наступает молчание, каждый из них в простоте своей спрашивает себя, проверяя свою совесть, и все говорят Учителю одно и то же: «Не я ли? Нет, не я!» Слева от Христа почти у самого уха раздается дрожащий голос Иуды: «Не я ли, Равви?»

В этом вопросе нет вызова: он действительно еще не знал, он колебался. В самой глубине его существа идет отчаянная борьба, так знакомая многим христианам, когда смертельно раненная душа сражается, зная наперед, что ее ждет поражение. Иуда любил Иисуса, возможно, он все еще любит Его, несмотря на разочарования, горечь, нежелание остаться на стороне побежденного. Тридцать сребреников означают прежде всего его союз с властями, в этом их главная ценность. В любом случае бедняга Иисус обречен. Иуда чувствует, что сдается; но его мучение отнюдь не наигранно, когда он спрашивает: «Не я ли, Равви?» Он один должен услышать очень тихий ответ, который заклеит его навеки: «Ты сказал».

И вновь Господь открывает им Свою тайну, и в голосе Его звучит мука, потому что только что Он потерял одного из Своих детей, потому что и Иуду Он избрал, хотя и любил, быть может, чуть меньше других; но за эти три года им, наверно, при каких-то обстоятельствах случалось проявлять друг к другу нежность, прощать и принимать прощение.

— Сын Человеческий идет, как написано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предастся: лучше бы этому человеку не родиться.

Последовало тяжкое молчание. Петр знаком попросил Иоанна, лежавшего на груди у Иисуса, узнать: «О ком Он говорит?» Иоанну достаточно было поднять глаза и шевельнуть губами, чтобы Иисус понял его: «Господи, кто это?»

Возможно, Иисус никому другому этого не доверил бы. Но, дойдя до края жизни, на этом последнем привале мог ли Он что-то скрывать от того, чье дыхание ощущал в последний раз (как легка его голова и как тяжел будет крест!). И Он шепчет ему:

— Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам.

Обмакнув хлеб в блюдо, Он подал его Иуде, который сидел по другую Его сторону и, наверно, все слышал. Во всяком случае, он видел, как голова Христа склонилась к голове любимого ученика. В то мгновение «вошел в него сатана». Иуда безумно ревнив; он слишком проницателен, чтобы не видеть, что Иисус всегда держит его на расстоянии, что, если Иоанн любим больше всех, то он, Иуда, — всех менее... Сын Человеческий, которому предстояло еще пройти через муки Страстей, не мог больше выносить рядом с Собой

ненависть, внезапно охватившую этого несчастного, ненависть поистине демоническую. Уже не было сил терпеть реальное явственное присутствие сатаны в душе, которая создана была для любви. И Он умоляет Иуду:

— Что делаешь — делай скорее.

Остальные подумали, что Он отправил его раздать милостыню нищим или купить что-то необходимое к празднику. Иуда, обезумев от ненависти, поднялся. Если Учитель посылает его навстречу судьбе, почему он должен противиться? Ведь его голова ни разу, быть может, не покоилась ни на чьем плече, и сердце Христа никогда не билось у его уха. Он был любим ровно настолько, чтобы его предательство стало непростительным. Злоба душила его. Иуда открыл дверь и вышел в ночь.

Евхаристия

Даже те апостолы, которые ни о чем не догадывались, почувствовали, что дышать стало легче. Иуда, возможно, оставил дверь приоткрытой. Учитель опустил глаза, и все смотрели на родное лицо, не узнавая его: оно никогда не было одним и тем же, непрерывно менялось под действием неведомых сверхчеловеческих чувств. Он держал в руках кусок хлеба. И, преломив его Своими святыми, пречистыми руками, раздал ученикам и сказал:

— Примите, ядите; сие есть Тело Мое.

И, взяв чашу, благодарив, подал им; и пили из нее все. И сказал им:

— «Это Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая. Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божиим».

Что поняли те, кто только что причастился Телу и Крови Христа? Сын Человеческий возлежал среди них, и в то же время каждый чувствовал Его внутри себя подобно пламени, которое трепетало и жгло, но и освежало, и доставляло блаженство. Впервые в мире совершилось такое чудо: можно было обладать тем, кого любишь, вобрать его в себя, питаться им, соединиться с его существом, превратиться в его живую любовь.

В словах, вслед за этим произнесенных Иисусом, видна безмерность Его любви, изливаемой на учеников: Он называет этих суровых взрослых людей «дети Мои»; и нежность, подобно крови, вдруг брызжет из сердца, которое вскоре пробьет копьё.

— Дети! Недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою.

Потом Он обратился к Симону. Князь мира сего этой ночью ожесточится; и даже их, бедных детей, просеет, как пшеницу... Но когда окончатся испытания, Петр должен будет утвердить своих братьев. Апостол бурно протестует — он готов идти за Ним и в темницу, и на смерть. А Иисус в эту минуту чувствует, что Петр будет самой горькой каплей в чаше, которую Ему предстоит испить. Ибо этот человек, самый сильный из всех, охваченный сейчас порывом любви и верности, на рассвете трижды отречется от Него. Иисус мягко предупреждает его об этом. Но Петр вне себя, он упорствует:

— Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя.

И все возражали Христу вместе с Кифой. Они встали из-за стола и окружили Иисуса, чей взгляд поверх их голов был устремлен на обтесанное дерево, водруженное среди ночи мира, на тот столб, которого Он уже наконец почти достиг. Одиннадцать понимают, что прошло время смеяться и удивлять иудеев чудесами. Они храбрятся: «Здесь два меча...» Иисус пожимает плечами: «Конечно, этого достаточно». Но не в мечах они нуждаются, а в вере: «Да не смущается сердце выше...» Куда Он идет, они знают и путь знают... Раздается простодушный голос Фомы:

— Господи! Не знаем, куда идешь, и как можем знать путь?

Они все еще воспринимают каждое слово в буквальном смысле! Иисус отвечает ему:

— Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу как только через Меня.

Филипп прерывает Его:

— Покажи нам Отца, и довольно для нас.

— Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? — отвечает Иисус. — Видевший Меня видел Отца.

Иисуса больше не сердит их бестолковость, с которой Он так и не справился, — это сделает Дух Святой. Кучка учеников теснее окружает Учителя. Подобно всем людям, боящимся смерти, они ведут себя, как дети, которых пугает ночь. И Сын Человеческий, чья любовь не раз проявлялась в резких и горьких словах, измученный ожиданием первой пощечины и первого удара бича, сейчас собирает их под Свое крыло и согревает словами, в которых попеременно обнаруживает себя то Бог, то человек. Какая любовь и какая сила! Он вводит их в тайну Своего единства с Отцом.

— Не оставлю вас сиротами, приду к вам. Еще немного и мир уже не увидит Меня. А вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Отец Мой возлюбит его и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

Воцаряется глубокая тишина, исчезает страх. Они друзья Иисуса и пребывают с Ним и в Нем. Они уже в преизбытке вкушают то наследие, которое Он обещал: мир, горящий в их сердцах.

— Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше.

Час Его близок. Он не может больше оставаться здесь: «Встаньте, пойдём отсюда». Иисус выводит их из комнаты, останавливается на мгновение в сенях. Никогда не говорил Он с ними так, как в эту ночь. Теперь они знают, что их Друг — Бог и что Бог есть любовь. И тот, чья голова недавно покоилась на плече Сына Человеческого, навсегда запомнит каждое слово.

— Я есмь лоза, а вы — ветви. Как возлюбил меня Отец, и Я возлюбил вас; пребывайте в любви Моей... и радость Моя в вас пребудет.

Нужно ли было им еще что-то знать? Весь Новый Завет содержался в единственном слове, так затасканном на всех языках мира: любовь.

— Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Не они избрали своего любимого Учителя, а Он избрал их изо всего мира. Отвергнутый мир ненавидит их, как ненавидит Христа; их будут преследовать за любовь, но Дух Святой будет на них.

И вновь Одиннадцать встревожились, так как Он сказал:

— Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня.

Иисус, исполнившись жалости, хочет уже сейчас внушить им ту радость, с которой они будут пить и есть вместе с Ним, Воскресшим:

— Истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы будете печальны, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир...

Слова эти обжигают сознание. Словно опьянев, ученики перебивают Его:

— Вот, теперь Ты прямо говоришь, и не говоришь никаких притч. Теперь мы видим, что Ты знаешь все... Посему веруем, что Ты от Бога исшел.

Сын Человеческий, который все эти три года так страдал от их маловерия и непонятливости, совсем не обрадован этим признанием. Он вздыхает:

— Теперь веруете... — И вдруг суровым голосом продолжает: «Вот наступит час, и настал уже, когда вы рассеетесь каждый в свою сторону и оставите Меня одного».

Но, увидев их жалкие опечаленные лица, Он спохватывается. Нет, Он не сердится на Своих возлюбленных детей. Все то горе, которое их постигнет, Он уже знает, Он от него страдает.

В эту ночь Учитель будет повержен и Одиннадцать окажутся совсем слабыми людьми. Но Он вдруг распрямляется во весь рост — этот Назарянин из простонародья, за которым охотится вооруженный отряд, этот Иудей, объявленный вне закона, которого скоро будет оплевывать караул! С каким царственным видом бросает Он вызов, который, вознесясь над Его судьями, палачами и самим кесарем Тиберием, достигает Его Небесного Защитника:

— Мужайтесь, Я победил мир!
Первосвященническая молитва

Он победил мир, но отделил от него малое стадо, которое не погибнет. Он прославится в них перед Своим Отцом, вступив этой ночью на арену — первым из бесчисленных братьев, которые будут отданы Зверю из ненависти к Его имени. Но прежде чем сделать этот шаг, Он сосредоточивается и молится.

В небольшой фразе, несколько раз повторяемой в Евангелиях, скрыта бесконечная тайна: «Иисус отошел от них и молился...» Он молится Отцу, которому единосущен! Как это понять? Мы, созданные по образу Божию, мысленно устремляясь к Нему, обращаемся к средоточию нашего существа, словно говорим сами с собою. Самый несовершенный христианин после причастия, или просто находясь под действием благодати, освящен

присутствием Трех Божественных Ипостасей и, едва погрузясь в себя, уже чувствует, как им овладевает и его очищает Бог.

Отдаленная аналогия помогает нам проникнуть в эту тайну: молитва Богочеловека, составляющего одно с Тем, Кому Он молится.

Он обращается к Себе и одновременно к Другому. Но на этот раз, перед наступлением власти тьмы, беседа Отца и Сына происходит в присутствии молодого юноши — Иоанна, сына Зеведеева. Может быть, он не воспринимал отчетливые слова. Быть может, ему была дана возможность участвовать в безмолвной молитве, и молитва любимого Учителя, творимая в полном молчании, слово за словом запечатлевалась в сердце внимающего ученика.

Он один запомнил эту молитву, потому что один ее слышал. Но не потому, что он был лучше других: он был самым неистовым и страстным. «Сын грома» еще вчера требовал места у престола для себя и своего брата, считая себя достойнее других, потому что был особенно любим. Он бывал дерзок, как ребенок, которому все прощается. Как-то раз он прервал Учителя, спеша похвастать, что запретил какому-то человеку изгонять бесов именем Иисуса — как будто Иисус принадлежит ему одному! Подобно всем юношам, он был жаден, неистов и жесток и даже хотел низвести огонь небесный на самарянский город, где их не пожелали принять.

Тем не менее Иисус больше всех любил этого юношу, который не был так богат, как тот другой, и вообще был довольно беден (хотя и принадлежал к более знатной семье, чем большинство учеников: его отец Зеведей имел работников, кроме того, похоже, что Иоанн был принят в доме первосвященника). Любимый ученик не только обладал свободным и широким умом, но был необычайно одарен. Почти все святые, начиная от апостола Павла и Отцов Церкви первых веков и кончая Августином, Бонавентурой, Фомой, Франциском, Хуаном де ля Крусом — были наделены дарами Святого Духа, но Иоанн — более их всех.

Мог ли ум Иоанна, воспламененный любовью, сам проникнуть в тайну последней молитвы Сына Человеческого? Нет, вероятно, но его голова недавно покоилась на груди Иисуса, и в это бесконечное мгновение он стал иным. «Сын грома» отныне будет сыном Любви — он открыл тайну, которую никогда не забудет, то, что увидели его глаза, услышали уши, ощутили руки, — тайну Слова Жизни.

Переданные Иоанном торжествующие слова Христа, произнесенные незадолго до Гефсиманского борения, поражают. Молитва Христа, которую запомнил Иоанн, полна спокойной уверенности, как будто Господь пользуется последними минутами, прежде чем вся власть будет отдана силам тьмы:

— Отче! Пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, как Ты дал Ему власть над всякой плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои...

Иисус на мгновение вглядывается в океан скорбей, на берегу которого стоит. Но отворачивается от него, чтобы посмотреть на дело, совершаемое Им от века: на неразрывную связь освященного творения с Богом Отцом в лице Сына. «Да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино».

Но где проходят границы того мира, о котором Он не молится? Какой будет судьба этого отвергнутого мира?

26. Гефсимания

Настало время выйти из дома в ночь. Когда Он переступит порог, начнутся Его Страсти. Он произносит «халел» — пасхальное благодарение — и толкает дверь. Спустившись вниз, обходит Храм, освещенный пасхальной луной, и достигает ограды у подножия Масличной горы. С тех пор как Иисуса начали преследовать, эта кучка людей часто ночует в саду, называемом Гефсиманией из-за того, что здесь находится давальня для маслин. Это было их обычное убежище, если они не уходили в Вифанию.

В ту ночь одиннадцать учеников делают все, как обычно, как всегда, укладываются спать на земле в верхней одежде. Учитель берет с Собой Петра, Иакова и Иоанна и удаляется на молитву. Это тоже в порядке вещей и никого не удивляет.

Оставив трех Своих самых близких друзей, Иисус отходит от них на расстояние брошенного камня и падает ниц. Душа Его скорбит смертельно. Ему страшно: нужно, чтобы Он познал страх. Запах крови приводит Его в дрожь. Тело Его содрогается в ужасе перед физическими страданиями.

— Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! — Часть Его существа противится этому страшному призыванию: «Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет». Сейчас Его воля хочет избежать всего этого ужаса. Он вытирает рукой взмокший лоб: откуда эта кровь? Молитва замирает у Него на губах. Он прислушивается. В какие-то мгновения жизни каждому из нас случалось ощущать в ночной тишине равнодушие глухой и слепой материи. Материя подавляет Христа. Всем Своим существом Он испытывает ужас беспредельной оставленности. Творец удалился, и творение становится лишь дном безжизненного моря; бесконечное пространство усеяно мертвыми звездами. Во мраке слышны крики пожираемых зверей.

Но вот этот Иудей, распростертый на земле, смешавший Себя с ней, — подымается. Сын Божий достиг такой степени унижения, что нуждается в человеческом утешении. Настал и Его черед, думает Он, положить Свою окровавленную голову на чью-нибудь грудь. Он встает и идет к трем спящим ученикам («спящим от печали», — говорит евангелист Лука).

Они спят на земле, побежденные сном. Сон берет верх над любовью — и это нам тоже знакомо. Иисус — узник Своей человеческой природы — в тот миг, когда Он нуждается, чтобы не изнемочь, в поддержке близких, сталкивается с законом природной жизни, с неодолимой силой сна и оцепенения. Даже самый любимый апостол спит крепким молодым сном. Кажется, будто Его побеждает Его собственное могущество.

— Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мной?

Они приподымаются, вздыхают и тут же снова падают. Учитель добредает до прежнего места, уже отмеченного Его кровью, и падает на колени, протягивая вперед руки, как слепой, а потом вновь бросается к друзьям. Пусть они спят и ничего не чувствуют, но они тут, их можно потрогать, потрясти, коснуться их волос. Так Сын Человеческий метался, подобно маятнику, от спящих людей к скрывшемуся Богу, от отсутствующего Отца — к спящим друзьям.

Когда Он дотащился до них в третий раз, они, наконец, начали подыматься, не разлепляя век, не понимая, чего от них хотят. Если еще светила луна, то Христос, наверно, видел их жалкие, подурневшие и опухшие со сна, небритые лица.

— Сейчас спите и отдыхайте.

Теперь Ему никто не нужен, кроме Самого Себя. Он неподвижен, но уже не распростерт на земле и не склонен над спящими. Он слышит их сонные вздохи и храп, а вдали — неясный шум шагов, чьи-то голоса. Наконец, Он говорит им:

— Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий Меня.

Они бегут к остальным ученикам, будят их — и вот уже все тесно окружают Иисуса, который ничем от них не отличается. Тысячачальник, возникший из темноты вместе с людьми первосвященника и несколькими солдатами когорты с факелами в руках, видит при их свете лишь темную кучку иудеев. Среди них никто не выделяется, их Вожак от остальных неотличим. Творец жизни — один из этих бородатых назарян, Его нельзя узнать, и потому Иуда должен указать Его. Человек из Кариота решает поцеловать Иисуса: «Кого я поцелую, Тот и есть».

Предатель не сам придумал этот противоестественный способ. Предательский поцелуй ошеломил Иисуса, который, однако, готов был ко всему. Эти губы на Его щеке! Он говорит: «Друг! для чего ты пришел?» Его уже окружают воины. «Целованием ли предаешь Сына Человеческого?» До последнего мгновения творение не перестает Его удивлять. Он думал, что знаком с последней глубиной человеческой низости, но этот поцелуй...

Вначале возникла суматоха. Апостолы не сразу трусили, потому что считали Учителя могущественным, но когда Кифа отсек ухо Малху, рабу первосвященника, Иисус велел ему вложить меч в ножны. Он отстранил их и, как наседка, которая, нахохлившись, выходит вперед, чтобы защитить свой выводок, сказал:

— Вот Я! Оставьте их, пусть идут. Каждый день бывал Я с вами в Храме, и вы не поднимали на Меня руки... Но теперь — ваше время...

При свете факелов свора бросается на добровольно сдающуюся добычу. Ученики тотчас разбегаются, кроме неизвестного юноши, который прибежал туда, не успев одеться. Кто это последним проявил свою верность Учителю? Его хватают, но проворный юноша оставляет им вместо себя покрывало, в которое был закутан, и убегает.

Иисуса повели к Анне (тестю первосвященника Каиафы), тот велел связать Его покрепче и отправил к зятю. Каиафа бодрствовал вместе со старейшинами и несколькими членами Синедриона. Он, возможно, никогда раньше не видел Иисуса. Неужели этот бедолага и есть чудотворец и враг первосвященников? Однако он допрашивает Его тем тоном наставительной доброжелательности, который не утратили с тех пор за много веков судьи Жанны д'Арк. Обвиняемый отвечает, что никогда не говорил тайно, но всюду проповедовал открыто, и в синагогах, и в Храме:

— Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, чему Я учил.

Повысил ли Он при этом голос? Или, Сам того не замечая, все еще говорил как Учитель? Тяжелая рука воина нанесла Ему первую пощечину.

— Так отвечаешь Ты первосвященнику?

— Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?

Понадобились доказательства Его вины. Нашлись два человека, которые засвидетельствовали, что Обвиняемый брался разрушить Храм Божий и в три дня отстроить его. Первосвященник поднялся и сказал: «Что же Ты ничего не отвечаешь?»

Отречение Петра

Ночь шла к концу, стало холодно. Во дворе слуги разожгли большой костер. Все, кто бродил вокруг дворца в ожидании рассвета, подходили погреться. Из темноты возникали люди с протянутыми к огню руками, они образовали круг у костра. Одна из служанок обратила внимание на бородатое лицо, которое показалось ей знакомым. «И этот был с Ним!» — воскликнула она. Петр вздрогнул и поспешно ответил: «Я Его не знаю».

Кифу провел туда ученик, знакомый с привратницей первосвященника. Женщина, всмотревшись в него, сказала недоверчиво: «И ты не из учеников ли этого Человека?», но Петр тут же отрекся. Он отошел подальше от костра, чтобы его не узнали. Первый хриплый крик петуха возвестил начало утра. Он не слышал его, дрожа от холода и страха. Его снова окружают люди: «Точно, ты из них; ибо ты галилеянин, и наречие твое сходно!»

Опаснее всего было свидетельство родственника Малха: «Не я ли видел тебя с Ним в саду?» Петр, еще больше испугавшись, начал клясться, что не знает этого Человека; и так он клялся и божился, что обвинители засомневались и вернулись к костру греться, оставив его в покое. Небо светлело. Снова пропел петух. День занимался и в сердце этого несчастного. Ночной мрак отступил, все в нем просветлело и осветилось в одно время с крышами дворца и домов, вершинами оливковых деревьев и высоких пальм. Тогда открылась дверь. Подталкиваемый слугами, показался Человек с руками, связанными, как у каторжника или висельника. Он взглянул на Петра. Взгляд Его источал бесконечную нежность и прощение. Апостол, оцепенев, смотрел на лицо, уже распухшее от ударов. Затем, схватившись за голову, вышел оттуда — плача так горько, как не плакал еще ни разу в жизни.

Лицо Иисуса было уже заплевано. Они начали в Него плевать, когда Каиафа потребовал ответа:

— Заклинаю тебя Богом живым, скажи нам, — Ты ли Христос, Сын Благословенного?

Тогда Иисус, до сих пор безмолвствовавший, вдруг выпрямился и отчетливо произнес:

— Я. И вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных.

Раздался крик ужаса. Первый плевок потек по Его лицу, затем еще и еще. Слуги били Его по щекам. Они закрывали ему лицо, били кулаками, говорили: «Прореки нам, Христос, кто Тебя ударил?» — и смеялись.

Не будь Он невзрачным на вид, обладай той величественной осанкой, которую мы Ему приписываем, эти подонки держались бы подальше. Нет, Назарянин ничем не мог произвести впечатление на эту сволочь. Во всяком случае, в тот момент. Ведь даже у обычного человека есть много ликов. Скрытый свет Преображения, должно быть, иногда лучился от царственного лица, запечатленного на Туринской Плащанице. Если наши лица отражают нашу душу, то каким же могло быть лицо Сына Божиего! Но Он, конечно, хотел затемнить его. Всемогущая воля к самоумалению уничтожила на священном Лике все, что могло бы поколебать палачей. Правда и то, что сама чистота иного облика навлекает ненависть, вызывает яростные оскорбления. Озверелая свора держала Бога в руках и власть издевалась над Ним — как издеваются иногда матросы над отданным в их власть юнгой.

Оплеванием Страсти Иисуса могли бы и закончиться. Уже и этой мерзости слишком много для нашей слабой веры. И однако власть Иисуса над душами людей коренится в сходстве Его страданий со страданиями людей, и не только с обычными муками, свойственными жизни человека. Достаточно, чтобы в мире нашелся хоть один узник или мученик, осужденный невинно или даже виновный, который найдет в поруганном и распятом Иисусе свой образ и подобие. Когда среди орущей толпы по улице Моцарта волочили молодого убийцу, чтобы восстановить картину его преступления, одна женщина плюнула ему в лицо — и он тут же принял образ Христа. С тех пор как Иисус страдал и умер, люди не стали менее жестоки, и крови они проливают не меньше, но жертвы вторично сотворяются по образу и подобию Божию — сами того не ведая, сами того не желая.

Отчаяние Иуды

Когда Его, вырвав у слуг, тащили в преторию (находившуюся, несомненно, в крепости Антония несколько выше Храма), некий человек подавленно наблюдал за делом своих рук. Нет, он не был извергом: Иуда не думал, что дело пойдет так далеко; заточение в тюрьму, несколько ударов бича, быть может, — и Плотника отошлют к Его верстаку. Еще немного — и слезы Иуды смешались бы в памяти людей со слезами Петра. Тогда он стал бы святым, покровителем всех нас, не переставших совершать предательства. Раскаяние душило его: Евангелие отмечает, что он «раскаялся». Он принес тридцать сребреников первосвященнику и сознался в своей вине: «Согрешил я, предав Кровь невинную...» Иуда был на грани подлинного раскаяния. Господь тогда имел бы и предателя, нужного для Искупления, и еще одного святого вдобавок.

Что ему эти тридцать сребреников? Возможно, он не предал бы Иисуса, если бы не любил Его, если бы не чувствовал, что любим меньше других. Жалкие расчеты сребролюбца не могли сыграть для него решающую роль: наверно, сатана навсегда воцарился в душе Иуды в тот момент, когда голова Иоанна склонилась к сердцу Господа.

«И бросив сребреники в Храме, он вышел. Пошел и удавился».

Дьявол не властен над последним из преступников, если тот не потерял надежды. Пока в самой грешной душе брезжит свет надежды, от бесконечной Любви ее отделяет один лишь вздох. Остается тайной из тайн, почему на этот вздох сыну погибели не хватило сил.

Первосвященники отказались положить в церковную казну деньги, которые были ценой крови, и купили на них участок земли для погребения странников. Они убили Сына Божиего, и при этом думали о том, как бы не оскверниться! Так накануне Пасхи они не решились войти в преторию, и прокуратор вынужден был вести с ними переговоры в перистиле. Здесь проявляется тупость лобового понимания буквы Писания, буквы, которая убивает — из-за верности букве было заклано столько агнцев, с Агнца Божиего начиная.

Пилат

Пилат ненавидел и презирал как Синедрион, так и Ирода Антипу, но вместе с тем боялся их. В Риме прокуратор проиграл им дело о золотых щитах; он сначала повесил их в царском дворце в Иерусалиме, а потом вынужден был убрать их в Кесарию, свою постоянную резиденцию. С тех пор как он проиграл то дело, прокуратор остерегался этих бешеных: «Возьмите сами этого Человека, — кричал он им, — и судите Его по вашему закону!»

Те самые иудеи, которые боятся оскверниться, войдя в преторию, где по их требованию будет осужден на смерть Невинный, заявляют, что им запрещено убивать. Они предадут Иисуса распятию, но не произнесут при этом смертного приговора. Лицемерие, которое так яростно обличал Христос в течение трех лет, проявляется теперь во всей своей гнусности.

Раздраженный Пилат возвращается в преторию, но действует осторожно. Он не знает, что спросить у Бедняги, на время вырванного у своры подлецов. Считать, что прокуратор поддался жалости, было бы большим преувеличением. Он знал, что нужно подыгрывать маниям безумцев.

— Ты Царь Иудейский?

Но Ясновидец отвечает ему:

— От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе обо Мне?

Нет, перед ним не безумец! Пилат сердится:

— Разве я иудей?

Он недоволен тем, что фанатики впутали его в эту историю. А Человек продолжает:

— Царство Мое не от мира сего. Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда... Ты говоришь, что Я — Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине.

— Что есть истина? — спрашивает Пилат.

Если бы в груди прокуратора билось сердце нищего, блудницы или мытаря, возможно, он услышал бы в ответ: «Я — Истина, Я, который говорит с тобой!» Но перед Иисусом был солидный человек, важный сановник: он бы просто пожал плечами. Однако какая-то тайная сила действует на Пилата: что-то есть в этом Человеке... Он не смог бы сказать, что именно, но он уже не считает Его безумным. Очевидно, Синедрион озлобился на Него только из зависти. Невозможно отрицать силу Его взгляда, Его голоса... Хотя римлянин и презирает иудеев, но он суеверен. Никогда не знаешь... Восток кишмя кишит опасными божествами. Недаром его жена видела какой-то сон об этом Праведнике и просила передать, чтобы он не ввязывался в это дело. Почему бы Его не отпустить? К несчастью, члены Синедриона заняли политическую позицию: Иисус объявляет Себя Царем и Мессией, а именно таких бунтовщиков более всего не терпит Рим. Противники Пилата знают это и пускают против него сильное оружие. Незначительное дело, но оно может его погубить. Перед нами политик, который, как и все политики, стремится удовлетворить обе стороны и ищет какую-нибудь увертку. Внезапно он ударяет себя по лбу: нашел! Назарянин? Так ведь этот Иисус находится в юрисдикции Ирода! Пилат, поссорившийся с тетрархом с тех пор, как тот без его разрешения устроил массовые казни галилейских бунтовщиков, окажет ему знак уважения и убьет двух зайцев: отделается от Иисуса и помирится с Иродом, который, кстати, по случаю праздника находится в Иерусалиме.

Иисус перед Иродом

Убийца Иоанна Крестителя давно хотел увидеть Иисуса, о котором так много слышал. Сначала он встретил Его с некоторой торжественностью в окружении гвардии и придворных. Вид этого несчастного, должно быть, смутил тетрарха. Тем не менее он забросал Иисуса вопросами. Но Сын Человеческий словно окаменел. Несмотря на вопли книжников, Он ничего не отвечал этой лисице — как Он однажды назвал Ирода. Тетрарх и его окружение принадлежали к тому миру, о котором Он не молился.

Первосвященники были ему не так противны, как эти пустопорожные разбойники, ничтожные марионетки и мразь, выдающая себя за сливки общества.

— Как! Это и есть Иисус? Какое разочарование! За одно это Он заслуживает смерти.

— Мне говорили, что Он хорош собой! Но Он уродина! Он совсем не похож на пророка! Хочется подать ему копеечку.

— Подумать только, как создаются репутации!

— Иоанн Креститель, тот, по крайней мере, что-то собой представлял. А этот рядом с Иоанном — пустое место. Он и в подметки ему не годится. Жалкий подражатель!

— Нет! Вы только посмотрите на Него! За кого Он Себя выдает, недоумок?

— Хочет поразить нас Своим молчанием...

Ироду все это надоело, и, не сумев вырвать из Иисуса ни слова, он велел одеть Его смеха ради в белые одежды и отослал обратно к Пилату, своему другу Пилату.

Варрава

Важному сановнику пришлось искать другой выход из положения. Но вот, кажется, он нашел: кто-то напомнил об иудейском обычае отпускать перед Пасхой на свободу одного узника, которого выберет народ. Прокуратор снова вышел к толпе, и она стихла, чтобы его выслушать.

— Я никакой вины не нахожу в Нем. Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?

В шутку ли он назвал так Иисуса, или нет, но это было явно неуместно! Книжники и первосвященники вышли из себя и требовали от народа, чтобы он просил отпустить разбойника Варраву. Толпа единодушно закричала:

— Варраву! Варраву!

Пилат отступил, не теряя все же надежды спасти Невинного от разъяренной толпы. Ничего лучше не придумав, он с чисто латинской гибкостью решается на жестокий ход: довести этого Человека до такой степени унижения и убожества, чтобы никто не мог принять всерьез Его смехотворные притязания на царство. Для этого надо было вырвать Его у этой волчьей стаи и отдать в руки своих воинов. Он знал, как они справляются с такими делами: побывав в их руках, Царь Иудейский обезоружит не только членов Синедриона — Он вызовет жалость даже у бессердечных первосвященников.

Бичевание

Итак, воины повели Иисуса к себе; они собирались хорошенько позабавиться. У них были плети со свинцовыми наконечниками. Все наши поцелуи и объятия, распутство тел, сотворенных для того, чтобы быть жилищем Любви, осквернение плоти, все преступления не только против Божественной благодати, но и против природы, все это Сын Человеческий берет на себя. Кровь, которая заливает Его тело, становится первой багрянницей, на которую воины набросят другую, из ткани, и она прилипнет к живому мясу. На земле лежат связки терновника, приготовленные для растопки. «Подождите, я сделаю венец этому Царю! Послушай, сунь Ему в лапу трость... Радуйся, Царь Иудейский!» И они, подталкивая друг друга, становились на колени и били кулаками по лицу, которое уже превратилось в сплошную рану.

Ессе homo

Когда римлянин увидел, что стало с Иисусом, он успокоился: да, войны хорошо справились с задачей: вид горе-пророка должен пристыдить тех, кто привел Его сюда. Он захотел сам ввести их в курс дела (с видом, который означал: «Сейчас вы кое-что увидите!»).

— Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины.

Он ушел за Иисусом и появился перед народом, подталкивая перед собой какое-то чучело, наряженное в красные лохмотья, на голову Его была водружена шапка из терновника, лицо представляло собой маску из плевков, гноя и крови с влипшими туда прядями волос.

— Вот — Человек!

Они не пали на колени. Где же были те, кого Он исцелил от проказы, избавил от бесов, где были слепцы, которым Он вернул зрение? Многие из уверовавших в Него, вопреки всему еще сохранившие надежду, потеряли последние остатки веры, увидев это человеческое отребье. А! Пусть Он будет сметен с лица земли! Пусть исчезнет! И мы верили в это вот? Какой позор!

Крик огромной толпы: «Распни Его!» — привел прокуратора в замешательство. Он попытался перекричать их: «Но Он невиновен!» Тогда из толпы вышел первосвященник. Воцарилась глубокая тишина, так как он говорил от имени всех:

— Мы имеем Закон, и по Закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.

Пилат смутился. Сын Божий — что бы это значило? Он вернулся в преторию, велел Иисусу подойти и задал Ему странный вопрос:

— Откуда Ты?

Прокуратор спрашивал не о земном происхождении Иисуса. Несомненно, в этом ошметке человека он чувствовал огромную неподвластную ему силу. Но Иисус молчал.

— Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? — вышел из терпения Пилат.

— Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше. Посему более греха на том, кто предал Меня тебе.

«С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: „Если отпустишь Его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, — противник кесарю!“. Пилат, услышав это, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом по-гречески лифостротон, по-еврейски гаввафа (недавно была найдена эта мостовая, которой касались священные ноги Иисуса). Тогда была пятница перед Пасхою и час шестой. И сказал Пилат иудеям: „Вот Царь ваш!“. Но они закричали: „Возьми, возьми, распни Его!“ Пилат говорит им: „Царя ли вашего распну?“ Первосвященники отвечали: „Нет у нас царя, кроме кесаря“».

Их ответ таил угрозу. Пилат понял, что зашел слишком далеко: если он освободит этого несчастного, в Рим полетит донос. И прокуратор нашел способ законным образом снять с себя ответственность: он умыл руки перед народом, тем самым объявив себя невиновным в крови Праведника. Слово было за иудеями. Несчастный народ закричал: «Пусть кровь Его будет на нас и на детях наших». Так было, так остается и поныне, однако проклятие это не вечно: для Израиля сохраняется место одесную Сына Давидова.

Крестный путь

Он — добыча, олень, отданный псам на растерзание. Как понесет Он Свой крест, когда Сам еле передвигается? Вместо него крест несет Симон Кириинеянин, отец двух учеников — Александра и Руфа. Рядом, волоча такие же столбы, идут два разбойника, ничем не отличающиеся от Бога. Представим крест таким, каким он был на самом деле: он так не похож на тот престол, на который мы возвели Агнца Божиего, вознеся Его над миром! Правда о кресте невыносима, необходимо мужество, чтобы взглянуть ей в лицо. «Первые христиане, — пишет отец Лагранж, — были не в силах изображать распятого Христа, так как они своими глазами видели эти жалкие нагие тела, прикрепленные к грубым столбам с поперечной перекладиной в форме буквы „Т“. Они видели руки и ноги, прибитые гвоздями к виселице, качающиеся головы, тела, обвисавшие под собственной тяжестью. Видели, как собаки, привлеченные запахом крови, пожирают ноги, а коршуны кружат над этой бойней, как обессиленные страданиями, мучимые жаждой распятые призывают смерть нечленораздельными криками. Такой казни подвергались рабы и разбойники. Именно эту казнь претерпел Иисус».

Голгофа находится у самых городских ворот. Достаточно ли было это расстояние, чтобы Иисус мог трижды упасть, как о том говорит предание? Короток путь, по которому воины тащат Иисуса, теснимого толпой. Возможно, Он не видит Марию, но Она здесь. Она пользуется тем, что у Сына Ее и Бога Ее нет больше ни сил, ни голоса, чтобы прогнать Ее; кончилось, наконец, безмолвное уединение с мечом в сердце. Ни один святой не может обнять крест так крепко, как Дева; Она молча участвует в Искуплении. Да, Мать не кричала, Ее не называют среди плачущих женщин, следующих за осужденным. Он же в эти минуты думает о возмездии, которое постигнет Его город и Его народ за Его страдания, и скорбит: «Плачьте о себе и о детях ваших!» Одна рыдающая женщина подошла и отерла Его лицо платком. Евангелисты не называют Веронику. Но она, несомненно, существовала. Могла ли женщина устоять перед желанием отереть это страшное лицо?

Распятие

Наступили самые страшные минуты. Отдираание ткани, прилипшей к ранам, удары молотка по гвоздям, поднятие креста, тело, провисающее всей своей тяжестью, жажда, утоляемая уксусом, смирной и желчью, и позорная нагота выставленного напоказ жалкого тела... О, вместилище Святых Даров! Палачи делают свое дело — и ничего более. Иисус молится за них, ибо они не ведают, что творят. Но нет конца ненависти книжников и первосвященников. Они все еще здесь, перед этой живой раной — смеются, качают головами, издеваются, торжествуют: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти! — Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя! Если Ты Царь Израилев, спаси Самого Себя!»

Одно омрачает их радость: надпись, которую Пилат укрепил на перекладине креста: «Это Царь Иудейский». Они пытаются уговорить прокуратора внести исправление: «Он говорил: Я Царь Иудейский». Но терпение Пилата кончилось, может быть, у него тяжело на душе. Он холодно выпроваживает их, говоря: «Что я написал, то написал».

Около виселицы, совсем невысоко подымающейся над землей, гудит толпа. Осужденный висит так низко, что плевки и сейчас попадают в Него. Толпа продолжает издеваться: «Разрушающий Храм и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого!».

Пусть спасет Самого Себя, и они тут же уверуют в Него. Те, кого Он любит, сгрудились вокруг, охраняя выставленное напоказ тело, прикрывая своей любовью его наготу — наготу слишком окровавленную и страдающую, чтобы оскорбить чей-то взор. Сквозь кровь и гной Он видит отражение Своих страданий на дорогих Ему лицах: Марии, Матери Его, Марии Магдалины и Марии Клеоповой, сестры Матери Его. Иоанн, наверное, стоял, закрыв глаза. Но вот поразительный эпизод, последнее приобретение невинной и

распятой Любви, о котором сообщает только евангелист Лука: «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по нашим делам приняли, а Он ничего худого не сделал». Едва он это сказал, как ему была дарована безграничная благодать: вера в то, что этот Казнимый, этот жалкий ублюдок, которым и собаки теперь побрезгуют, и есть Христос, Сын Божий, Творец жизни, Небесный Царь. И он говорит Иисусу:

— Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!

— Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мной в раю.

Одно движение чистой любви — и всей преступной жизни как не бывало. Добрый разбойник, святой работник последнего часа, даруй нам свою безумную надежду.

Смерть

Жестоко страдая, Иисус обнимает взглядом двух людей, которых Он более всего любил в этом мире, и вверяет их друг другу: «Жена, вот сын Твой — вот Матерь твоя...» — и наша Матерь навек. С того момента Мария и Иоанн не разлучались. Внезапно раздался неожиданный душераздирающий вопль, который все еще леденит наши сердца:

— Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?

Это первый стих 21-го псалма, того псалма, которым Христос жил на пороге смерти. Да, мы глубоко верим в то, что Сыну нужно было пройти и через этот ужас: оставленность Отцом. Но так же верно и то, что мысли Умиряющего были прикованы к псалму, стихи которого — шестой, седьмой и восьмой — в этот момент исполнялись буквально: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все видящие меня ругаются надо мною; говорят устами, кивая головою: он уповал на Господа — пусть избавит его; пусть спасет, если он угоден Ему. Пронзили руки мои и ноги. Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий».

Все это исполнилось: и о цельнотканом хитоне Его бросали жребий. Умиряющий Христос Сам исполняет предсказанное. И делает это из последних сил. Но чувство богооставленности не покидает Его с Гефсиманского сада. Должно быть, не раз за три мучительных года вырывались из Его уст эти первые слова псалма! Так мы в часы усталости или страдания, вздыхая, говорим себе: «Боже мой!» Удивительно, что воины, услышав вопль: «Или! Или!» (Боже! Боже!), думают, что Он зовет Илию, и говорят: «Илию зовет! Посмотрим, придет ли Илия спасти Его...» Значит, в этих простых стражниках оставалось немного веры... Тем временем умирающий в муках Человек исполняет Свою роль стих за стихом. Он говорит: «Жажду!» К Его устам подносят губку, пропитанную уксусом. Но в этом не было злого умысла. Уксусом пользовались воины, по-видимому, это был род кислого вина. Иисус произнес:

— Свершилось.

«И преклонив голову, предал дух». Но прежде чем Он издал этот громкий таинственный возглас, один сотник, ударив себя в грудь, сказал: «Истинно Человек этот был Сын Божий...» Слова здесь излишни. Если Творцу угодно, достаточно и одного вопля, чтобы создание признало Его.

Погребение

Ничего не осталось от трех лет безвестных усилий, кроме трех казненных тел у входа в город под грозовым небом темного весеннего дня.

Зрелище это было привычным: тела преступников в назидание оставляли у городских ворот на всеобщее обозрение и на растерзание зверям. Но перед Пасхой трупы казненных нужно было убрать. По просьбе иудеев и по приказу Пилата воины прикончили двух разбойников, перебив им голени. Так как Иисус был уже мертв, они ограничились ударом копья в сердце. Иоанн, который, возможно, стоял, прижавшись головой к растерзанному телу, увидел, как из открытой раны полилась кровь и вода, и почувствовал, как они текут по нему.

Иосиф Аримафейский — один из тех тайных учеников Иисуса, которые боялись иудеев при Его жизни, — добился у прокуратора разрешения взять тело Господа. Ловкий политик Никодим, тоже из числа боязливых, в этот момент раскрывает себя и появляется открыто со ста литрами алоэ и смирны.

Для робких настало время действовать. Два человека, которые не решались исповедовать Христа при Его жизни и приходили к Нему тайком по ночам, сейчас, когда Он умер, проявляют больше веры и любви, чем те, кто изливался в речах. Ничего им больше не надо, этим честолюбцам и сановникам, раз они потеряли Иисуса. Чего им бояться? Иудеи не могут больше причинить им зла. Теперь у них можно все отнять, потому что они все потеряли, ни к чему им те почести, которыми раньше они так дорожили, потому что умер Иисус.

В саду на склоне Голгофы у Иосифа Аримафейского была новая гробница. Близился праздник, гробница была рядом — и они положили туда тело Господа.

27. Воскресение

Небо застилала тучи. Возможно, показались мертвые, но об этом вспомнили лишь позже. Скорей представляется весенний вечер, похожий на все весенние вечера, запах теплой влажной земли, усталость и опустошенность, которые я ощущал в детстве, когда со смертью последнего быка пустела арена, как будто моя собственная кровь истекла вместе со всей пролитой кровью. Счеты сведены, дело сделано. Бесплезная отныне ненависть тяготит сердца книжников. В них накапливалась великая печаль их народа. Ее хватит, чтобы долгие века питать эту неудовлетворенность, эту ненасытность. Фарисеев еще беспокоили хлопоты людей вокруг трупа, пусть и обесчещенного. Люди трезвые насмеялись над теми, кого увлек Обманщик. Но наступала Пасха, и все разошлись по домам.

Где же спрятались друзья Победенного? Что осталось от их веры? Сын Человеческий переступил порог смерти, но через какие ворота! Память о Нем будет противна и отвратительна для иудеев. Наследство, о котором Он столько говорил, стало символом поражения. Победа над миром? Враги растоптали, раздавили Его и перед всем народом доказали Его бессилие и, следовательно, обман. Да, Его друзьям ничего не оставалось делать, как затаиться, скрывать свои слезы и позор и молча ждать.

Они все-таки ждали, вспоминая некоторые Его слова, цепляясь за них. Поколебалась их вера, но не любовь. Возможно, некоторые сердца горели, охваченные безумием веры, которая была уже безумием Креста. Особенно женщины, все эти Марии... Матери же Иисуса не нужна была вера, она знала. Но в Ней продолжались Страсти Сына. Сыпались без передышки удары, плевки летели в родное лицо. Бог непрестанно истекал кровью в Ее сердце, и с этим Она ничего не могла поделать. В Ней все еще звучал каждый Его вопль и малейший вздох, слетавший с обескровленных губ. Дева превратилась в нескончаемое эхо Страстей Иисуса. Она искала на Его челе следы терновых шипов. Она целовала Его ладони... Но, наверно, Ей приходилось заботиться и об убитом горем Иоанне...

Здесь должна бы начаться повесть о возвращении Иисуса в мир. Но тогда это была бы история самого мира до скончания времен. Потому что воскресший Христос всегда здесь присутствует. Хочется даже сказать, что присутствие Христа не прервало Его Вознесение: через несколько месяцев после того, как ученики наблюдали Его исчезновение, Он ослепил Своим светом на пути в Дамаск врага Своего Савла и говорил с ним. Да, апостол Павел никогда не сомневался в том, что он был таким же свидетелем Воскресения, как и те, кто пил и ел вместе с Христом, победившим смерть. Об этом он говорит в известном месте Первого Послания к коринфянам: «Я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати, потом явился более нежели пятистам братьям в одно время, из которых большая часть и доныне в живых, а некоторые и почили. Потом явился Иакову, также всем апостолам. А после всех явился и мне, как некоему извергу».

Несомненно, явления Христа, подтверждающие Его Воскресение, не следует смешивать с теми явлениями, которых были удостоены многие после того, как Он поднялся на Небо. И все же Тот, Кто поверг ниц Павла на пути в Дамаск, это тот самый Христос, которого слышали, видели, касались Франциск Ассизский, Екатерина Сиеннская, Тереза Авильская, Маргарита-Мария, юре д'Арсский и многие известные и неизвестные святые, перед лицом ли всей Церкви, в тишине ли укромной жизни. Присутствие это не является евхаристическим, но самый простой христианин знает его: ибо, приняв Святые Дары, возвращаясь от Чаши, он бережно прикрывает плащом огонь, горящий в самой сокровенной глубине его существа, оберегая трепетание плененной Любви.

Это подтверждается еще вот чем: множество евангельских повествований остается недоступным нашему воображению, зато те рассказы, которые относятся к Воскресению Христа, особенно близки нашему жизненному опыту. Прежде всего потому, что и мы познаем Христа через Его Страсти. Он приходит к нам не из глубины смерти, а из глубины Своего страдания. Чтобы достичь каждого из нас, Он всякий раз проходит через человеческий ад. То Его лицо, которое мы знаем, это не лицо иудея, которого без поцелуя Иуды не могли различить среди прочих воины когорты и слуги первосвященника. Это лик, оплеванный и избитый за наши грехи, это пламенный и печальный взгляд, следящий за нами всю нашу жизнь, от падения к падению, взгляд, источающий любовь, которая никогда не ослабевает и не отчаивается.

Каждая встреча воскресшего Христа со Своими близкими напоминает христианину какое-либо событие его собственной жизни. Мария Магдалина плачет у гроба, «потому что унесли Господа ее и не знает, где положили Его». «Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего, но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: „Жена! Что ты плачешь? Кого ищешь?“ Она, думая, что это садовник, говорит Ему: „Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его“. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: „Раввун!“»

Почему бы нам не признаться, что и мы иногда таким же образом вдруг узнаем Его? Чаще всего — в Его священниках, о которых мы так дурно говорим! Однако христианину, по привычке (быть может, плохой) наугад преклонявшему колени перед какой-нибудь исповедальней, не раз случалось слышать неожиданные, ошеломляющие слова; от кроткого и смиренного сердцем незнакомца, заточенного в зарешеченную гробницу исповедальни, он вдруг получает дар Божественной нежности, утешение, исходящее не от этого человека.

Сколько раз срывалось с наших уст молитвенное взывание Фомы, прозванного Ближнецом, когда глазами, исполненными веры, и щупающими руками слепца мы видели и касались ран Господа! «Dominus meus et Deus meus...» Господь мой и Бог мой. Он — достояние всех — дарует Себя каждому в отдельности.

В первый раз Иисус появился в запертой комнате, где из страха перед иудеями скрывались ученики, и показал им Свои раны. Он исполнил их сердца миром и радостью и передал власть отпускать грехи. (О уверенность в полученном прощении! Рука священника на нашей голове, и слова разрешительной молитвы текут по нашему сердцу и плоти, подобно воде и крови, истекающим из пронзенного копьем ребра!). Когда явился Иисус, Фомы среди них не было, и потому он не хотел верить их рассказам: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей и не вложу перста моего в раны от гвоздей и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». Восемь дней спустя Иисус вновь неожиданно приходит к ним и говорит Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои, и не будь неверующим, но верующим». Фома отвечает Ему: «Господь мой и Бог мой!» Иисус говорит ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие!»

Господи, хотя мы и не видели Тебя телесными очами — веруем в Тебя.

Кому из нас не знаком путь в Эммаус? Кто не шел по этой дороге однажды вечером с сознанием, что все потеряно? Христос умер в нас. Его отняли у нас мир, философы и ученые, наши страсти. Не стало Иисуса для нас на земле. Мы шли по дороге одни, но Кто-то шел рядом. Мы были одни — и в то же время не одни. Наступает вечер. Вот дверь, открытая в полутемную комнату гостиницы, пламя очага, которое освещает лишь земляной пол и шевелит тенями. О преломленный хлеб! О частица хлеба, вкушаемая вопреки такому горю! «Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру!»

День склоняется к вечеру, жизнь подходит к концу. Детство кажется более далеким, чем начало мира; из утраченной юности до нас доносится лишь последний шелест в мертвых деревьях неузнаваемого парка.

«И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»

Однажды Кифа, Фома, Нафанаил, Иаков и Иоанн ловили рыбу. Они вернулись на Тивериадское озеро к своим лодкам и сетям, «они остепенались» — так, вероятно, думала их родня. На этот раз они ничего не поймали. Какой-то Незнакомец посоветовал закинуть сеть по правую сторону лодки. И тогда они вытащили столько рыбы, что Иоанна внезапно осенило: «Это Господь! Петр, это Господь!» И Петр тотчас бросается в воду, чтобы как можно скорее достигнуть своего Возлюбленного. Он там, на берегу. Это действительно Он. Дымятся угли. На солнце сохнет одежда Петра. Печется пойманная ими рыба. Иисус дает им хлеб, они принимают за еду, даже не спросив Его: «Кто Ты?» Никогда нет полной уверенности, что это Он. Но нет! Боже мой! Это Ты! Конечно, это Ты задаешь вдруг вопрос (о, как он нам знаком! Знаком вопрос, но, увы, не ответ):

— Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они?

— Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя...

— Паси агнцев Моих...

Трижды повторяется этот диалог на берегу озера. Затем Иисус удаляется, а Петр следует за Ним; Иоанн идет немного позади — как будто он потерял свои права «самого любимого ученика», а Воскресший Господь уже не оказывает ему Своего предпочтения.

Однако Он говорит о сыне Зеведееве таинственные слова, которые убеждают остальных учеников в том, что Иоанн не умрет. Когда несколько недель спустя Иисус отделился от учеников, поднялся в воздух и растворился в свете, это не значит, что Он окончательно расстался с ними.

Он уже прячется на повороте дороги, ведущей из Иерусалима в Дамаск, и выслеживает Савла — Своего возлюбленного гонителя.

Отныне каждого человека на его путях будет подстерегать Бог.

1

[1] Имеется в виду «Подражание Иисусу Христу» св. Фомы Кемпийского. — Прим. пер.

(обратно)

Оглавление

Предисловие к русскому изданию

Предисловие автора к новому изданию

Предисловие автора к первому изданию

1. Назаретская ночь

Старец Симеон

2. Отрок среди учителей

Иисус-юноша

3. Последние дни безвестной жизни

4. Крещение Иисуса

Первый зов

5. Кана

Последний зов

6. Изгнание торговцев из храма

Никодим

7. Самарянка

8. Прощаются тебе грехи твои

Призвание Матфея

9. Иуда

10. Нагорная проповедь

Сотник

11. Ученики Иоанна

Трапеза у Симона

12. Бесы Марии Магдалины

Притчи

Усмирение бури

У герасинцев

Дочь Иаира и край одежды

13. Казнь Иоанна Крестителя

14. Исцеление расслабленного в купальне у овечьих ворот

Умножение хлебов

Хождение по водам

Хлеб жизни

15. На пути в Кесарию Филиппову

Преображение

16. На пути в Иерусалим

Проклятые города

В Иерусалиме

17. Женщина, взятая в прелюбодеянии

Равный отцу

18. Слепорожденный
Добрый пастырь
19. Милосердный самарянин
Вифания
Отче наш
Грех против Духа Святого
Иисус ободряет своих
Нетерпение и скорбь
Краткое пребывание в Иерусалиме
20. Христос скорбит о Иерусалиме
Предпочтение грешников
Блудный сын
Маммона
Десять прокаженных
Царство внутри нас
Возвращение Иисуса
21. Брак
Богатый юноша
Работники последнего часа
22. Воскрешение Лазаря
Смерть его предрешена
Просьба сыновей Зеведеевых
Вход в Иерихон, исцеление Вартимея
Закхей
23. Вечеря у Симона
Пальмовые ветви
Великий понедельник
Если зерно не умрет...
Вторник и среда
Злые виноградари
Отдавайте кесарю...
24. Лепта вдовы
Пророчество о разрушении храма и конце мира
25. Великий четверг
Зловоние души
Евхаристия
Первосвященническая молитва
26. Гефсимания
Отречение Петра
Отчаяние Иуды
Пилат
Иисус перед Иродом
Варрава
Бичевание
Ессе homo
Крестный путь
Распятие
Смерть
Погребение
27. Воскресение